АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. А. ФУРСЕНКО

БОРЬБА ЗА РАЗДЕЛ КИТАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ ДОКТРИНА ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

1895–1900

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А.А.ФУРСЕНКО

БОРЬБА ЗА РАЗДЕЛ КИТАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ ДОКТРИНА ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

1895–1900

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1956

Ответственный редактор
Б. А. РОМАНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Осенью 1899 г. в разгар борьбы за раздел Китая Соединенные Штаты Америки предложили другим империалистическим державам соблюдать в Китае принцип «открытых дверей»: не выговаривать себе преимущественных прав в торговле и поддерживать административную и территориальную целостность Китая. Это выступление Соединенных Штатов получило впоследствии широкую известность как провозглашение доктрины «открытых дверей» или, как ее иначе называют, доктрины Хэя (по имени тогдашнего государственного секретаря).

Изучению американской доктрины «открытых дверей» уделено не мало внимания в советской и зарубежной исторической литературе. Поэтому, приступая к своей работе, автор естественно исходил из того, что́ в этой области уже сделано.

В советской исторической литературе данному вопросу посвящены соответствующие разделы монографий В. Я. Аварина, А. Л. Гальперина, А. Ф. Доброва, А. Канторовича, Б. А. Романова и коллективных работ — «История дипломатии» и «Международные отношения на Дальнем Востоке».[1]

Значительный интерес представляет одна из первых советских работ, написанных на эту тему,— статья Э. Д. Гримма,

---

[1] В. Я. Аварин. 1) Империализм в Маньчжурии, т. I, М.—Л., 1931; 2) Борьба за Тихий океан. М., 1952. — А. Л. Гальперин. Англо-японский союз (1902—1921). М., 1947. — А. Ф. Добров. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952. — А. Канторович. Америка в борьбе за Китай. М., 1935. — Б. А. Романов. 1) Россия в Маньчжурии. Л., 1928; 2) Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.—Л., 1955. — История дипломатии, т. II, М., 1945. — Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945). М., 1951.

напечатанная в 1924 г., а также опубликованное недавно сообщение С. Б. Горелик.[1]

Важный шаг в изучении рассматриваемого вопроса делают работы китайских историков Лю Да-няня, Ху Шена и др.[2]

Из вышедшей в последние годы литературы на Западе наибольший интерес представляют исследования Кемпбелла и Ливермора, а также опубликованные еще в 30-х годах книги Фагтса, Пратта и Грисуолда, содержащие богатый материал по интересующему нас вопросу. При этом особого внимания заслуживают работы Кемпбелла, вносящие полезный вклад в разработку вопроса о влиянии деловых кругов на провозглашение доктрины «открытых дверей».[3]

Вместе с тем необходимо отметить, что на Западе, особенно в американской историографии, до сих пор преобладает официальная трактовка доктрины «открытых дверей», согласно которой доктрина эта представляется как свидетельство коренного отличия политики США в Китае и вообще американской внешней политики от политики других империалистических держав. Авторы этих работ утверждают, что в то время как прочие державы стремились к «полной колонизации Дальнего Востока», Соединенные Штаты хотели обеспечить в Азии развитие «достаточно сильных и прочных государств для того,

---

[1] Э. Д. Гримм. Доктрина «открытых дверей» и американская политика в Китае (от 1899 до 1921—1922 гг.). Международная жизнь, № 4—5, 1924. — С. Б. Горелик. Экспансия американского капитала в Маньчжурии. Кратк. сообщ. Инст. востоковедения, т. X, М., 1953. Когда наша работа была закончена и находилась в Издательстве, вышел том «Ученых записок ЛГУ» (№ 183) со статьей Г. В. Ефимова «Происхождение и империалистическая сущность американской доктрины „открытых дверей"», использовать которую в настоящей работе уже не оказалось возможным.

[2] Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. М., 1953. — Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. М., 1951. — Цинь Бень-ли. История экономической агрессии американского империализма в Китае. М., 1951.

[3] Ch. S. Campbell. 1) Special business interests and the open door policy. New Haven, 1951; 2) American business interests and the open door in China. Far Eastern Quarterly, v. I, № 1, November, 1941. — S. W. Livermore. American Naval Base Policy in the Far East (1850—1914). Pacific Historical Review, v. XIII, № 2, June, 1944. — A. Vagts. Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd. II, N. Y., 1935. — J. Pratt. Expansionists of 1898. Baltimore, 1935. — A. W. Griswold. The Far Eastern Policy of the United States. N. Y., 1938.

чтобы они могли постоять за себя».[1] По их утверждению, важнейшей целью американской доктрины «открытых дверей» была защита независимости и суверенитета Китая, в то время как остальные державы строили планы его раздела.[2] Некоторое исключение при этом делается в отношении Англии и Японии, с которыми США действовали заодно по целому ряду вопросов. С этой целью предпринимается, например, попытка опровергнуть давно установленный факт нападения Японии на Китай в 1894 г. и возложить ответственность за возникновение этой войны на Китай.[3] С другой строны, Англия, которой, как известно, принадлежала главная роль в закабалении Китая, представляется как обороняющаяся сторона и вся ответственность за попытки раздела Китая возлагается на Россию, Францию и Германию.[4]

В американской исторической литературе широко распространено утверждение, что роль Соединенных Штатов в борьбе за Китай была ролью стороннего наблюдателя, «выжидавшего развития событий с очевидным хладнокровием», и что политика США строилась на началах «бескорыстия» («unselfishness»), получившего выражение в доктрине «открытых дверей».[5] Сторонники этой теории утверждают, что политика США в Китае, в отличие от политики других держав, определялась «требованием народа» и не зависела от какой-либо «планирующей организации или группы».[6] Они объясняют особенности американской политики принципиально враждебным отношением США к монополии и до сих пор нередко отрицают

---

[1] Pan Shu-lun. The Trade of the United States with China. N. Y., 1924, стр. 45. — A. Dennis. Abventures in American Diplomacy (1896—1906), N. Y., 1928, стр. 173.

[2] M. J. Bau. The Open door doctrine in relation to China. N. Y., 1923. — A. Vince. Doctrine de la Porte ouverte en Chine et son Application dans la Politique Internationale. Besançon, 1946, стр. 14. — H. M. Vinacke. A History of the Far East in modern times. N. Y., 1950, стр. 155.

[3] P. Treat. The Cause of the Sino-Japanese War. Pacific Historical Review, v. VIII, № 2, June, 1939, стр. 157.

[4] H. M. Vinacke, ук. соч., стр. 147.

[5] F. R. Dulles. China and America. Princeton, 1946, стр. 99.— T. W. Overlach. Foreign Financial Control in China. N. Y., 1919, стр. 196.— S. C. Pan. American Diplomacy concerning Manchuria. N. Y., 1938, стр. 64.

[6] T. Dennett. Americans in Eastern Asia. N. Y., 1941, стр. 674.

решающее влияние делового мира на провозглашение доктрины «открытых дверей».[1]

Наконец, еще один аргумент, выдвигаемый сторонниками указанной концепции — это предпочтение, которое отдавало Соединенным Штатам Пекинское правительство. Вплоть до 90-х годов XIX в. США не принимали участия в колониальной экспансии, и это создало им в глазах китайского правительства известный моральный кредит. Над этим немало потрудилась и американская дипломатия. Облекая свою экспансию в форму «добрых услуг» и мероприятий по «экономическому развитию» Китая, США стремились закрепить за собой репутацию противников колониализма. В результате в определенной части правящих кругов Китая сложилось даже убеждение, что, опираясь на США, Китай сможет избежать раздела.[2] Однако именно в рассматриваемые годы «моральный кредит» США в Китае оказался в известной мере уже подорванным. Причиной этого были усилившиеся попытки американского внедрения в Китай, а главное — агрессивная война США против Испании и захват Филиппин. Доктрина «открытых дверей», несомненно, была рассчитана на то, чтобы сгладить неблагоприятное впечатление, которое произвели в Китае эти события: США хотели показать Пекинскому правительству, что они попрежнему занимают принципиально иную позицию, чем остальные державы. Однако это была лишь официальная версия, отнюдь не соответствующая действительному положению вещей.

Исходя из вышеизложенного, автор предлагаемой книги ставил своей задачей, опираясь на имеющийся документальный материал и используя то, что уже сделано в области изучения данного вопроса, осветить по возможности полно роль и место США в борьбе за Китай в 1895—1900 гг.

---

[1] D. L. Dumond. America in our time (1896—1946). Ann Arbor, 1947, стр. 111. — H. W. Kirwin. The Federal Telegraph C°: A Testing of the Open door. Pacific Historical Review, August, 1953. — P. Varg. Open door diplomat. The Life or W. W. Rockhill. Urbana, 1952, стр. 29.

[2] Г. В. Ефимов, ук. соч., стр. 7—9.

ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX в. в Соединенных Штатах Америки совершился переход к империализму. Формирование американского империализма протекало в условиях бурного промышленного подъема, начавшегося после Гражданской войны 1861—1865 гг. Для характеристики темпов роста производства США достаточно сказать, что продукция ведущей отрасли промышленности — черной металлургии, составлявшая в 1874 г. 191 933 т, возросла в 1895—1900 гг. до 9 452 731 т (в среднем в год), добыча угля по сравнению с 1860 г. увеличилась к 1900 г. почти в 20 раз, добыча нефти в 21 с лишним раз, а стоимость продукции обрабатывающей промышленности превысила уровень 1860 г. в 7 раз.[1]

За какие-нибудь два с лишним десятилетия Соединенные Штаты вырвались вперед, обогнав другие страны. К началу 90-х годов Америка вышла на первое место в мире по выпуску промышленной продукции, оставив позади «промышленную мастерскую мира» — Англию. В 1894 г. стоимость промышленной продукции США составила 9498 млн долларов, тогда как в Англии она равнялась 4263 млн долларов, в Германии — 3357 млн долларов и во Франции — 2900 млн долларов.[2]

Бурное экономическое развитие США способствовало коренным качественным сдвигам в американской экономике. Ни в одной другой стране мира свойственная империализму концентрация производства и капитала не достигала таких размеров, как в США. В Америке она привела к образованию гигантских трестов, которые Ленин называл «высшим выражением империализма».[3]

---

[1] У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 307. — Э. Богарт. Экономическая история Соединенных Штатов. М., 1927, стр. 244—245.

[2] У. З. Фостер, ук. соч., стр. 309.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 32.

Процесс трестообразования в США, шедший на протяжении всей последней трети XIX в., особенно усилился в 90-е годы. За 30-летний период, с 1860 по 1890 г., в США было создано 24 промышленных объединения с капиталом в 436 млн долларов, а за последнее десятилетие XIX в.— 172 объединения с капиталом 3380 млн долларов,[1] причем наиболее интенсивным в этом смысле был период после кризиса и депрессии 1893—1897 гг. Начиная с 1898 г., в США наступила так называемая «эра суперконсолидации», достигшая своего апогея в 1899 г. (78 объединений с капиталом в 1 млрд 886 млн долларов). В 1901 г. был образован первый трест с капиталом более чем в 1 млрд долларов — знаменитая «Юнайтед стейтс стил корпорейшн» («Стальной трест»).[2]

Концентрация производства приняла в Соединенных Штатах такие размеры, которые повели к установлению монополии отдельных крупнейших трестов и объединений над целыми отраслями производства. Около 90% добычи и сбыта нефти сосредоточилось в руках рокфеллеровской «Стандарт ойл», всей сталелитейной промышленностью Америки завладел «Стальной трест» Моргана, вся железнодорожная сеть США была сосредоточена в руках 5 монополистических группировок, которые в свою очередь в той или иной степени зависели от Моргана и Рокфеллера. К 1899 г. более $^2/_3$ промышленной продукции США выпускалось монополистическими объединениями. Аналогичная концентрация захватила и банковскую сферу, где вся власть сосредоточилась в руках двух крупнейших группировок Рокфеллера и Моргана.

Процесс концентрации производства и капитала сопровождался характерным для империализма слиянием банковского и промышленного капитала и созданием на базе этого финансовой олигархии. «...слияние банковского и промышленного капитала...,— пишет американский историк А. Рочестер,— было доминирующей особенностью американской экономической жизни в период кризиса и депрессии 1893—1897 гг. и бума после испано-американской войны 1898 г.».[3] Образование финансового капитала и установление господства финансовой олигархии в Америке наиболее ярко проявилось в сосредоточении ключевых позиций в области промышленности и финансов

---

[1] A. M. Shlesinger. Political and Social Growth of the American People (1865—1940). 3-d. ed, N. Y., 1941, стр. 141. — Ю. Кучинский. История условий труда в США с 1789 по 1947 г. М., 1948, стр. 219.

[2] Ю. Кучинский, ук. соч., стр. 219. — J. Moody. Truth about Trusts. N. Y., 1904, стр. 453, 470—475, 488.

[3] A. Rochester. Rulers of America. N. Y., 1936, стр. 13.

в руках двух упомянутых монополистических группировок Моргана и Рокфеллера. «Эти две гигантские группы,— писал автор известной книги об американских трестах Муди,— вместе... составляют сердце деловой и коммерческой жизни нации, все другие являются лишь артериями, пронизывающими тысячами нитей всю нашу жизнь, делая чувствительным свое влияние в каждом доме и деревушке, все они связаны и зависят от этого великого истока, влияние и политика которого господствуют над всеми».[1]

Переход к империализму сопровождался в Америке ростом внутренних противоречий, связанных с усилением имущественного неравенства. 90-е годы — это так называемое «золотое десятилетие» в истории американского капитализма. Обогащение класса капиталистов в эти годы достигло еще невиданных в мировой истории гигантских размеров. В 1861 г. в Соединенных Штатах было всего 30 миллионеров, а в 1897 г. их стало 3800.[2] К 1896 г. в руках кучки капиталистов, составлявших 1% населения США, было сосредоточено такое же количество национального богатства, каким владели остальные 99% жителей.[3] Магнаты капитала ежегодно получали десятки миллионов прибыли. Так, например, чистая прибыль «короля нефти» Рокфеллера за год составляла 50—60 млн долларов.[4] В то же время средняя годовая зарплата американского рабочего едва достигала прожиточного минимума в 490 долларов. Хотя за исследуемый период заработная плата номинально не понизилась, положение рабочего класса ухудшилось в связи с ростом интенсификации труда.[5] Занимавшаяся изучением положения рабочих комиссия конгресса США вынуждена была констатировать, что существующая в Америке система является «каким-то новым рабством, правда более эластичным и менее уловимым, чем рабство прежних эпох, но не менее тяжелым».[6]

Одновременно с ухудшением положения рабочего класса ухудшилось и положение фермерства. В сельском хозяйстве в результате вытеснения мелкого производства крупным шло разорение мелких собственников. В своем исследовании «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии»

---

[1] J. Moody, ук. соч., стр. 493.

[2] Ch. and M. Beards. The Rise of American Civilisation, v. II, N. Y., 1947, стр. 383—384.

[3] F. R. Dulles. Twentieth century America. Boston—N. Y., 1945, стр. 11.

[4] J. Moody, ук. соч., стр. 490.

[5] F. R. Dulles. Twentieth century America, стр. 18. — Ю. Кучинский, ук. соч., стр. 174, 180—181, 299—300.

[6] И. Х. Озеров. Америка идет на Европу. СПб., 1903, стр. 36. Ср.: J. Strong. Our country. N. Y., 1891, стр. 153, 147—148.

В. И. Ленин отмечал, что процент собственников в общем числе фермеров неуклонно уменьшается и растет процент арендаторов.[1] В 1880 г. процент собственников в сельском хозяйстве США составлял 74, в 1890 — 71.6, в 1900 — 64.7.[2] По данным переписи 1890 г., в некоторых округах ведущих сельскохозяйственных штатов (Канзаса, Небраски и Дакоты) было заложено 90% фермерских земель. В 1895 г. в 15 округах Канзаса от 75 до 90% земли находилось в руках ростовщических компаний.[3] Наряду с разорением фермеров-собственников шло дальнейшее ухудшение положения арендаторов. «Ухудшение положения арендаторов,— писал Ленин,— идет *сильнее,* чем ухудшение положения собственников».[4] Это находило свое выражение в прогрессирующем увеличении числа полурабских издольщиков сравнительно с ростом числа арендаторов за деньги.[5] Еще бóльшие лишения приходилось испытывать сельскохозяйственным батракам, зарплата которых была ниже, чем в промышленности.

Рост имущественного неравенства и усиление классового гнета вызвали в Америке массовые выступления против трестов. Эти выступления, как отмечал Ленин, были специфической формой американского рабочего движения, признаком обострения борьбы пролетариата с буржуазией.[6] Констатируя факт усиления классовой борьбы в 90-е годы, одна из американских газет писала, что «проблема жизни усложняется с каждым годом и опасность насилия толпы возрастает прямо пропорционально к росту темной массы и к тенденции богатства накопляться в сравнительно немногих руках». Газета отмечала, что «золотой век» Америки, когда проблема существования решалась наличием свободных земель на Западе, прошел и что теперь общественные условия США приближаются к условиям Старого Света.[7]

Последнее десятилетие XIX в. в Америке отмечено крутым подъемом стачечного движения. Никогда раньше Соединенные Штаты не знали стачек таких масштабов и такой силы, как теперь. Стачки охватывали сотни и тысячи рабочих.[8] В 1892 г. происходила многотысячная забастовка на металлургических заводах Карнеги (Гомстэдская стачка), в 1898 г. была

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 73—74.
[2] Там же, стр. 73.
[3] A. Rochester. The populist movement in the United States. N. Y., 1943, стр. 12.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 74.
[5] Там же.
[6] Там же, т. 15, стр. 163—164.
[7] Army and Navy Journal, 20 III 1897.
[8] Ю. Кучинский, ук. соч., стр. 208.

проведена забастовка горняков, в которой приняло участие 125 тыс. человек, в 1894 г. грандиозная Пульмановская стачка охватила более 100 тыс. рабочих вагоностроительных заводов и железных дорог. За период с 1893 по 1900 г. в США состоялось 10 605 стачек, в которых приняли участие 3 039 443 человека.[1]

Американский рабочий боролся за улучшение условий жизни, требуя сокращения рабочего дня и увеличения зарплаты. С усилением стачечного движения росло и классовое самосознание трудящихся. «Мы стоим на том,— писал в обращении ко всем железнодорожникам Америки Юджин Дебс, руководивший Пульмановской стачкой,— что рабочие имеют право на справедливую долю в доходе от своего труда». В обращении отмечалось, что борьба с компанией Пульмана «превратилась в общенациональную борьбу между трудящимися классами и капиталом».[2] На базе роста стачечной борьбы в 90-е годы происходит заметная активизация и социалистического движения. Правда, руководящая роль в рабочем движении попрежнему остается за тред-юнионами, и влияние социалистических партий в массах еще весьма невелико.

Одновременно с подъемом рабочего движения значительно активизировались и выступления фермерства. Миллионные массы фермеров объединились вокруг созданной в эти годы популистской партии, взявшей на себя инициативу в борьбе против засилия финансового капитала. Партия эта стала принимать активное участие в политической жизни страны, и ее кандидат в президенты США Уивер получил на выборах 1892 г. более 1 млн голосов.[3] В 1894 г. популистская партия организовала первый в истории Соединенных Штатов поход безработных в Вашингтон, участники которого именовались «Армией всеобщего блага». Декларация безработных указывала на несправедливое распределение национального богатства, констатировала, что массы находятся в «безнадежной нужде», и требовала организации общественных работ. «Почему,— говорилось в ней,— те, кто производят пищу, голодны? Почему те, кто делают одежду, ходят в лохмотьях? Почему те, кто работают, вынуждены выбирать между попрошайничеством, преступлением и самоубийством? Страна имеет плодородную почву и может производить столько, сколько необхо-

---

[1] Statistical abstract of the United States, 1909, стр. 240.

[2] С. Иелн. Из истории забастовочного движения в США. М., 1950, стр. 114. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[3] В. Лан. Классы и партии в США. М., 1937, стр. 144.

димо для того, чтобы накормить весь мир. Имеется достаточное количество материала для того, чтобы построить дворцы и поместить в них всех, производственная мощность механизмов в Америке равна 40 млрд человекосил, накормить же, одеть и приютить нужно всего 65 млн человек».[1]

Рост рабочего и фермерского движения вызвал серьезное беспокойство среди правящего класса. Отдельные представители его считали, что выступления рабочих и фермеров создают угрозу существованию капиталистической системы в Америке. Американский священник Стронг, автор выдержавшей колоссальный по тому времени тираж в 175 тыс. экземпляров книги «Наша страна», с тревогой констатировал, что среди американских рабочих и фермеров трудно найти таких, у кого не было бы на языке «атеистического сквернословия», «рабочих лозунгов» и «социалистических теорий Карла Маркса».[2] А Теодор Рузвельт сравнивал руководителей рабочего и фермерского движения с Маратом и Робеспьером. «Когда начнется война (т. е. революция, — *А. Ф.*),—заявил Рузвельт,—я встану во главе моего полка... Я говорю с величайшей трезвостью, когда заявляю, что чувства, одушевляющие ныне большую часть нашего народа, могут быть только подавлены, как была подавлена Парижская Коммуна. Выбрать десяток их вождей, поставить... их к стенке и расстрелять. Я надеюсь, что все идет к этому. Эти вожди замышляют социальную революцию».[3] Правительство Соединенных Штатов приняло целый ряд мер для борьбы с рабочим и фермерским движением: «Армия всеобщего блага» по прибытии ее в Вашингтон была разогнана войсками, стачки подавлялись, а руководившие ими профсоюзы подвергались преследованиям, причем для борьбы с рабочим движением использовались законы, принятые первоначально (под давлением народных масс) для борьбы с трестами. Используя формулу антитрестовского закона 1890 г. об организациях, «нарушающих нормальный ход торговли между штатами», тресты повернули этот закон к своей выгоде. Под категорию трестов были подведены профсоюзные объединения, «нарушающими нормальный ход торговли» объявлены забастовки и против них санкционировано применение вооруженной силы. Только за время с 1893 по 1895 г. правительство 157 раз применяло регулярные войска для подавления стачек.[4] Но, ра-

---

[1] Цит. по: North American Review, 1894, v. 158, стр. 689.

[2] J. Strong, ук. соч., стр. 159.

[3] New York Journal, 28 X 1896; цит. по: H. Pringle. Theodore Roosevelt. A Biography. N. Y., 1931, стр. 153, 164.

[4] A. Vagts, стр. 1957.

зумеется, снять таким образом остроту внутренних противоречий оно не могло.

Рост монополий и углубление внутренних противоречий в Америке повлекли за собой и существенные перемены в области внешней политики. В. И. Ленин показал неизбежность активизации внешнеполитической экспансии с переходом к империализму. «Империализм, — писал Ленин, — есть, экономически, монополистический капитализм. Чтобы монополия была полной, надо устранить конкурентов не только с внутреннего рынка (с рынка данного государства), но и с внешнего, со всего мира».[1] Это положение полностью подтверждается на примере Соединенных Штатов, где утверждение монополий привело к активизации внешней политики, а связанный с переходом к империализму рост внутренних противоречий усугублял тягу к внешнеполитическим авантюрам, при помощи которых империалистические круги стремились отвлечь внимание масс от борьбы с капиталом. В этих кругах считали, что «страна нуждается в войне», и надеялись, что такая война могла бы явиться «прививкой против анархизма, социализма и популизма».[2]

На почве бурного экономического роста и стремления выйти из внутренних трудностей в 90-е годы в Соединенных Штатах вырастает экспансионистская идеология. Ее носители — Т. Рузвельт, Лодж, Мэхэн, Бевиридж и другие — призывали, не останавливаясь перед средствами, приступить к созданию «Американской империи». В США появилась многочисленная литература, «обосновывавшая» неизбежность господства англо-саксонской расы, как «самой сильной», над остальными народами. Широкое хождение приобрели различного рода «теории» о том, что рост населения, географическое положение — сама природа возложила на США «ответственность» за мировую цивилизацию и «судьбы мира», что «божественное предназначение» предопределило Соединенным Штатам «цивилизовать» отсталые страны.[3]

В основу внешней политики США идеологи экспансионизма предлагали положить «принцип силы». В этом заключался смысл выдвинутой тогда знаменитой теории Мэхэна об определяющем влиянии морской силы на ход истории, к этому сво-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 31.

[2] Ch. and M. Beards. Basic history of the United States. Philadelphia, 1947, стр. 340—341.— В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 244.

[3] A. K. Weinberg. Manifest Destiny A. study of nationalist expansionism in American history. Baltimore, 1935, стр. 68, 70, 212, 259, 267, 429—430.

дились и многочисленные выступления Т. Рузвельта, провозгласившего «высшим арбитражем арбитраж войны».[1]

В 90-е годы Соединенные Штаты совершают свои первые колониальные захваты вне пределов западного полушария. Главным поприщем колониального предпринимательства США являлась Латинская Америка. Однако одной Латинской Америкой Соединенные Штаты уже не довольствовались. «Америка не может больше оставаться изолированной нацией западного полушария»,— писал рупор империалистических кругов «Джорнал оф Коммерс».[2] «. . . жизненные интересы Америки,— заявлял Мэхэн,— простираются на восток и запад, а не на север и юг, как это было прежде».[3] Этот перелом в американской политике был отмечен и в дипломатических кругах Европы, с тревогой следившей за каждым новым шагом своего молодого соперника. «Соединенные штаты,— констатировал граф Мюнстер, германский посол в Париже,— отрекаются от своей прежней традиционной политики и пускаются, как и все прочие, в колониальные авантюры».[4]

Вплоть до 90-х годов XIX в. американский капитализм был поглощен освоением своего внутреннего рынка, колонизацией обширных земель североамериканского континента — Юга и Запада. К началу 90-х годов этот процесс завершился и так называемая «граница колонизации» исчезла. «Времена, когда американские промышленники заявляли, что они удовлетворены одним национальным рынком,— писал бельгийский консул Хагеман из Филадельфии,— уже отошли в прошлое».[5] Исчерпав возможности внутреннего рынка, американский капитализм стал на путь поисков новых рынков во вне, необходимых теперь не только для сбыта растущей продукции американской промышленности, как это было раньше, но и для вывоза капитала, приобретавшего в эпоху империализма особо важное значение. В 1899 г. был предоставлен крупный заем Мексике, в 1900—1901 гг.— займы Англии. К 1900 г. сумма заграничных инвестиций США равнялась 500 млн долларов. Однако в самой Америке еще достаточно велика была потребность в капиталах, и Соединенные Штаты попрежнему оставались страной-

[1] Из речи Т. Рузвельта 2 VI 1897: J. B. Bishop. Theodore Roosevelt and his time, v. I. N. Y., 1920, стр. 76.

[2] Цит. по: North China Herald, 13 III 1899.

[3] См. изложение беседы Мэхэна с английским военным представителем на Гаагской конференции 1899 г.: British documents on the Origins of the war (1898—1914), I, стр. 230 и сл.

[4] Мюнстер — Гогенлоэ (рейхсканцлеру) 24 XI 1898; GP, Bd. XIV, № 3556.

[5] Донесение Хагемана 15 IX 1898: Recueil consulair, 1899, t. 102, стр. 24.

должником. В области вывоза капитала в 90-е годы были сделаны только первые шаги и главным продолжал оставаться вывоз товаров.

Неуклонное увеличение промышленного производства Соединенных Штатов и ограниченная возможность внутреннего сбыта активизировали попытки расширения рынка за пределы США. Особенно резкий скачок в размерах американского экспорта произошел после кризиса 1893 г. Значительно увеличился вывоз промышленных изделий. По сравнению с 1893 г. он возрос вдвое к 1899 г. и втрое к 1900 г.[1] «Быстрый рост экспорта произведений американской фабрично-заводской промышленности,— писала петербургская газета,— является одним из характернейших явлений современной экономической жизни Соединенных Штатов и одним из замечательнейших и чреватых будущим фактов на всемирном рынке за последние годы».[2] Американские товары таким широким потоком хлынули тогда на внешние рынки, что мировая печать забила тревогу об угрозе «американизации мира», призывая организовать заслон против «американского нашествия». Говоря об «американской опасности», один из тогдашних публицистов обращал внимание на то, что опасность эта приходит «не в виде войска и военных флотов», не в образе новых «религиозных и политических учений», а в форме «товарных тюков», которые «режут остро, как меч», и «прейскурантов», разрушительная сила которых равносильна «новейшему взрывчатому снаряду».[3]

В 90-е годы Америка сделала первые шаги по пути усиления своих вооруженных сил, приступив к строительству сильного военно-морского флота. В эти же годы, как указывалось, США осуществили и свои первые колониальные захваты. Однако в то время Соединенные Штаты стояли еще далеко позади европейских держав в военном отношении, и это выдвинуло на первый план в их экспансии экономические средства, где американцам уже принадлежало господствующее положение.

Важнейшими объектами американской экспансии стали в это время бассейн Тихого океана, страны Дальнего Востока

---

[1] A. D. Noyes. Forty years of American finance. N. Y., 1909, стр. 274—275.— Э. Богарт, ук. соч., стр. 272.— F. A. Shannon. America's economic growth. N. Y., 1947, стр. 563—567.

[2] Вестник финансов промышленности и торговли, 17 XII 1899.

[3] Prager. Die Amerikanische Gefahr. Berlin, 1902, стр. 18. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

и в первую очередь Китай. В деловых кругах США Китай рассматривали как «наиболее многообещающее поприще для американского предпринимательства, промышленности и капиталовложений».[1]

Китай с его непочатыми сырьевыми богатствами, неограниченными возможностями сбыта, с его почти даровой рабочей силой являлся уже в течение многих лет объектом соперничества капиталистических держав. Пользуясь тем, что Китайская империя испытывала глубокий внутренний кризис и переживала упадок, эти державы навязали Китаю целый ряд неравноправных соглашений, поставивших его в положение полуколонии. Ко времени описываемых событий главенствующую роль в Китае играла Англия, которой принадлежал приоритет в его «открытии» для иностранной эксплуатации. Английский капитал контролировал внешнюю торговлю Китая и занимал господствующее положение на китайском рынке, проявляя преимущественный интерес к центральной и южной части Собственного Китая. На севере соседняя с Китаем Россия все более распространяла свое влияние на Маньчжурию. На юго-востоке преобладало влияние Франции, колониальные владения которой (Тонкин) имели здесь границу с Китаем. Англия, Россия и Франция вели постоянную борьбу за преобладание в Китае и утверждение за собой указанных областей.

Во второй половине 90-х годов положение усложнилось в результате появления новых претендентов на участие в разделе Китая в лице Японии, Германии и США, ставших на путь колониальной политики позже других капиталистических держав и стремившихся теперь наверстать упущенное. Территориальный раздел мира завершался, «свободных» территорий почти не оставалось, и Китай стал объектом напряженной межимпериалистической борьбы, в ходе которой каждая из упомянутых держав стремилась урвать для себя кусок, соответствующий ее силам и возможностям.

Таковы были условия, в которых развивалась политика Соединенных Штатов в Китае на протяжении 1895—1900 гг.

---

[1] Из цитированной статьи «Journal of Commerce», приведенной в «North China Herald», 13 III 1899.

ГЛАВА I

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1894—1895 гг.

Завязавшаяся в конце XIX в. борьба за раздел Китая началась с японо-китайской войны 1894—1895 гг., послужившей сигналом к усилению экспансии капиталистических держав. «Япония, — писал Ленин, — ... попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии».[1] В этой войне, несмотря на формальный нейтралитет и словесные заверения в дружбе к Китаю, Соединенные Штаты фактически поддерживали Японию, рассчитывая впоследствии воспользоваться плодами ее побед на основе принципа «наиболее благоприятствуемой нации».

На протяжении всей второй половины XIX в. этот принцип был основой политики США на Дальнем Востоке. Из-за недостаточной подготовки в военном отношении Соединенным Штатам ничего не оставалось, как итти в фарватере политики наиболее сильных в то время держав — Англии и Франции, используя результаты, достигнутые последними в их войнах против Китая. Правда, США и сами посылали подчас в китайские воды эскадру, как это было во время опиумных войн, и под предлогом защиты интересов американских подданных подвергали бомбардировке китайские форты и высаживали морскую пехоту. Но это не было решающим. Главный расчет Соединенные Штаты возлагали на принцип «наиболее благоприятствуемой нации», при помощи которого Америка добивалась от Китая тех же неравноправных обязательств, что и воюющие державы.

Война 1894—1895 гг. началась на территории Кореи, которую Япония использовала в качестве плацдарма для нападения на Китай. В 1893 г. в Корее вспыхнуло крестьянское восста-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 74.

ние, охватившее почти всю страну.[1] Корейское правительство не могло справиться с восстанием и обратилось за помощью к своему сюзерену Китаю. 6 июня 1894 г. Китай послал в Корею войска, чем немедленно воспользовалась Япония: отказываясь признать сюзеренитет Китая над Кореей и основываясь на Тяньцзинской конвенции 1885 г., по которой она добилась равного с Китаем права посылать в Корею войска, Япония начала оккупацию Кореи. Так завязался конфликт, которому через полтора месяца суждено было стать войной.[2]

События на Дальнем Востоке затрагивали интересы всех капиталистических держав. Наибольшую заинтересованность проявляла Англия, война могла неблагоприятно отразиться на ее интересах, и британская дипломатия стремилась предотвратить развитие японо-китайского конфликта. Позиция других европейских держав на первых порах была выжидательной. Что же касается США, то они, как уже было сказано, были настроены в пользу Японии.

Американская пресса открыто приветствовала начало войны против Китая, указывая, что Япония «представляет цивилизацию и действует строго в ее интересах».[3] Журнал «Американ мансли Ревью оф Ревьюз» оправдывал политику Японии тем, что якобы «отношения между Кореей и Японией много теснее, чем отношения между Кореей и Китаем», и объяснял японскую агрессию «склонностью» японцев рассматривать Корею как «слабое и неразвитое государство под дружественным покровительством и поручительством Японии, подобно тому как Соединенные Штаты рассматривают Гавайи и Никарагуа».[4] По свидетельству русского дипломата Боткина, американская печать почти единодушно высказывалась в пользу Японии.[5]

При этом пресса раскрывала и мотивы американской позиции, указывая, что, «когда закончится нынешняя война, торговое значение Востока для Соединенных Штатов чрезвычайно возрастет».[6] Орган американских военных кругов газета «Арми

---

[1] Подробно об этом см. специальную работу: Г. Д. Тягай. Крестьянское восстание в Корее 1893—1895 гг. М., 1953.

[2] 25 июля 1894 г. японцы вероломно потопили судно «Коушинг» с китайскими солдатами. А через неделю (1 августа) последовало и формальное объявление войны. — Международные отношения, стр. 74.

[3] См.: American monthly Review of Reviews, October, 1894, стр. 414.

[4] American monthly Review of Reviews, September, 1894, стр. 249. Редактировал журнал известный американский экспансионист Альберт Шоу.

[5] См. записку второго секретаря русской миссии в Вашингтоне Боткина «Об американской печати в японо-китайскую войну»: АВПР, Японский стол, д. 178, л. 20. — Нарочницкий. США, стр. 227.

[6] См.: American monthly Review of Reviews, October, 1894, стр. 414.

энд Нэви Джорнал» писала тогда, что «война на Востоке служит полезной цели — открыть глаза американцам на действительное положение дел в Китае», и считала, что в случае, «если бы огромная территория Китая находилась даже под просвещенным управлением Японии, коммерческие и прочие выгоды... были бы много больше, чем по любому соглашению (неравноправному договору с Китаем,— *А. Ф.*)».[1] А журнал американских миссионеров в Китае, «Чайниз рекордер», называл Японию «темной лошадкой», которая должна «встряхнуть Китай» и облегчить доступ иностранному капиталу.[2]

Вместе с тем Соединенные Штаты были заинтересованы в усилении Японии как возможного противовеса европейским державам, в первую очередь Англии, занимавшей господствующее положение в Китае, и России, позиции которой должны были усилиться с проведением Сибирской железной дороги, начатым в 1891 г. При этом США не считались с Японией как с самостоятельной силой, полагая, что экономически слабая Япония не сможет стать конкурентом Соединенных Штатов. Со времен экспедиции эскадры Перри, в результате которой японцы вынуждены были подписать первый в своей истории неравноправный договор, Соединенные Штаты рассматривали Японию как зависимое от них государство, недооценивая ее самостоятельное значение. В этом, однако, как показало уже ближайшее будущее, состоял один из величайших просчетов американской политики.

Что же касается Японии, то для того, чтобы довести войну до желаемого конца, ей нужна была поддержка в широком международном плане. И с этой точки зрения благоприятная позиция США была для нее чрезвычайно ценна. Играя на противоречиях между державами, Япония на протяжении войны неоднократно пользовалась поддержкой то одной, то другой державы в зависимости от дипломатической конъюнктуры. Начиная с зимы 1894 г., наступил перелом в отношениях с Англией и началось англо-японское сближение. Был момент, когда благоприятную Японии позицию занимала Германия, рассчитывая за это получить согласие японцев на захват Тайваня. Наконец, известную пользу могла извлечь японская дипломатия и из выжидательной позиции России, занятой ею накануне и в самом начале войны в пику Англии. Но никто не поддер-

---

[1] Army and Navy Journal, 1 XII 1894, передовая редакционная статья. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[2] Ashmore. The Missionary Situation of the Time of the War. Chinese Recorder, September, 1898, стр. 435.

живал Японию так последовательно, как Соединенные Штаты. Для европейских держав поддержка Японии была кратковременным маневром в дипломатической борьбе, развернувшейся в это время на Дальнем Востоке, тогда как США делали ставку на Японию и поддерживали ее с начала до конца. Позиция США в этом отношении была настолько последовательной и решительной, что посол Франции в Берлине Эрбет характеризовал ее как «шумное рвение в пользу Японии».[1] Французские дипломаты с тревогой констатировали, что США «покровительствуют» паназиатским тенденциям Японии, поддерживая лозунг «Азия для азиатов», «столь опасный» для европейской политики в Китае.[2] «Роль Соединенных Штатов в Тихом океане и их отношения с Японией» серьезно беспокоили и британское Министерство иностранных дел.[3]

«Прояпонская» линия, которую США проводили в период войны, сказалась в целом ряде вопросов, не исключая чисто военных,[4] а с наибольшей последовательностью проявилась в так называемых «добрых услугах» Соединенных Штатов воюющим сторонам. Формально эти услуги были двусторонними, но по существу носили характер содействия японской стороне. Особенно ясно это видно на примере «добрых услуг», оказанных японским и китайским подданным, которых война застала на территории вражеской стороны. В то время как для Китая эти услуги не имели существенного значения, Японии Соединенные Штаты оказали действительно важную услугу, взяв под свою защиту ее резидентов в Китае, многие из кото-

---

[1] Эрбет — Аното 18 IV 1895: Documents diplomatiques français, I ser., t. XI, стр. 704.

[2] Курсель — Аното 5 III 1895: Documents diplomatiques français, I ser., t. XI, стр. 603.

[3] Курсель — Аното 26 IV 1895: Documents diplomatiques français, I ser., t. XI, стр. 726. Курсель ссылается на беседу с Кимберлеем.

[4] Военные специалисты США участвовали в разработке оперативного плана вторжения японской армии на китайскую территорию. Русский морской агент в США Мертваго во время посещения Морского колледжа в Нью-Порте из уст президента колледжа узнал, что «они (американцы,— *А. Ф.*) разрабатывали план войны в Корее до начала действий японцев», указывали на необходимость занятия переправ на реке Ялу и что это указание «ныне японцами и исполнено». Колледж в Нью-Порте был чрезвычайно близок к правительственным сферам США, и свидетельство его президента является гарантией достоверности этого, до сих пор неизвестного факта. Участие США в разработке оперативного плана нападения на Китай не могло иметь решающего значения для Японии. Японский генеральный штаб безусловно мог обойтись и без этого, но приведенный факт представляет интерес с точки зрения характеристики взаимоотношений США и Японии (см. дешифрант рапорта Мертваго 2 IX 1894: ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 13432, л. 166).

рых являлись разведчиками, выполнявшими поручения японского генерального штаба.[1]

Не менее благоприятны Японии были и «добрые услуги» американской дипломатии в вопросе о мирном урегулировании японо-китайского конфликта. Согласно американо-китайскому договору 1858 г., заключенному в Тяньцзине, Соединенные Штаты обязались в случае враждебных действий какой-либо державы против Китая оказать ему свои посреднические услуги. Статья 1 Тяньцзинского договора гласила: «Если бы какая-либо нация стала действовать несправедливо или насильственно, Соединенные Штаты, будучи информированы об этом, окажут свои добрые услуги для того, чтобы привести к полюбовному соглашению». Однако несмотря на это обязательство США на протяжении длительного времени отказывались выступить в пользу урегулирования конфликта, занимая внешне беспристрастную, а на деле благоприятную Японии позицию.

Когда, пытаясь избежать войны, корейское и китайское правительства обращались к Соединенным Штатам с просьбой о посредничестве, они встречали неизменный отказ. Еще накануне войны Корея неоднократно просила США поддержать ее требование о выводе японских войск. Полагаясь на «незаинтересованность и дружбу Соединенных Штатов», корейский посланник в Вашингтоне просил государственного секретаря Грешэма оказать свои «добрые услуги» в интересах мирного урегулирования конфликта. Но Грешэм наотрез отказался что-либо предпринять, заявив корейскому посланнику, что влияние на Японию могло бы быть оказано «т о л ь к о д р у ж е с к и м п у т е м» и что США «ни в коем случае не могли бы вмешаться совместно с другими державами».[2] Не желая предотвращения войны, государственный секретарь вообще «не советовал» Корее «протестовать и обращаться с нотами к иностранным державам».[3] Столь же безрезультатны оказались тогда и попытки Китая прибегнуть к посредничеству Соединенных Штатов, хотя американская дипломатия и отдавала себе отчет в том, что «положение критическое» и китайское правительство занимает «примирительную позицию» в противоположность «агрессивным действиям» Японии.[4]

---

[1] P. J. T r e a t. The Good Offices of the United States during the Sino-Japanese War. Political Science Quarterly, v. XLVII, December, 1932, стр. 559. Документацию по данному вопросу см.: Senate executive documents, № 36 (53 congress, 3 session); Congressional record, v. 27 part I, стр. 39—40.

[2] Грешэм — Байарду 20 VII 1894: USFR, 1894, Appendix I, стр. 37.

[3] Грешэм — Силлу 9 VII 1894: USFR, 1894, Appendix I, стр. 30.

[4] Денби — Грешэму 3 VII 1894: USFR, 1894, Appendix I, стр. 30.

Аналогичным образом ответили США и на попытку британской дипломатии организовать коллективное посредничество держав. Стремясь сохранить за собой руководящую роль на Дальнем Востоке и опасаясь, как бы инициатива посредничества не попала в руки ее соперницы — России, Англия обратилась 8 июля 1894 г. к заинтересованным державам с предложением совместно выступить в пользу мирного урегулирования японо-китайского конфликта. Государственный департамент отклонил это предложение британского кабинета, заявив, что Соединенные Штаты не могут вмешаться иначе, как «дружественный нейтрал», и что в отношении Японии это уже сделано. Одновременно американскому посланнику в Токио (несомненно для сообщения японскому правительству) была послана инструкция, в которой говорилось, что Соединенные Штаты «не могли бы объединиться с другими державами даже в дружеском вмешательстве».[1] Хотя голос Соединенных Штатов в дальневосточных делах не был таким уж решающим, тем не менее их отрицательное отношение к английскому демаршу обрекало его на неудачу. Обязательным условием указанного выступления было участие в нем всех держав. Отказ США со ссылкой на дружественное отношение к Японии придавал нежелательную окраску действиям Англии, отнюдь не заинтересованной в таком противопоставлении. А Японии это было наруку, так как отсутствие единства среди держав позволяло ей вести свою линию на развязывание войны.

В начале октября 1894 г., когда война была уже в полном разгаре, Англия снова обратилась к американскому правительству, приглашая его принять участие в коллективном посредничестве держав. Как и накануне войны, британское правительство стремилось теперь захватить инициативу в решении дальневосточных дел. Англия опасалась, что продолжение войны нанесет ущерб ее интересам в Китае, и добивалась урегулирования японо-китайского конфликта на основе предложенного ею компромисса между Японией и Китаем (признание независимости Кореи и возмещение Китаем японских военных расходов). Предложение британского кабинета попало на благоприятную почву в России. Там опасались излишнего усиления Японии и выразили готовность поддержать Англию, в связи с чем в Петербурге и Лондоне заговорили даже о возможности англо-русского сближения. Благоприятную позицию заняла также союзница России Франция. Зато Германия, получавшая

[1] Грешэм — Дану 9 VII 1894: USFR, 1894, Appendix I, стр. 38. (Разрядка моя, — *А. Ф.*).

большие выгоды от военных поставок обеим воюющим сторонам, будучи заинтересована в сохранении русско-английского антагонизма, хотела расстроить согласованное выступление Англии и России и не поддержала британского предложения. Отклонили предложение Англии и Соединенные Штаты, считая преждевременным окончание войны и не желая уступить англичанам роль посредника.[1]

США стремились помешать европейским державам вмешаться в японо-китайский конфликт, чтобы сохранить посредничество за собой и воспользоваться всеми выгодами подобного положения. Вместе с тем, способствуя затягиванию войны, Соединенные Штаты играли наруку Японии, заинтересованной в завершении своей завоевательной программы.

Между тем события на фронте принимали для Китая все более грозный оборот и обращения за посредничеством с его стороны становились настойчивей. После неоднократных попыток склонить Соединенные Штаты выступить в пользу прекращения войны китайское правительство решило обратиться сразу ко всем державам, пригласив 1 ноября 1894 г. в Цзунли ямынь (ведомство иностранных дел) представителей всех великих держав. На этот раз перспектива европейского посредничества заметно встревожила американскую дипломатию. Русский представитель в Китае Кассини отмечал, что посланник Соединенных Штатов в Пекине Денби был «неприятно поражен обращением к другим державам».[2]

При создавшихся условиях дальше медлить было нельзя, и Соединенные Штаты обратились 6 ноября в Токио. Оговорив, что данная война «не подвергает опасности политику Соединенных Штатов в Азии», правительство США предупреждало Японию, что если военные действия затянутся, то «другие державы, имеющие интересы на Востоке, могут выдвинуть требования, не выгодные для безопасности и благополучия Японии в будущем». Для урегулирования вопроса США предлагали свои «добрые услуги».[3]

Параллельно с выступлением в Токио, в тот же день, 6 ноября, США сообщили о своей готовности выступить посредником и Пекинскому правительству, выразив вместе с тем недовольство обращением Китая к европейским державам. Американский посланник заявил Цзунли ямыню, что одновре-

---

[1] Нарочницкий. Британский империализм, стр. 129—130.— Ерусалимский, стр. 436—438.

[2] Кассини — Гирсу 18 XI 1894: АВПР, Китайский стол, д. 112, л. 241.

[3] Грешэм — Дану 6 XI 1894: USFR, 1894, Appendix I, стр. 76. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

менное обращение к Соединенным Штатам и пяти другим державам считает «несовместимым и затрудняющим дело».[1]

Предложение США стало предметом 10-дневного обсуждения в правительственных сферах Японии, которое завершилось специальным заседанием токийского кабинета 16 ноября, на котором решено было действовать с крайней осторожностью. В официальном ответе на американскую ноту указывалось, что Япония согласна начать мирные переговоры при условии, если сам Китай обратится к ней. В конфиденциальной беседе с посланником США министр иностранных дел Муцу обратил внимание посланника на то, что «если японское правительство будет сейчас официально просить американское правительство выступить в качестве арбитра между Китаем и Японией, то тогда возможно не удастся избежать вмешательства других держав, поэтому следует воздерживаться от подобных действий».[2] Но Япония была заинтересована теперь же начать мирные переговоры для того, чтобы под их завесой завершить программу своих завоеваний. При этом в Японии знали и то, что Америка была бы «самым выгодным» посредником,[3] и поэтому одновременно с вышеуказанным заявлением Муцу передал посланнику США, чтобы в случае желания Китая начать мирные переговоры с Японией предложение об этом было сделано им самим, но через миссию Соединенных Штатов.[4]

Следует отметить, что свое выступление 6 ноября правительство США предварительно согласовало с Японией. Этот шаг американское правительство предприняло, по словам государственного секретаря Грешэма, только после того, как он «убедился в результате частых дружеских совещаний с японским посланником в том, что благожелательные и беспристрастные мотивы действий президента (США,— *А. Ф.*) абсолютно поняты и высоко оценены Японией». Во время войны Грешэм почти ежедневно встречался с японским посланником Курино и информировал его о международной ситуации для последующей передачи японскому правительству. Прежде чем отправлять инструкции 6 ноября, государственный секретарь показал текст соответствующей телеграммы японскому посланнику Курино. Посланник «выразил одобрение» и «высоко оценил» курс, которому следовал Грешэм, а также дружбу в отношении Японии, которую продемонстрировала акция президента.[5] Впо-

[1] Денби — Грешэму 10 XI 1894: USFR, 1894, Appendix I, стр. 77.
[2] Цит. по: Лю Да-нянь, ук. соч., стр. 77. (Разрядка моя,— *А. Ф.*)
[3] Там же, со ссылкой на «Записки» Муцу Мунемицу.
[4] Дан — Грешэму 17 XI 1894: USFR, 1894, Appendix I, стр. 80.
[5] Грешэм — Денби 24 XI 1894: USFR, 1894, Appendix I, стр. 82.

следствии, вспоминая об этом эпизоде, Курино рассказывал: «Однажды Грешэм сказал мне, что Япония должна прекратить войну. Если Япония будет продолжать разгром Китая, то державы Англия, Франция, Германия и Россия под предлогом сохранения порядка разделят Китай. Эту информацию и совет я передал немедленно по кабелю моему правительству. И вы знаете, что мы сделали? Мы кончили войну почти мгновенно».[1]

Выступая теперь в пользу скорейшего урегулирования японо-китайского конфликта, Соединенные Штаты исходили не только из желания предотвратить вмешательство европейских держав, но также учитывали и то, что дальнейшее продолжение войны могло привести к нежелательным переменам внутри Китая. Война вызвала в Китае патриотический подъем, волна народного недовольства политикой Пекинского двора и иностранным засилием, в которых народ видел причину военных поражений Китая, захватила широкие слои китайского населения, угрожая вылиться в общенациональное восстание. Американская пресса отмечала, что положение в Китае приобретает тревожный характер, и обращала внимание правительства США на крайне серьезное положение вещей, когда «иностранцев безнаказанно оскорбляют на улицах».[2] Печать отмечала, что «центральное правительство Китая не всегда достаточно способно даже в мирное время предотвратить нападения на иностранцев со стороны толпы», и для обеспечения безопасности американских подданных предлагала послать к побережью Китая сильную эскадру, указывая, что для этого настал самый благоприятный момент и «лучшего времени, чем теперь, быть не может».[3] Действительно в ближайшие месяцы американская эскадра в китайских водах была значительно увеличена.[4] Одновременно были усилены и эскадры европейских

---

[1] The American secretaries of state and their diplomacy, ed. S. F. Bemis, v. VIII, N. Y., 1929, стр. 265—266.

[2] Army and Navy Journal, 29 IX 1894.

[3] Приложение к рапорту Мертваго 20 VII 1894: ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 13432, л. 85.

[4] Кроме находившихся там крейсера «Балтимора» и канонерки «Монокаси» в сентябре—октябре 1894 г. к побережью Китая были посланы крейсера «Чарльстон» и «Йорктаун», канонерки «Конкорд» и «Петрел». В начале 1895 г. эскадра пополнилась крейсером «Детройт» и канонеркой «Мачиас». Общее водоизмещение американских судов в дальневосточных водах составляло 15 820 т при 150 орудиях различных калибров и команде около полутора тысяч человек. Попрежнему сильно уступая эскадрам Англии и России, американская эскадра теперь почти равнялась германской и была больше французской [см.: Report of the Secretary of Navy, 1894, стр. 24, 183; 1895, стр. XXIII, 139, 143, 146, 147, 151, 154, 156; см. также: ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 13432, л.л. 110—111; д. 14619, л.л. 336—337 (сводки, приложенные к рапортам Мертваго)].

держав. Однако меры эти не дали желаемого результата: обстановка в Китае продолжала оставаться напряженной и антииностранные выступления усилились.

Но и теперь, выступая за скорейшее прекращение войны, Соединенные Штаты продолжали препятствовать попыткам европейского посредничества, направленного на ускорение мирных переговоров. Когда в конце ноября 1894 г. китайское правительство отправило в Токио служащего тяньцзинской таможни немца Детринга,[1] Соединенные Штаты заявили протест китайскому правительству. Американский посланник явился в Цзунли ямынь и, поговорив «в весьма крутой форме» с китайскими министрами, настоял на том, чтобы Детринг был отозван.[2]

Пользуясь своим влиянием на Пекинское правительство, США добились того, что в состав китайской делегации на мирные переговоры в качестве консультанта был включен американец Джон Фостер, бывший государственный секретарь США (1893 г.). Назначение Фостера состоялось при деятельном участии посланника США в Пекине, по его рекомендации Цзунли ямыню.[3] Комментируя включение американца в состав китайской делегации, русский посланник в Пекине отмечал, что Фостер сможет играть «видную роль» в предстоящих переговорах и что посредничество, которого «настойчиво и под различными видами добивались для себя Соединенные Штаты», конечно, будет для них «не в ущерб».[4]

Использование американских «консультантов» и «советников» на иностранной службе вошло в традицию политики США и было важнейшим средством проникновения на Дальний Восток. Такова была и цель миссии Фостера, формально выступавшего как частное лицо, а на деле исполнявшего директивы Государственного департамента.

---

[1] Вместе с Детрингом поехали секретарь по статистике Китайских морских таможен англичанин Тейлор и корреспондент «Таймс» Миши (см. депешу французского посланника в Пекине Жерара министру иностранных дел Франции Аното 27 XI 1894: Documents diplomatiques français, I ser., t. XI, стр. 441).

[2] Кассини — Гирсу 18 XI 1894: АВПР, Китайский стол, д. 112, л. 243. Денби заявил Цзунли ямыню, что посылкой Детринга создается угроза для исхода текущих переговоров. «Перед этими заявлениями,— отмечал французский посланник Жерар,— Цзунли ямыню осталось только склониться и дать господину Детрингу телеграфное приказание... вернуться в Китай» (Жерар — Аното 27 XI 1894: Documents diplomatiques français, I ser., t. XI, стр. 442).

[3] См.: P. S. Treat. The Good Offices of the United States during the Sino-Japanese War, стр. 569—570.

[4] Кассини — Гирсу 30 XII 1894: АВПР, Китайский стол, д. 112, л. 304.

Сразу по получении официального приглашения на мирную конференцию Фостер направился к государственному секретарю и имел с ним беседу, в результате которой было условлено, что, когда из газет станет известно о поездке Фостера на переговоры, он через печать заявит о том, что не зависит от правительства США.[1] На самом деле в лице Фостера Соединенные Штаты имели своего неофициального представителя. Об этом свидетельствует его собственное письмо к руководителю китайской делегации Ли Хун-чжану уже после окончания переговоров, в котором Фостер писал, что ждет в Токио «почту из Вашингтона и дальнейших инструкций».[2]

Включение Фостера в состав китайской делегации не встретило возражений со стороны Японии. Напротив, когда вслед за визитом в Государственный департамент Фостер посетил японскую миссию, посланник Курино предсказал ему, что известие о его назначении будет встречено в Японии «сердечным одобрением». И действительно, когда об этом стало известно в Токио, министр иностранных дел Японии Муцу выразил свое «крайнее удовлетворение», отметив, что Фостер является его «личным другом». «С Фостером в качестве советника,— сказал Муцу — наши действия не будут так ограничены, как если бы мы вели переговоры только с китайским правительством».[3]

Известие о предстоящей поездке Фостера вызвало живой интерес в деловых кругах США, рассчитывавших на получение всякого рода заказов от Японии и Китая и предоставление Китаю займов для уплаты военной контрибуции. Как и в Европе, на американской бирже требование Японии об уплате контрибуции, предъявленное Китаю в качестве одного из условий мирного договора, вызвало большое оживление и было встречено с нескрываемым удовлетворением. Газета «Нью-Йорк Уорлд» писала, что «дальновидные финансисты на Уолл-стрите предвкушают возможность весьма существенных результатов, когда (для Китая,— *А. Ф.*) придет время платить Японии этот большой военный долг».[4] А американский посланник в Пекине Денби полагал, что для уплаты

---

[1] J. W. Foster. Diplomatic memoirs, v. II. London, 1910, стр. 103.

[2] Цит. по: Memoirs of Li Hung-chang. London, 1913, стр. 108. (Разрядка моя,— *А. Ф.*). Кассини отмечал, что Фостер поехал в Симоносеки «с согласия вашингтонского кабинета» (Кассини — Гирсу 30 XII 1894: АВПР, Японский стол, д. 178, л. 326).— Трудно согласиться с утверждением, что Фостер принял пост консультанта «главным образом в расчете выгодно поправить при этом свое денежное положение» (Нарочницкий. США, стр. 230).

[3] J. W. Foster, ук. соч., стр. 104—105.

[4] New York World, 13 III 1895 (цит. по: China Mail, 11 IV 1895). (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

контрибуции Китай вынужден будет пустить в продажу «еще никому не предоставленные преимущественные права». «Он может продавать одному синдикату право строить железные дороги, другому право разрабатывать шахты, третьему открывать банки и поступать так в отношении длинного списка преимущественных прав». Денби признавал всю губительность подобного пути для Китая, однако советовал американским капиталистам, железнодорожным дельцам, судостроителям, банкирам и купцам учесть «желательность» гарантировать для себя эти «огромные привилегии», что обеспечило бы Соединенным Штатам «громадный престиж и преобладающее влияние». Денби находил необходимым, чтобы «дипломатическая служба помогала нашим соотечественникам (американским предпринимателям,— *А. Ф.*) в получении коммерческих привилегий»,[1] и со своей стороны сделал для этого все возможное. Он настоятельно рекомендовал Цзунли ямыню обращаться только к услугам американцев, якобы не имеющих политических целей, и стремился настроить китайских министров против сделок с европейскими державами.[2]

Реализации этих планов должна была послужить и миссия Фостера. К нему обращались представители самых различных финансовых и промышленных фирм и компаний, начиная с рокфеллеровской «Стандарт ойл» и различных железнодорожных корпораций и кончая коннозаводчиками. «Одна из ведущих финансовых фирм Нью-Йорка с сильными связями в европейских столицах», знакомство с которой — по собственному признанию Фостера — он «имел удовольствие поддерживать в течение нескольких лет», снабдила его шифрованным кодом для передачи интересующих эту фирму сведений.[3] Хотя Фостер удержал в секрете, что это была за фирма, есть основания предполагать, что речь шла о синдикате Моргана и Флинта, безуспешно пытавшемся в мае 1895 г. заключить с китайским правительством соглашение о займе в 200 млн таэлей.[4] Обращались к Фостеру и представители двух крупнейших судостроительных компаний США (повидимому, это были «Юнион айрон уоркс» в Сан-Франциско и «Крэмп Шипбилдинг компани» в Филадельфии). Рассчитывая, что Япония использует «большую часть военной контрибуции для усиления флота», они также просили Фостера обеспечить их фирмы надлежащей информацией. Американская печать оживленно обсуждала пе-

[1] Денби — Грешэму 26 XII 1894 (цит. по: Vagts, стр. 960).
[2] Денби — Олни 27 II 1895 (цит. по: Vagts, стр. 986).
[3] J. W. Foster, ук. соч., стр. 107.
[4] Vagts, стр. 972—973.

реговоры Фостера с банкирами и промышленниками. Опасаясь, что это может скомпрометировать его и повредить всему делу, Фостер публично опроверг свои связи с представителями делового мира.[1] Это, как увидим, не помешало ему в дальнейшем ходатайствовать за американских предпринимателей.

21 января 1895 г. пассажирский пароход транстихоокеанской линии «Эмпресс оф Джапен» доставил Фостера в Иокогаму. Его встречали американский посланник Дан и представитель «Стандарт ойл». Фостер отказался остановиться в помещении, приготовленном для него агентом «Стандарт ойл», так как счел это неудобным, и отправился вместе с посланником. Еще по дороге с пристани Фостер узнал, что министр иностранных дел Японии Муцу «озабочен» тем, чтобы увидеть его «по возможности скорее». По прибытии в Токио Фостер в сопровождении американского посланника посетил ряд иностранных миссий, затем отправился в Министерство иностранных дел, имел беседу с заместителем министра Хаяси и направил ответ Муцу, выехавшему навстречу китайским представителям.

Но прошло почти два месяца, прежде чем открылась мирная конференция, так как Япония использовала всякий повод, чтобы оттянуть начало мирных переговоров. Наконец, 19 марта в городе Симоносеки (Япония) конференция открылась. Кроме Фостера, в Симоносекских переговорах принимали участие еще два американца: в составе китайской делегации — Петик, секретарь Ли Хун-чжана и наставник его сына Ли Цзын-фана (заместителя главы китайской делегации), и в японской делегации — Деннисон, служивший еще с 80-х годов советником Министерства иностранных дел Японии и, как свидетельствует американский историк Трит, представлявший для Государственного департамента «уникальный» источник информации.[2]

Ко времени открытия мирной конференции тон американской прессы несколько изменился. Общественное мнение Америки было возмущено японскими зверствами — кровавой резней в Порт-Артуре, в результате которой было уничтожено около двух тысяч одних женщин, детей и стариков. Пресса вынуждена была с этим считаться и несколько убавила свои выступления в пользу японской «цивилизации». Однако печать стремилась преуменьшить значение японских зверств, указывая, что это — «единственное печальное исключение из общего правила японской сдержанности, гуманности и уважения к современным правилам войны».[3] Вместе с тем в амери-

[1] J. W. Foster, ук. соч., стр. 107—111.
[2] P. S. Treat. The Cause of the Sino-Japanese War, стр. 152.
[3] American monthly Review of Reviews, February, 1895, стр. 138.

канской прессе попрежнему можно было встретить враждебные выступления против Китая. «С Японией,— писала «Арми энд Нэви Джорнал»,— мы связаны узами прошлой дружбы и нынешних добрых отношений; от Китая мы не должны ожидать ничего, кроме презрительной антипатии, прочно укоренившейся в этом диаметрально противоположном народе». Газета рекомендовала «остерегаться» выступать «в какой бы то ни было мере» в пользу Китая.[1]

Можно без преувеличения сказать, что этой линии в значительной степени следовали американские представители на мирной конференции в Симоносеки. Во время переговоров Фостер добился некоторого снижения суммы контрибуции, но «по целому ряду вопросов в спорах становился на точку зрения японцев».[2] Глава китайской делегации Ли Хун-чжан принял свой пост с большой неохотой и действовал крайне нерешительно. Для того чтобы снять с себя ответственность, он многое передоверял Фостеру. Наиболее спорные пункты мирного договора Фостер сначала обсуждал с Деннисоном, а затем уже они выносились на заседание конференции. Такой порядок рассмотрения вопросов позволял американским «консультантам» играть важную роль в переговорах. Пользуясь своим влиянием на Ли Хун-чжана, Фостер убедил его в неизбежности для Китая тяжелых условий договора и необходимости принять без промедления требования Японии. Ввиду такой позиции Фостера китайская дипломатия не использовала имевшихся возможностей для смягчения тяжести Симоносекского договора.

К весне 1895 г. положение Китая на фронтах было крайне трудным, но и силы Японии были на исходе. Не считая убитых и раненых, японская армия понесла большой урон в результате обморожений в зимнее время и различных эпидемий. В японских войсках в Маньчжурии и на о. Пэнхуледао началась холера. Все войска, которыми располагала Япония, были уже отправлены на различные театры военных действий. Оставались лишь резервисты, вооруженные старыми ружьями. Большая часть военных судов требовала ремонта. Русский посланник в Японии Хитрово сообщал, что «все котлы военных судов после десятимесячной непрерывной службы до того надорваны и перегорели, что суда не могут давать нужных скоростей и все нуждаются в серьезных исправлениях и перемене котлов». Кроме того, весной в Китае начались наводнения, время для похода на Пекин было упущено, и Япония, по сло-

[1] Army and Navy Journal, 23 III 1895.

[2] Memoirs of Li Hung-chang, стр. 115.— Международные отношения, стр. 85.

вам Хитрово, «внезапно очутилась в весьма затруднительном положении». Русский посланник справедливо считал, что «Китай мог бы воспользоваться этим положением, чтобы заставить Японию уменьшить свои требования в мирных переговорах, в особенности по отношению к требованию территориальной уступки в Маньчжурии».[1]

Таким образом, положение Японии весной 1895 г. давало основание китайской дипломатии отклонить требование об уступке Ляодунского полуострова и если это не было сделано, то в значительной степени из-за позиции Фостера, убеждавшего Ли Хун-чжана без промедления принять японские требования.[2]

Однако включение в мирный договор условия об аннексии Ляодуна не было решением вопроса в последней инстанции. Переход Ляодунского полуострова в руки японцев противоречил интересам царизма, и решающее слово оказалось за Россией.

Владение Ляодунским полуостровом создало бы Японии исключительно выгодное положение для последующего захвата Маньчжурии и вместе с тем поставило бы под угрозу будущее Сибирской железной дороги и русский Дальний Восток. В связи с этим в Петербурге было решено противиться захвату Ляодуна вплоть до объявления войны Японии. «Нам выгоднее решиться на войну теперь,— заявил русский министр финансов Витте,— ибо иначе России придется в будущем нести гораздо большие жертвы».[3]

Впрочем до войны дело не дошло. 23 апреля, через 6 дней после подписания Симоносекского мира, Россия совместно с Францией и Германией организовала дипломатический демарш в Токио, подкрепленный солидной военно-морской демонстрацией, с «дружеским советом» Японии отказаться от Ляодуна.

Выступление трех держав с требованием пересмотреть Симоносекский мирный договор явилось ударом по американ-

---

[1] Хитрово — Лобанову-Ростовскому 10 V 1895: АВПР, Японский стол, д. 900, лл. 116—117. См. также донесение вице-консула России в Кобе 6 I 1895: там же, д. 178, л. 326.

[2] То же самое можно сказать и в отношении Тайваня. «Если бы не настойчивость американского советника мистера Фостера,— писала «Пекин энд Тяньцзин Таймс»,— китайцы попытались бы уклониться от включения этого условия в мирный договор» (цит. по: J. W. Davidson. The Island of Formosa, Past and Present. Jokogama, 1903, стр. 277). Впоследствии Фостер содействовал ускорению официального акта передачи Тайваня Японии и лично принял участие в состоявшейся по этому случаю церемонии 3 июня 1895 г. (см.: J. W. Foster, ук. соч., стр. 158—159).

[3] Журнал Особого совещания 11 апреля (30 марта) 1895 г. Красный архив, т. 52, стр. 83.— Международные отношения, стр. 85—86.

скому посредничеству. Посланник США в Петербурге Брекенридж, сообщая о тройственном выступлении в Вашингтон, отмечал, что теперь Япония «не получит ни под каким видом ни крупицы территории на континенте». «Тревожный вопрос заключается в том,— писал Брекенридж,— как далеко они (Франция и Германия,— *А. Ф.*) пойдут заодно с ней (Россией,— *А. Ф.*)».[1] Вопрос, тревоживший американского дипломата, не был случайным: возможности Японии, как мы видели, были уже исчерпаны войной, а Россия, располагая поддержкой Германии и Франции, имела такой перевес в силах, который превращал сделанный по ее инициативе «дружеский совет» в ультимативное требование.

Тем не менее японская дипломатия попыталась еще добиться ратификации договора в том виде, как он был подписан на Симоносекской конференции. Правительство США сообщило японскому правительству, что оно готово «выступить согласованно с Японией при обсуждении условий ратификации», а американскому посланнику в Пекине была послана директива посоветовать китайскому правительству ускорить ратификацию договора.[2]

Однако ратификация договора оказалась не таким простым делом. Унизительный характер Симоносекского мира вызвал волну недовольства даже среди китайской верхушки. И Ли Хун-чжан, опасаясь лишиться головы, сказался больным и отказался представить договор императору на ратификацию. Тогда Фостер сам отправился в Пекин. Здесь он натолкнулся на противодействие русского посланника, прилагавшего все силы к тому, чтобы склонить императора отвергнуть договор.[3] А главное препятствие заключалось в том, что в самом Китае заключение Симоносекского мира вызвало широкое движение протеста. Императору был представлен «Коллективный меморандум», подписанный 1200 представителями ученого и чиновничьего сословий всех провинций Китая, съехавшимися весной 1895 г. на государственные экзамены в Пекин. Меморандум критиковал неспособность Маньчжурского двора противостоять Японии, опровергал аргументацию сторонников заключения мира и предлагал мобилизовать силы страны для продолжения войны.[4] Под воздействием этого усилилась оппозиция ратификации договора и со стороны правящих кругов Ки-

[1] Брекенридж — Грешэму 24 IV 1895 [цит. по: E. H. Zabriskie. American-Russian rivalry in the Far East (1895—1914). Oxford, 1946, стр. 28—29].

[2] Цит. по: Лю Да-нянь, ук. соч., стр. 81.

[3] J. W. Foster, ук. соч., стр. 147—150.

[4] С. Л. Тихвинский. Борьба за реформы в Китае в конце XIX века. Вопросы истории, 1953, № 6, стр. 93—94.

тая.[1] Так, например, в Цзунли ямыне, которому предстояло одобрить договор до представления его императору, налицо была значительная оппозиция. И вот, для того чтобы преодолеть ее, Фостер вместе с посланником США явился на заседание Цзунли ямыня и вопреки сопротивлению военной партии настоял на том, чтобы договор был представлен императору на ратификацию. Однако под нажимом России, Франции и Германии Япония вынуждена была уступить и возвратить Ляодун Китаю.

Правда, в Вашингтоне, повидимому, надеялись еще на то, что в пользу Японии выступит Англия, но предпринять что-либо для этого американская дипломатия никак не могла. В условиях назревавшего тогда англо-американского конфликта в Латинской Америке («Венесуэльский спор») Соединенным Штатам была даже выгодна та изоляция, в которой очутилась Англия на Дальнем Востоке в результате выступления трех держав.[2] Поэтому о блоке с Англией и речи быть не могло. Но в сепаратном выступлении Англии США были заинтересованы, как по существу вопроса, так, несомненно, и с точки зрения углубления английской изоляции. При этом в Вашингтоне, повидимому, твердо верили, что Англия не останется безучастной к судьбе Ляодуна и выступит в поддержку Японии. Спустя полтора года в беседе между двумя официальными лицами, американцем и англичанином, американец выразил удивление,— «почему Англия в свое время не помешала России лишить Японию ею завоеванного от Китая Ляодунского полуострова?». Англичанин уклонился от объяснений, сославшись лишь на то, что Англия не хотела, чтобы японцы завязли на континенте.[3]

Действительная причина английской позиции заключалась в другом. Начиная с зимы 1894 г. в англо-японских отношениях наметился перелом в сторону сближения, получившего новый импульс после тройственного выступления 23 апреля 1895 г. Однако по вопросу об отношении к Японии в Англии еще не было единства взглядов. И если британский премьер Розбери занимал теперь более или менее определенную позицию, то министр иностранных дел Кимберлей колебался и счи-

[1] Вместе с тем несомненно, что причиной оппозиционных настроений среди правящих феодально-монархических кругов было недовольство влиянием группировки Ли Хун-чжана, подписавшего договор, и стремление переложить с себя ответственность за поражение Китая на эту группировку.

[2] Б. А. Романов. Очерки, стр. 172.

[3] См. докладную записку Мертваго (приложена к донесению Коцебу — Шишкину 7 I 1897): АВПР, Канцелярия МИД, 1897, д. 118, л. 5. Имена собеседников не названы.

тал даже целесообразным поддержать выступление трех держав. Новая роль Соединенных Штатов на Дальнем Востоке и их отношения с Японией тревожили Кимберлея, по свидетельству французского посла в Лондоне Курселя, «не меньше», чем политика постоянной соперницы Англии — России.[1] Это обстоятельство не могло не сказаться при определении позиции Англии и наряду с грузом прежних англо-японских трений было причиной колебаний Кимберлея и сыграло свою роль в определении позиции британского кабинета. Последнее, разумеется, ни в коей мере не умаляет того обстоятельства, что, реши Англия заступиться за Японию, ей нечего было бы реально противопоставить объединенным силам России, Франции и Германии.

Но если не могла выступить Англия, то тем более не могли этого сделать Соединенные Штаты. И глубоко прав был статс-секретарь германского Министерства иностранных дел Маршалль, когда за 5 дней до тройственного выступления, обсуждая его возможный исход с французским послом, на вопрос последнего: «А что скажут Соединенные Штаты?», ответил: «Ничего. У них нет ни флота, ни армии».[2]

Исход Ляодунского дела был поражением для дипломатии США. По наблюдению французского посланника в Токио, Армана, настроение американских дипломатов «не было свободно от разочарования и раздражения». Посланник Соединенных Штатов Дан жаловался на то, что «мало считались с его советами, а также на то безразличие, с которым отклонили его предложение об услугах».[3] Аналогичной была реакция Фостера. Когда ему сообщили, что Япония решила принять «совет» трех держав, Фостер, не скрывая раздражения, заявил, что пусть в таком случае инициатор пересмотра Симоносекского договора Россия сама улаживает с Японией вопрос о дополнительной сумме контрибуции в компенсацию за возврат Ляодуна.[4]

Итог американского посредничества между Японией и Китаем показал, что несмотря на стремление США играть ведущую роль в дальневосточных делах их голос был далеко не решающим. В этом Соединенным Штатам пришлось убедиться и в дальнейшем на протяжении ближайших после войны лет.

---

[1] Курсель — Аното 26 IV 1895: Documents diplomatiques français, I ser., t. XI, стр. 726.

[2] Эрбет — Аното 18 IV 1895: Documents diplomatiques français, I ser., t. XI, стр. 704.

[3] Арман — Аното 16 IV 1895: Documents diplomatiques français, I ser., t. XII, стр. 19.

[4] См.: China Mail, 6 VI 1895.

ГЛАВА II

ПОСЛЕ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ (1895—1898 гг.)

1. ПРОГРАММА АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В КИТАЕ

Тяжелое поражение и унизительный мир принесла война Китаю, а в Токио торжествовали победу, которая поставила Японию в разряд великих держав.

Япония праздновала свой успех, затаив злобу против тех, кто лишил ее возможности утвердиться на материке, и воздавая должное своим друзьям. После ратификации Симоносекского договора японский император обратился с письмом к президенту США для того, чтобы выразить свое удовлетворение американской политикой. Император Японии благодарил своего «доброго друга» за то, что во время войны дипломатические и консульские представители Соединенных Штатов с «любезного разрешения» президента и по его «указанию» оказали японским подданным в Китае «дружеские услуги», «помощь и содействие». Микадо выражал свое удовольствие по поводу деятельности американских подданных, действовавших по «мудрым инструкциям» президента США во время мирных переговоров и способствовавших их «успешному исходу».[1] В знак благодарности за услуги, оказанные Японии американской дипломатией, японский император преподнес из своей личной коллекции гобелены и вазы в дар семье государственного секретаря Грешэма.[2] А когда в середине июня 1895 г. в Токио на обратном пути в Америку прибыл Джон Фостер, ему устроили здесь гостеприимную встречу. Сначала предполагался большой банкет, но правительство сочло это неудобным, и дело ограничилось обедом у одного из крупных коммерсантов Токио. На обеде присутствовали японские министры, ведущие чиновники Министерства иностранных дел, посланник США и

[1] Цит. по: P. J. Treat. Japan and the United States (1895—1921). Boston — N. Y., 1921, стр. 156—157.

[2] China Mail, 14 III 1896.

представители делового мира. На следующий день Фостера посетила депутация купцов и промышленников. Депутация заявила, что сожалеет, что не было разрешено поблагодарить Фостера надлежащим образом публично, и преподнесла ему адрес и ценный подарок. Затем Фостера пригласил к себе японский премьер Ито и «весьма подчеркнуто» благодарил его за услуги в деле ускорения ратификации и «точного исполнения» Симоносекского договора.[1] Кроме того, в Токио было принято решение наградить личный состав американских миссий в Японии и Китае.[2] Но здесь правительство США воспротивилось: это могло в дальнейшем помешать реализации американских проектов в Китае.

Планы Соединенных Штатов в Китае наиболее полно сформулировал тогда американский посланник в Пекине Денби, представивший Государственному департаменту 8 мая 1895 г., вскоре после заключения Симоносекского договора, целый ряд предложений, получивших название «плана Денби». План этот учитывал «уроки японо-китайской войны» и призван был, по словам его автора, «продвинуть торговлю и гарантировать бóльшую защиту иностранным интересам в Китае».[3] «План Денби» исходил как из ранних неравноправных договоров, так и из условий Симоносекского мира, которыми США должны были воспользоваться на правах «наиболее благоприятствуемой нации», а также предусматривал проведение ряда новых мероприятий в интересах дальнейшего проникновения в Китай.

«План Денби» состоял из 19 пунктов и по содержанию делился на две части. Первая и большая часть плана состояла из перечня условий в интересах дальнейшего «открытия» Китая и его экономической эксплуатации. «Китай должен быть открыт для поселения иностранцев»,— гласил «план Денби» (п. 2). План этот требовал, чтобы миссионерам, на долю которых отводилась роль передового отряда экспансии капиталистических держав, было предоставлено право «направляться туда, где им удобно, селиться и покупать землю» (п. 3).[4]

В интересах проникновения во внутренние области Китая, еще мало подвергнутые иностранной эксплуатации и потому представлявшие особые выгоды, пункт 17 «плана Денби» требовал, чтобы «все части Китая были открыты для иностранной торговли». Здесь же (п. 17) американский посланник предла-

---

[1] J. W. Foster, ук. соч., стр. 164, а также стр. 161—163.
[2] Лю Да-нянь, ук. соч., стр. 83.
[3] North China Herald, 28 VI 1895.
[4] Подробно о деятельности миссионеров см. ниже, стр. 88—90.

гал превратить столицу Китайской империи Пекин в открытый для иностранной торговли город. Кроме того, Денби считал необходимым добиться открытия всех портов Китая для иностранной торговли. «Каждый порт в Китае, обычно используемый и часто посещаемый морскими судами, должен быть открыт всему миру»,— гласил пункт 7. «План Денби» исходил из установок, противоречивших интересам развития национальной экономики Китая, требуя, чтобы иностранцам были предоставлены равные с лицами китайского подданства возможности в торговле. Предусматривалось фактическое упразднение тарифной автономии Китая. Выступая против обложения иностранных товаров ликином или каким-либо другим внутренним налогом сверх ввозных 5%-х пошлин, американский посланник предлагал взыскивать таможенные пошлины не при ввозе товаров, как это было установлено, а только тогда, когда товар достигнет потребителя (п. 4). Особый акцент делался на то, что иностранные товары должны быть абсолютно уравнены в обложении с товарами китайского производства и что Китай не имеет права устанавливать запретительных пошлин (п. 5), а также предоставлять преимущества в обложении при перевозке товаров на китайских судах (п. 6). В ущерб китайской джоночной торговле предусматривались льготы для иностранного каботажного плаванья: каботажные пошлины должны были взиматься не в звонкой монете, а бонами (п.п. 8, 9).

В «плане Денби» нашли свое отражение черты наступавшей эпохи империализма, когда в колониальной политике важное место стал занимать вывоз капитала. Американский план настаивал на создании благоприятных условий для иностранного предпринимательства, в интересах которого в Китай предусматривался ввоз иностранных машин (п. 13). В принципе вопрос о допущении иностранного предпринимательства в Китае решался Симоносекским миром, но Денби предлагал дополнительно потребовать для иностранцев равных с лицами китайского подданства прав в сооружении промышленных предприятий в Китае (п. 14).

Вторая, меньшая, часть «плана Денби» состояла из условий, направленных против местной провинциальной администрации Китая, а также предусматривала принятие мер для борьбы с народным «антииностранным» движением. «План Денби» указывал на необходимость административных реформ, согласно которым местная администрация была бы лишена права облагать пошлинами иностранные товары (п. 12), решать международные вопросы, за исключением возмещения ущерба, нанесенного иностранцам (п. 18), и заключать контракты с иностранцами на приобретение товаров и материалов

(п. 19). Американский посланник указывал на то, что все эти функции должны принадлежать исключительно центральному Пекинскому правительству, и это прямым образом было связано с враждебным отношением провинциальной администрации к иностранцам, ущемлявшим ее традиционные привилегии. США выступали за усиление власти центрального Маньчжурского правительства, которое легче было контролировать. Вместе с тем американский план исходил из расчета, что при сосредоточении всей власти в руках центрального правительства и при наличии международного контроля над ним отдельные державы не смогут действовать в обход Пекина, чтобы сепаратным путем получать привилегии от местной администрации, на которую какая-либо из держав возымела бы влияние.

Наконец, для борьбы с национально-освободительным движением в Китае «план Денби» требовал «решительно пресекать» «бранные и скандальные публикации, затрагивающие иностранцев» (п. 15), и принять «строгие меры», «для того чтобы предотвратить антииностранные восстания», а если таковые произойдут, «достойно наказать» повстанцев и «возместить ущерб» (п. 16).

«План Денби» не стал основой какого-либо нового соглашения с Китаем и не подвергался официальному обсуждению в дипломатических кругах. Более того, он не был включен в ежегодную американскую публикацию по внешним сношениям, а просочившиеся о нем в английскую дальневосточную прессу сведения не получили со стороны США никакого официального подтверждения (или опровержения).[1] Все это, однако, отнюдь не умаляет первостепенного значения данного документа. Последующий ход событий полностью подтвердил, что «план Денби» содержал в себе программные установки американской политики в Китае, в значительной степени предвосхищая провозглашенную в 1899 г. доктрину «открытых дверей».

2. «БИТВА ЗА КОНЦЕССИИ»

Поражение Китая в войне 1894—1895 гг. послужило толчком для новых попыток его колониального подчинения. Оценивая итоги японо-китайской войны, американский консул в Шанхае Джерниган отмечал, что «договор в Симоносеки открыл

[1] «План Денби» был опубликован с незначительным отклонением от подлинника в «North China Herald» 28 VI и 12 VII 1895. Впервые в США опубликован только в 1927 г.; см.: G. N. Steiger. China and the Occident. (The Origin and Development of the Boxer Movement). New Haven, 1927, стр. 50—52. Текст «плана Денби» см.: Приложение, I.

ворота Китая шире, чем когда-либо, и легализовал доступ новых сил цивилизации (читай: иностранного капитала,— *А. Ф.*)».[1] В этом заключался практический результат японо-китайской войны и для Соединенных Штатов.

Еще не закончилась война, а в Китай уже стали съезжаться многочисленные дельцы и коммерсанты. «Они образуют совершенно новую колонию в Пекине»,— писала английская «Манчестер гардиан». «Эти агенты представляют самые различные группы, и большинство из них из Америки».[2] Действительно, весной 1895 г. в Пекине можно было встретить отставного американского дипломата, морского или сухопутного офицера, агента какой-нибудь монополистической компании и просто авантюриста без всяких средств, типа золотоискателя времен золотой горячки в Калифорнии. Последние, авантюристские элементы, были особенно многочисленны. Генеральный консул США в Тяньцзине Рид, ссылаясь на то, что Америка «изобилует людьми, известными как авантюристы и искатели счастья», выражал недовольство, что они приезжают в Китай с намерением осуществить «какие-то фантастические планы, за выполнение которых никакой деловой человек никогда не возьмется». Рид сетовал на то, что каждая неудача подобного авантюриста дискредитирует в целом американских предпринимателей.[3]

Среди прибывших в Китай были представители крупных фирм: «Крэмп шипбилдинг компани», «Юнион айрон уоркс», «Вестингауз электрик компани оф Питтсбург», «Болдуин локомотив уоркс», агенты страхового общества «Икуитебл лайф иншуренс компани» и др. Это были первые попытки едва начинавшегося в те годы вывоза капитала из США. Агенты американских фирм предлагали китайскому правительству свои услуги по перевооружению армии и флота, рассчитывали заключить контракты на строительство различных предприятий и поставку всевозможных товаров. «В Китай прибыло много американцев,— писал посланник Соединенных Штатов Денби,— с предложением соорудить железные дороги, основать банки и разработать недра».[4] При этом американский капитал не был заинтересован в промышленном развитии Китая, а исходил из своих собственных расчетов. «Нужно ли каким-либо способом поощрять (национальную,— *А. Ф.*) промышленность Китая?»,— спрашивал поверенный в делах США

---

[1] North American Review, October, 1896, стр. 444.
[2] Цит. по: China Mail, 22 X 1896. — Ср.: Канторович, стр. 74.
[3] Донесение Рида 11 V 1897: Consular reports, v. LV, стр. 289.
[4] Денби — Олни 15 II 1897: USFR, 1897, стр. 59.

в Пекине Денби-младший и сам отвечал: «Не вижу, что мы выиграем, помогая создавать соперников нашим промышленникам — в этой стране с дешевой рабочей силой, с дешевыми деньгами, производством шелка и хлопка». В связи с этим американский поверенный в делах решительно высказывался против возможных со стороны Китая попыток увеличить таможенное обложение. В таком случае, говорил Денби, «мы пострадаем и не получим прибыли».[1] Взгляд этот не был случайным, а последовательно проводился американской дипломатией в жизнь. Так, например, когда в конце 1898 г. китайское правительство издало новые «Правила горного управления», предоставлявшие национальной промышленности Китая некоторые льготы по сравнению с иностранными предпринимателями, Соединенные Штаты не замедлили выступить с протестом.[2]

Что же касается прибыли, на которую рассчитывал американский капитал в Китае, то об этом можно судить уже по той разнице, которая имела место между зарплатой китайского и американского рабочего. Средняя зарплата на хлопчатобумажных фабриках в Шанхае и Ханькоу составляла около 15 центов в день, на железоделательных заводах в Ханьяне и Шанхае — 11 центов, квалифицированный портовой механик получал 21 цент, в то время как средняя дневная зарплата американского рабочего равнялась 160 центам. Таким образом, зарплата китайского рабочего была в 10—15 раз меньше того, что приходилось платить рабочему в США, и это создавало возможность получать в Китае исключительно высокую прибыль.[3]

Главное внимание американского капитала привлекали в то время перспективы железнодорожного строительства в Китае,

[1] Денби — Олни 18 X 1896 (цит. по: V a g t s, стр. 1003).

[2] См.: Позднеев — Витте 21 XII 1898: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 591, л. 73.

[3] «Ни одна страна в мире не изобилует так рабочей силой, как Китай, и ни в одной стране мира рабочие не получают такой низкой зарплаты»,— отмечал генеральный консул США в Шанхае Джерниган. Китайский рабочий существует на мизерную зарплату, «благодаря дешевизне овощной диеты, которой он придерживается всю свою жизнь; благодаря тому, что он живет в поделенной для нескольких семей одной комнате, благодаря тому, что ходит в дешевой одежде, которая сделана из самых грубых сортов бумажной ткани. Но дешевизна рабочей силы,— заключал Джерниган,— не означает, что ее продукция более низкого качества» (донесение Джернигана 11 X 1895: Consular reports, v. L, стр. 93). Данные о зарплате в Китае см.: Consular reports, v. L, стр. 96; v. LII, стр. 204—205; North American Review, November, 1896, стр. 623—626. Американская зарплата вычислена по данным официальной статистики США (см. стр. 9 настоящей работы).

что прямым образом было связано с сокращением железнодорожного строительства в Америке вследствие кризиса 1893 г. и последующей депрессии. Достаточно сказать, что в результате кризиса и 4 лет последующей депрессии железнодорожное строительство в США сократилось по сравнению с предыдущим десятилетием на 43%.[1] «Железнодорожное строительство в Китае привлекло внимание американских финансистов и предпринимателей. Многие агенты американских фирм находятся теперь в этой стране...»,— отмечал посланник США в Пекине Денби.[2]

Одним из первых пытался получить железнодорожные концессии в Китае американский синдикат Моргана и Флинта, предложивший китайскому правительству в мае 1895 г. заем в 200 млн таэлей для уплаты военной контрибуции Японии при условии, что ему будет предоставлен контроль над сооружением железных дорог в Китае. Именно этот путь внедрения американского капитала в Китай рекомендовал Денби в вышеупомянутой депеше от 27 II 1895, указывая, что для уплаты контрибуции Китай вынужден будет пустить в продажу «еще никому не предоставленные преимущественные права», в том числе «право строить железные дороги».[3]

И вот, когда китайское правительство приступило к переговорам о заключении займа с банкирами различных стран и встал вопрос о гарантиях такого займа, представители американских банков предложили «уплатить военную контрибуцию в обмен (en echange) на монополию на сооружение и эксплуатацию железных дорог Срединной Империи».[4] Однако заем Китаю предоставила Россия, и попытка Моргана добиться контроля над сооружением китайских железных дорог не удалась. После успеха в Ляодунском вопросе двери Китая были открыты России шире, чем какой-либо другой державе. Кроме того, условия русского займа были выгоднее американских (более низкий процент). И, наконец, Моргану отказал в поддержке Государственный департамент, повидимому, главным образом из-за того, что синдикат действовал через «Американ трейдинг компани» — фирму с сильным английским влиянием, а также опасаясь проявить излишнюю заинтересованность.[5]

---

[1] Л. Мендельсон. Экономические кризисы и циклы XIX в. М., 1949, стр. 695.

[2] Отчет Денби «Торговля и промышленные условия в Китае» 6 IV 1896: Consular reports, v. LI, стр. 318.

[3] См. выше, стр. 28.

[4] Эрбет — Аното 20 V 1895: Documents diplomatiques français, I ser., t. XII, стр. 26. Ср.: Еруса лимский, стр. 445; а также: Vagts, стр. 972

[5] Vagts, стр. 973.

Почти одновременно с попыткой Моргана в Пекине появился и другой американский синдикат «Американ Чайна дивелопмент компани», образованный, согласно официальной информации, в декабре 1895 г. по законам штата Нью-Джерси с целью сооружения железных дорог, пароходных, телеграфных и телефонных линий в Китае.[1] Состоявшая из лиц самого высокого положения в банковских и промышленных кругах «Американ Чайна дивелопмент компани» была тесно связана с правительственными сферами и оказала впоследствии большое влияние на дальневосточную политику США. История этого синдиката — первой (если не считать неудавшейся попытки Моргана) американской монополии в Китае, созданной для капиталовложений в строительство китайских железных дорог,— является одной из самых интересных страниц политики США в Китае в исследуемый период.

Инициатором создания «Американ Чайна дивелопмент компани» был американский сенатор Кальвин Брайс, по имени которого эту компанию на Уолл-стрите называли «Брайс Чайниз синдикат». Он был президентом целого ряда железнодорожных компаний США, директором «Чейз нейшенл бэнк», «Пэсифик мейл стимшип компани» и участвовал в нескольких других предприятиях. В политических сферах Брайс славился как искусный интриган и адвокат монополий. Ко времени образования «Американ Чайна дивелопмент компани» он уже имел за плечами многолетний опыт в области железнодорожных спекуляций и пользовался солидной репутацией в деловых и политических кругах США.[2]

«В 1895 году после глубокого изучения вопроса Кальвин Брайс решил,— как писала «Норз Чайна Геральд»,— вступить в конкуренцию с европейским капиталом в целях получения права строить железные дороги в Китае и воспользоваться огромными выгодами, которые сулит такое развитие. Он обсудил свой план со многими капиталистами и в результате создал проект китайской железнодорожной концессии».[3]

В образованный Брайсом синдикат вошли представители магнатов финансового капитала, деятели ведущих железнодорожных группировок, представители виднейших фирм и акционерных компаний. Преобладало в компании влияние Рокфеллера. Сам Брайс еще задолго до 1895 г. был тесно связан с «королем нефти» и его компаньонами Уильямом Уитни и Оливером Пейном. Акционером «Американ Чайна дивелоп-

[1] Railroad gazette, 27 XII 1895.

[2] M. Josephson. The Politicos. N. Y., 1938, стр. 427.

[3] Обзор деятельности «Американ Чайна дивелопмент компани» за 1895—1900 гг. см.: North China Herald, 30 I 1899.

мент компани» являлся Джеймс Стиллмен, президент крупнейшего в то время банка страны «Нейшенл Сити бэнк оф Нью-Йорк», имя которого было «синонимом имени Рокфеллера», а самый банк называли не иначе как «банк „Стандарт ойл"».[1] Коллеги Брайса по ряду деловых предприятий финансист Самюэль Томас и президент «Саузерн траст компани» Ф. Е. Ренделл также придерживались рокфеллеровской ориентации. Акционер Антони Брэди входил в объединившуюся со «Стандарт ойл» «Манхэттен ойл компани оф Лима». Генри Хэвмейер — организатор одной из первых монополий «Американ Шугар рефайнинг компани» и влиятельный в политике человек — участвовал в ряде предприятий Рокфеллера. Хэвмейер был директором рокфеллеровской «Мючуэл лайф иншуренс компани», крупнейшей наряду с «Икуитебл лайф иншуренс компани» и «Нью-Йорк лайф иншуренс компани», страховой компании США.

В «Американ Чайна дивелопмент компани» была представлена в полном составе коалиция Рокфеллер—Гарриман—Кун—Леб, противостоявшая обычно группировке Моргана. Фирму «Кун и Леб» представлял известный банкир Джекоб Шифф. Один из крупнейших железнодорожных предпринимателей Аверелл Гарриман сам был акционером «Американ Чайна дивелопмент компани». Не менее известной репутацией противника Моргана пользовался и входивший в компанию «стальной король» Карнеги. В синдикате была представлена, правда не так полно, и морганов ская группировка. К ней относились Чарльз Костер, директор 59 деловых предприятий, компаньон Моргана, представлявший его в целом ряде железнодорожных компаний, и Джордж Бэкер — президент «Ферст Нейшенл бэнк оф Нью-Йорк» — банка морганов ской ориентации.

В «Американ Чайна дивелопмент компани» входил также ряд видных политических деятелей. Как уже говорилось, сам инициатор создания синдиката Брайс был весьма влиятельным в политике человеком. Кроме того, в компанию вступили бывший вице-президент США при Гаррисоне (1889—1893 гг.), а с 1894 г.— губернатор штата Нью-Йорк Л. П. Мортон и сенатор-республиканец Томас Платт, прозванный за его могущественное положение в руководстве партии «Боссом Платтом». Это Платт провел Л. П. Мортона на пост губернатора Нью-Йорка и тем самым достиг, по оценке его биографа, «почти непреодолимой власти».[2] Всего в «Американ Чайна дивелоп-

---

[1] Ф. Ландберг. 60 семейств. М., 1948, стр. 71.

[2] Dictionary of American Biography, v. XV, N. Y., 1935, стр. 5

мент компани» было 60 акций и 49 акционеров. Самое большое количество акций (7) находилось в руках железнодорожного магната Вандербильта.[1]

Для ведения подготовительных работ по осуществлению проекта «Американ Чайна дивелопмент компани» был выделен 1 млн долларов и назначен комитет из трех человек во главе с Кларенсом Кэри, представителем Вандербильта. Комитет этот находился в Нью-Йорке, а в Китае держали постоянного агента, некоего Баша, введенного в подготовительный комитет.

Впервые Баш прибыл в Китай в начале мая 1895 г., еще за полгода до формального образования синдиката, «вслед за заключением между Китаем и Японией мирного договора», и после некоторой разведки вернулся в США.[2] Тогда же стало известно, что американский синдикат поставил себе целью осуществление самых широких планов по сооружению железных дорог и по эксплуатации недр Китая. Но первостепенный интерес «Американ Чайна дивелопмент компани» проявила к концессии на строительство железных дорог в Северном Китае и Маньчжурии на соединение с Сибирской железной дорогой. Соединение китайских железных дорог с Великим Сибирским путем было важнейшей задачей американского проекта.[3]

С конца XIX в. в Соединенных Штатах широкое хождение получила идея сооружения американской кругосветной железной дороги. В 1890 г. в Нью-Йорке вышла книга «Космополитическая железная дорога». Автор ее, геополитик Гильпин, пытался обосновать необходимость кругосветного пути, основным звеном которого должна была стать железная дорога через Сибирь, соединенная транскитайской магистралью с Кантоном. Эта идея встретила поддержку в деловых и политических кругах США. Именно поэтому в Соединенных Штатах пристально следили за начатым в 1891 г. Россией строительством Великого

---

[1] Помимо указанных лиц в синдикате участвовали следующие представители делового мира: Томас Форчун Райан — монопольный владелец рельсового транспорта Нью-Йорка, контролировавший совместно с Гарриманом страховой трест «Икуитебл лайф иншуренс компани», Ф. П. Олкотт — президент «Сентрал траст компани оф Нью-Йорк»; банкиры Мур, Шлей, Г. Р. Шелдон и Д. Х. Бенедикт; фабриканты оружия Хартли и Грехем и другие влиятельные на Уолл-стрите лица. Выяснение состава и ориентации участников синдиката произведено на основании данных «North China Herald» 30 I 1899; приложений к письму Петика Кассини 16 IV 1896: АВПР, Китайский стол, д. 114, ч. 1, л. 56; Campbell, Special, стр. 44.

[2] См. депешу Кассини Лобанову-Ростовскому 22 IV 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 18, л. 139; Россия в Маньчжурии, стр. 84, 102 и сл.

[3] См.: Жерар — Аното 20 VIII 1895: Documents diplomatiques français, I ser., t. XII, стр. 177; Петик — Кассини 16 IV 1896: Приложение, II, № 2.

Сибирского пути. Официоз американского правительства газета «Вашингтон пост» была встревожена тем, что Сибирская дорога отвлечет «значительную часть китайской торговли с Европой от ее нынешних путей через Суэцкий канал и через Ванкувер по американскому континенту к новому и значительно более прямому и дешевому пути сообщения».[1] Консул США в Амое Джонсон писал, что «сооружение Великого Сибирского пути, доходящего до дальневосточного морского побережья, заставляет задуматься многих наших экспортеров о встрече с опасным конкурентом».[2] Американский консул в Хемнице (Германия) предвидел, что Сибирская дорога откроет Восток для торговли, «как он никогда не был открыт», и считал, что США должны попытаться извлечь из этого все возможные выгоды.[3] В Америке, особенно в западных штатах, раздавались настойчивые голоса о необходимости получить концессию на строительство Сибирской дороги и все чаще можно было услышать «жалобы и сетования на то, что американские капиталы не принимают никакого участия в этом великом предприятии».[4]

С американской стороны имели место и практические попытки получить концессию на строительство Сибирского пути. С этой целью в 1889 и 1891 гг. в Россию дважды приезжал крупный делец и банкир, директор Нью-Йоркского торгово-промышленного банка, генерал Даниел Баттерфилд, разбогатевший в свое время на сооружении железной дороги в Гватемале. Теперь Баттерфилд добивался концессии на строительство и эксплуатацию Сибирской магистрали, а также права разработки недр Сибири и беспошлинного ввоза в Россию американских товаров. Кроме того, он вел переговоры о предоставлении ему даровой рабочей силы — русских солдат. Однако ни в том, ни в другом успеха не имел.[5]

В дальнейшем, в связи с кризисом в Америке и усилением интереса к дальневосточным делам в результате японо-китайской войны, интерес к Сибирской дороге еще более возрос. Для новой попытки овладеть Сибирским путем решено было использовать поездку в Россию в начале 1896 г. бывшего секретаря посольства США в Петербурге Уэбба на коронацию

---

[1] См. депешу Кантакузина Гирсу 30 XII 1893: АВПР, Канцелярия МИД, 1894, д. 102, л. 4.

[2] Донесение Джонсона 19 X 1897: Consular reports, v. LVI, стр. 374.

[3] Донесение Монагена 20 VII 1896: Consular reports, v. LII, стр. 362.

[4] Депеша Кантакузина Гирсу 30 XII 1893: АВПР, Канцелярия МИД, 1894, д. 102, лл. 2, 3.

[5] Л. Н. Кутаков. К истории Портсмутского мира 1905 г. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. IX, № 2, 1952, стр. 177.— A. Babeу. Americans in Russia. London—N. Y., 1937, стр. 18, 134.

Николая II. Перед отъездом в Петербург Уэбб посетил русского агента Министерства финансов в Вашингтоне Рутковского и расспрашивал его о том, не согласится ли русское правительство «сдать по контракту части Сибирской железной дороги американскому синдикату, составленному из опытных строителей и выдающихся финансистов», сославшись на то, что последние «могут иметь финансовую поддержку Вандербильта». Повидимому, данное предложение и исходило от Вандербильта, с которым Уэбб состоял в родстве. Но и на этот раз ничего не вышло. Министерство финансов сообщило Рутковскому, что на подобный же запрос американского посланника в Петербурге Брекенриджа было отвечено, что «постройку Сибирской железной дороги предполагается вести исключительно на казенный счет».[1]

Логическим продолжением притязаний американского капитала на строительство Сибирской магистрали являлся проект «Американ Чайна дивелопмент компани», представлявший попытку присоединиться к Великому Сибирскому пути после неудачи получить концессию на его строительство. В этом, как признавали и сами руководители синдиката, заключался смысл настойчивого стремления «Американ Чайна дивелопмент компани» овладеть концессией на примыкающую к Сибирской дороге транскитайскую магистраль.[2]

В деталях планы синдиката стали известны весной 1896 г., когда Баш снова появился в Китае, для того чтобы начать непосредственные переговоры о концессии. Заготовленный и одобренный в Нью-Йорке проект предусматривал в первую очередь сооружение линии Пекин—Ханькоу, которая в дальнейшем должна была в южном направлении дойти до Кантона, а в северном — до соединения с Сибирской дорогой, поглотив уже строившиеся китайские железные дороги Пекин—Тяньцзин и Тяньцзин—Шаньхайгуань. В конечном итоге это и составило бы транскитайскую магистраль. Важнейшие порты и торговые центры Кантон и Тяньцзин, порт и промышленный центр Ханькоу, занимающий командное положение на р. Янцзы, столица Китайской империи Пекин, крупнейшие города Маньчжурии — Нючжуан, Мукден, Гирин и Цицикар — вот пункты,

---

[1] Рутковский — Романову 29 IV 1896 и Охочинский — Рутковскому 11 VII 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 581, л.л. 17 и 27.— Россия в Маньчжурии, стр. 474.

[2] Об этом см.: Кассини — Лобанову-Ростовскому 22 IV 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 18, л. 139; в особенности Петик — Кассини 16 IV 1896: Приложение, II, № 2, а также статью председателя подготовительного комитета К. Кэри: C. C a r y. China and Chinese railway concessions. Forum, January, 1898, стр. 599.

которые должна была связать американская железная дорога в Китае. Кроме того, дополнительно к транскитайской магистрали предполагалось построить железнодорожную ветку от Мукдена к границам Кореи.[1] Наибольший интерес «Американ Чайна дивелопмент компани» проявила к крайне северному участку проектировавшейся дороги от Шаньхайгуаня через Ныочжуан на Мукден—Гирин—Цицикар до соединения с Сибирским путем. Здесь, на севере, синдикат претендовал на монополию железнодорожного строительства, настаивая, чтобы «никакое разрешение на любую другую железную дорогу или какое-либо ответвление любой железной дороги в Маньчжурии не было дозволено никакой компании или отдельному лицу в течение тридцатилетнего срока без согласия „Американ Чайна дивелопмент компани"». Одновременно с железнодорожной концессией синдикат рассчитывал получить «право приобретать и разрабатывать земли, леса и шахты в любой части Маньчжурии и прилегающих частях Монголии». Китайскому правительству предъявлялось требование не вводить никаких ограничений и не применять запретительного обложения к продукции американских предприятий. Кроме того, синдикат пытался выговорить себе право беспошлинного ввоза материалов, нужных для сооружения железных дорог.[2]

Реализация проекта «Американ Чайна дивелопмент компани» должна была обеспечить американскому капиталу прочное положение в Китае и прежде всего в Маньчжурии. Посланник Соединенных Штатов Денби отмечал тогда, что в случае осуществления своих планов американский синдикат сможет установить «полный контроль над национальным прогрессом Китая».[3]

Однако попытка «Американ Чайна дивелопмент компани» реализовать свой проект натолкнулась с самого начала на решительное противодействие заинтересованных держав и в первую очередь России, интересы которой более всего затрагивали американские планы в отношении Маньчжурии. Уже при первом знакомстве с проектом «Американ Чайна дивелопмент компани» еще в самых общих чертах русские представители в Китае поняли, что они имеют дело с прямым соперником. Поэтому, когда весной 1895 г. Баш попробовал через русского посланника Кассини зондировать позицию России, он получил

---

[1] Покотилов — Витте 29 IV 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 18, л. 84.— Петик — Кассини 16 IV 1896: Приложение, II, № 2. — С. Сагу, ук. соч., стр. 599. См. также карту в конце настоящей книги.

[2] См.: Приложение, II, № 3.

[3] Денби — Олни 15 II 1897: USFR, 1897, стр. 59. (Разрядка моя, — *А. Ф.*).

«уклончивый ответ».[1] Впоследствии русская дипломатия не раз имела возможность убедиться в том, что в лице американского синдиката она имеет упорного противника. Стоило Кассини начать весной 1896 г. переговоры о концессии на железнодорожную линию в Маньчжурии, как «Американ Чайна дивелопмент компани» тут же выступила с параллельным предложением Китаю. В беседе с агентом русского Министерства финансов Покотиловым Баш прямо признал, что «рассчитывает воспользоваться предстоящими переговорами нашими (России,— *А. Ф.*) с китайцами относительно проведения железной дороги через Маньчжурию для осуществления планов своего синдиката».[2] Американский проект железной дороги Шаньхайгуань—Ньючжуан—Мукден—Гирин—Цицикар до соединения с Сибирским путем предвосхищал планы железнодорожного строительства России в Китае.[3]

Поставленной цели «Американ Чайна дивелопмент компани» добивалась настойчиво, пытаясь всеми средствами преодолеть стоявшие на ее пути препятствия. Первым шагом в этом направлении была попытка вовлечь Россию в американский синдикат на второстепенную роль. Уже при первом свидании с русским посланником, в мае 1895 г., Баш заявил о желании синдиката получить «сочувствие и поддержку» России, а теперь, в апреле 1896 г., он нанес вторичный визит Кассини и заверял его в том, что «Американ Чайна дивелопмент компани» намерена действовать «не иначе как с одобрения и по указанию русского правительства». В подтверждение своих слов Баш выразил готовность предоставить русской стороне «особые преимущества» в приобретении акций основного капитала и облигаций предполагаемых к постройке отдельных железных дорог, имея в виду «уступить» 40% общего числа акций и облигаций, предназначенных, согласно проекту американской концессии, к продаже в неамериканские руки. Идя на подобный шаг, «Американ Чайна дивелопмент компани» не только ничем не рисковала, но, наоборот, имела в виду получить на этом д в о й н у ю выгоду: во-первых, обеспечить американскому проекту политическую поддержку России, во-вторых, облегчить синдикату материальную сторону дела, сняв с себя 40% расходов, что в условиях пока еще незначительного количества свободных капиталов в США имело немаловажное значение. Если бы русское правительство пошло на предложе-

[1] Кассини — Лобанову-Ростовскому 22 IV 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 18, л. 140.
[2] Покотилов — Витте 29 IV 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 18, л. 84.
[3] К а н т о р о в и ч, стр. 99.

ние Баша, оно стало бы сознательным пособником американизации Маньчжурии: контрольный пакет акций (60%) оставался за «Американ Чайна дивелопмент компани», и американцы были бы полновластными хозяевами предприятия. Но наивный расчет Баша не оправдался. Кассини еще более определенно, чем при первой встрече, высказал Башу отрицательное отношение к американскому предложению и, по его собственному выражению, «воздержался от малейшего обнадеживания относительно возможности какой-либо с нашей стороны поддержки американской компании».[1] Та же участь постигла проект Баша, когда он обратился к Покотилову. В ответ на заверения в дружественном для России характере американского проекта Покотилов сказал, что если бы русское правительство и пожелало осуществить продолжение Сибирской железной дороги, то оно могло бы ходатайствовать о предоставлении этого дела лишь русской компании, а допущения к нему иностранцев, «хотя бы самых дружественных», Россия никоим образом не потерпит.[2]

Тем не менее, как это видно из дальнейших донесений Покотилова, «Американ Чайна дивелопмент компани» не оставила своих попыток. В Петербурге стало известно, что Баш «настойчиво продолжает свои домогательства» и питает «радужные надежды насчет получения целой сети железных дорог в империи, начиная с Пекин-Ханькоуской линии». «Г. Баш, повидимому, вполне уверен,— сообщал Покотилов,— что планы его, рано или поздно, увенчаются успехом, и устроился со своим семейством на продолжительное пребывание в Пекине». Из беседы с Башем Покотилов знал, что тот не оставляет мысли о желательности совместных действий американцев с русскими и с этой целью рекомендовал своей компании «произвести давление в Петербурге». Баш сообщил Покотилову, что представитель «Американ Чайна дивелопмент компани» уже имел беседу с русским посланником в Вашингтоне и будто решено завязать непосредственные сношения с русским правительством через посланника США в Петербурге.[3]

Однако несмотря на дружественные заверения с каждым днем все более ясным становился враждебный русским интересам характер американского проекта. Осенью 1896 г., накануне заключения русско-китайского соглашения о КВЖД, в шанхайской прессе появляются инспирированные синдикатом ста-

---

[1] Кассини — Лобанову-Ростовскому 22 IV 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 18, л.л. 140—143.

[2] Покотилов — Витте 23 IV 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 18, л. 85.

[3] Покотилов — Романову 21 VI 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 11, л. 24.— Покотилов — Витте 22 VI 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 597, л. 1.

тьи против России.[1] Да и тот же Баш еще ранее в записке, распространяемой среди высших китайских сановников, противопоставлял американский проект возможному русскому и стремился представить дело так, будто американцы в противоположность русским отстаивают интересы Китая. Записка указывала, что «имеющее последовать в ближайшем будущем окончание сооружения Великой Сибирской дороги окажет прежде всего влияние на Китай», что «новые отрасли торговли и промышленности будут развиваться, а существующие ныне пути и характер коммерческих сношений подвергнутся изменению». Учитывая, что «русская железнодорожная система, несомненно, рано или поздно, найдет себе путь через Маньчжурию к морю», Баш в противовес этому предлагал китайскому правительству воспользоваться услугами американской компании для постройки железнодорожной линии на юг «до соединения с наиболее значительными деловыми центрами Китая» и особой линии на север «навстречу Великой Сибирской железной дороге» с целью открытия «сплошного сообщения с Европой». Баш указывал на необходимость «провести внутренние реформы» в Китае и прельщал китайское правительство тем, что исполнение американского проекта «соединит воедино отдельные части империи...», увеличит государственный кредит и усилит царствующую династию». Дело представлялось так, будто действия американского синдиката преследуют чисто экономическую выгоду и, не в пример России, лишены какой бы то ни было политической подоплеки.[2] На подобного рода выступлениях США стремились создать себе в Китае моральный капитал и добиться таким образом благоприятного отношения к своим проектам. Это был традиционный американский прием. Ленин отмечал в свое время, что постройка железных дорог изображается нередко как простое, естественное, демократическое, культурное и цивилизаторское предприятие, тогда как на деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства, вообще превратили эту постройку в орудие угнетения трудящихся масс.[3] Характеристика эта в полной мере

[1] Канторович, стр. 100.

[2] Перевод «Записки Баша»: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 597, л.л. 4—6. (Разрядка моя,— *А. Ф.*). Одновременно в «Записке» подчеркивался интерес синдиката к эксплуатации рудных богатств Китая: «Минеральные богатства Китая, недостаточно еще обследованные, весьма велики, а между тем опыт учит, что самым важным фактором в деле развития горной промышленности является дешевизна перевозки. Развитие железнодорожного дела и горной промышленности должно итти рука об руку и взаимно содействовать друг другу».

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 178—179.

может быть отнесена и к проектам «Американ Чайна дивелопмент компани».

Широко используя аргументацию, подобную той, которая была развита Башем в его «Записке», руководители синдиката вместе с тем пытались привести в действие всевозможные рычаги давления на китайскую администрацию, начиная со знакомств в правительственных сферах Китая, подкупа китайских сановников и кончая средствами официального дипломатического воздействия. Отрицавший прежде свои связи с деловым миром, Фостер обратился теперь с письмом к своему коллеге по Симоносекским переговорам личному секретарю Ли Хун-чжана, Петику, с просьбой повлиять на китайского канцлера в интересах американского синдиката. Фостер рекомендовал Баша как человека, которого «знал много лет», а организаторов «Американ Чайна дивелопмент компани» как персон «самого высокого положения» в банковских, финансовых и железнодорожных кругах Америки. Он высказал уверенность в том, что «синдикат сможет контролировать весь капитал, необходимый для выполнения любого предприятия в Китае».[1]

Для воздействия на китайскую администрацию решено было также использовать американского экс-сенатора Уошберна, известного своими связями в политических кругах Китая. Уошберн сначала отказался поехать в Китай, но после того, как ему обещали в случае удачи выплатить единовременно 3 млн долларов и положили ежегодное жалование в 25 тыс. долларов, не устоял.[2]

Чтобы заручиться официальной дипломатической поддержкой, представители синдиката обратились в американскую миссию в Китае. Государственный секретарь Олни предложил посланнику Соединенных Штатов в Пекине Денби «употребить все возможные средства для расширения американских коммерческих интересов в Китае».[3] Денби и до того «не упустил ни единой возможности,— по его собственным словам,— чтобы убедить китайские власти в превосходстве американцев в железнодорожном строительстве и в производстве всех тех изделий, которые со временем потребуются китайской железнодорожной системе».[4] А теперь, по отзывам руководителей «Американ Чайна дивелопмент компани», стал всемерно содействовать планам синдиката. Аналогичное отношение встретила

---

[1] Фостер — Петику 22 XII 1895: Приложение, II, № 1, стр. 176. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[2] North China Herald, 30 I 1899.

[3] Олни — Денби 19 XII 1896: USFR, 1897, стр. 96.

[4] Депеша Денби 25 V 1896: Consular reports, v. LII, стр. 347.

компания также и со стороны генерального консула США в Шанхае Джернигана, который наряду с Денби отличался особой последовательностью в поддержке «Американ Чайна дивелопмент компани».[1] При этом миссия Соединенных Штатов в Пекине и американские консульства на местах не останавливались иной раз даже перед противопоставлением синдиката другим американским компаниям. «Здешнее американское посольство, а также и разные консульства,— писал Покотилов,— выставляют г. Баша в качестве противовеса, если они замечают, что другие предприниматели, почему-либо им неприятные, начинают успевать в том или другом деле».[2]

В результате к концу 1896 г. Башу удалось заключить предварительное соглашение о строительстве железной дороги Пекин—Ханькоу с главой центральной железнодорожной администрации Китая Шеном. Этот последний, по словам германского посла в Петербурге Радолина, до «такой степени связал себя с американцами», что дело о концессии казалось решенным.[3]

Но тут синдикат столкнулся с новым соперником. Часть трассы должна была проходить через долину Янцзы, где господствовал английский капитал, и английская пресса подняла целую кампанию против Шена, обвиняя его в том, что он подкуплен американцами.[4] В противовес «Американ Чайна дивелопмент компани» англичане стали поддерживать «Американ трейдинг компани». Компания эта хотя и была американской, но многие годы сотрудничала с англичанами и, по свидетель-

---

[1] C. Cary, ук. соч., стр. 596, а также: Railroad gazette, 14 V 1897. Возможно, что со стороны Денби отношения с компанией не лишены были и материальной заинтересованности. Из донесения Покотилова известно, например, что сын посланника Денби-младший, служивший секретарем миссии США, а в отсутствие посланника исполнявший обязанности поверенного в делах, осенью 1895 г. участвовал в некой американской компании, пытавшейся получить концессию на сооружение проектировавшихся к постройке железных дорог Тяньцзин—Пекин и Пекин—Ханьчжоу (Покотилов — Витте 20 XI 1895: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 9, л. 48). Происходило это еще до официального образования «Американ Чайна дивелопмент компани», но есть след тому, что концессию на первую из этих линий тогда же пытался получить Баш (см.: Railroad gazette, 13 XII 1895). Наконец, нельзя пройти мимо того факта, что после потери места на дипломатической службе (в 1897 г.) в результате перевыборов президента США и смены демократической администрации республиканской Денби-младший поступил на службу в «Американ Чайна дивелопмент компани» (P. H. Kent. Railway enterprise in China. London, 1907, стр. 111).

[2] Покотилов — Романову 21 VI 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 11, л.л. 23—24. Покотилов указывает, в частности, что это делалось в отношении «Американ трейдинг компани».

[3] Родолин — Гогенлоэ 19 XI 1896: GP, Bd. XIV, № 3666.

[4] Vagts, стр. 999.

ству Покотилова, действовала «с помощью английского капитала».[1]

В результате, когда для подписания окончательного соглашения в Китай прибыл Кэри, оказалось, что китайское правительство бьет отбой. И тут уже не помогли ни взятки, ни те связи, которыми располагал Уошберн. Обращались к Ли Хунчжану, но он заявил, что «ничего не может поделать».[2] Не помог и специальный визит Денби в Цзунли ямынь. Призывы американского посланника к «справедливости» и настояния на компенсации за посреднические услуги США во время японо-китайской войны не изменили положения.[3]

Тем не менее «Американ Чайна дивелопмент компани» настойчиво продолжала добиваться концессии на линию Пекин—Ханькоу и попыталась теперь решить этот вопрос явочным порядком, предприняв предварительные изыскания по трассе проектируемой железной дороги. С этой целью в феврале 1897 г. была организована специальная экспедиция во главе с Башем и инженерами синдиката Ричем и Бутчардом. «Они отправились, хорошо снаряженные, в сопровождении 75 кули,— доносил американский консул в Ханькоу Чайлд,— предполагают пробыть в дороге 70 дней». Консул считал, что если синдикат получит концессию на линию Пекин—Ханькоу, то ему будут гарантированы «щедрые дивиденды», и надеялся, что американцы смогут «прочно закрепиться» в Китае.[4] Одновременно с указанной экспедицией «Американ Чайна дивелопмент компани» попыталась захватить в свои руки крупнейший в Китае Ханьянский железоделательный завод, который, как было обусловлено китайской администрацией, должен был поставлять рельсы и прочее оборудование для строительства железной дороги Пекин—Ханькоу.[5] Тот, кто получал концессию на железную дорогу Пекин—Ханькоу, автоматически получал и контроль над Ханьянским заводом. Последнее было тем более важно, что продукция завода, впервые поступившая в 1896 г. на китайский рынок, составила серьезную конкуренцию ино-

---

[1] Покотилов — Романову 21 VI 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 11, л.л. 23—24. Влияние английского капитала в «Американ трейдинг компани» было настолько велико, что бельгийский консул в Тяньцзине Бюр считал ее английской фирмой (донесение Бюра 1 VIII 1896; Recueil consulair, 1896, t. 93, стр. 445).

[2] Денби — Олни 10 I 1897: USFR, 1897, стр. 58.

[3] Там же, стр. 57.

[4] Донесение консула в Кантоне Чайлда 1 III 1897: Consular reports, v. LIV, стр. 158—159.

[5] Жерар — Аното 20 VIII 1895: Documents diplomatiques français, I ser., t. XII, стр. 177.

странной торговле и приостановила ввоз иностранных изделий.[1] Чтобы получить контроль над Ханьянским заводом, синдикат провел своего служащего американского инженера Кеннеди на пост управляющего.[2] В этом можно видеть попытку приблизить получение концессии на линию Пекин—Ханькоу, изменив только порядок: сначала утвердиться на Ханьянском заводе, а потом получить железную дорогу, оборудование которой было поставлено в зависимость от этого завода. Но и этот прием не оправдал себя.

Весной 1897 г. американцы столкнулись с новым претендентом на сооружение линии Пекин—Ханькоу. Это был бельгийский синдикат, на $^3/_4$ составленный из французских капиталов, располагавший поддержкой Франции и России. Бельгийцы начали действовать через провинциальную администрацию. Они обратились к вице-королю Хугуана[3] Чжан Чжидуну, воспользовавшись тем, что ему было предоставлено право контролировать Шена, так как железная дорога должна была проходить через территорию его вице-королевства. Бельгийский консул в Ханькоу Франки пожаловался Чжан Чжидуну на то, что Шен отдает «видимое предпочтение» американцам, и просил его оказать содействие бельгийским капиталистам. Вице-король успокоил Франки, заверив его в том, что Шен ничего не может сделать без его (Чжан Чжи-дуна) согласия, а что он лично готов отдать все дело бельгийцам, если они предложат «хотя бы немного лучшие условия».[4] И стоило бельгийскому синдикату снизить процент по займу на строительство дороги, а главное — пообещать китайской администрации взятку, как участь концессии была решена. Не осталось и следа от прежнего предпочтения американцам со стороны Шена, после того как ему обещали 1 млн таэлей.[5] Кроме того, бельгийцев (а не американцев) поддержал Ли Хун-чжан, «равным образом — как то стало „положительно" известно — заинтересованный в настоящем деле».[6] Сославшись на то, что американские условия «слишком тяжелы»,[7] Шен

---

[1] Донесение русского консула в Шанхае Дмитревского Ковалевскому 28 III 1898 (примечания консула к отчету управляющего Статистическим отделом Главного управления таможен в Китае за 1897 г.): ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 5, д. 45, л. 85.

[2] Покотилов — Романову 8 IV 1897: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 11, л.л. 93—94.

[3] Вице-королевство Хугуан состояло из провинций Хубэй и Хунань.

[4] См.: Покотилов — Романову 8 IV 1897: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 11, л. 93.

[5] Покотилов — Витте 24 VII 1897: ЦГИАЛ, ф. 632, оп. 1, д. 9, л. 14.

[6] Павлов — Муравьеву 30 VII 1897: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 592, л. 32.

[7] Blue book, 1898, China № 1, стр. 89.

подписал 10 мая 1897 г. предварительное соглашение с бельгийским синдикатом.

Надо сказать, что кроме американцев концессии на железную дорогу Пекин—Ханькоу упорно добивались также англичане и немцы. Поэтому заключение сделки с бельгийским синдикатом, за спиной которого, как это было уже тогда очевидно, стояли Россия и Франция, вызвало одновременно протест Америки, Англии и Германии.

Германия, которая в 1895 г. действовала заодно с Россией и Францией, теперь оказалась в противоположном лагере. Летом 1895 г. парижские банки буквально под носом у берлинских банкиров заключили с Китаем соглашение о займе (под гарантию России) на покрытие военной контрибуции Японии, лишив таким образом немецкую биржу выгодной финансовой операции. Еще с тех пор германский капитал чувствовал себя ущемленным и теперь стремился наверстать упущенное. Впрочем в Берлине, повидимому, довольно скоро поняли, что если и удастся расстроить заключенное бельгийцами соглашение, то не так-то легко будет потом получить эту концессию германскому капиталу ввиду английской конкуренции. Итти же на обострение отношений с Россией и Францией, для того чтобы потом эту концессию получила Англия,— в этом для Германии не было никакого расчета. Поэтому, отказавшись от своих первоначальных намерений, Германия решила создать вокруг этого случая «инцидент», чтобы воспользоваться им как предлогом для захвата военно-морской базы на территории Китая. С этой целью германский посланник в Китае Гейкинг во время «путешествия» вдоль китайского побережья, совершенного им осенью 1897 г. на военном корабле, посетил Учан и нанес визит Чжан Чжи-дуну, во время которого он вдруг в самой резкой и грубой форме потребовал объяснений, почему китайские власти предоставили бельгийскому синдикату концессию на железную дорогу Пекин—Ханькоу. В то же время матросы и офицеры с находившегося в Учанском порту германского крейсера начали провоцировать беспорядки на улицах. Возможно, что этот инцидент и был бы использован Германией для планировавшегося ею захвата Цзяочжоу, если бы вскоре не представился другой, более удобный предлог, которого немцы преднамеренно искали и, наконец, нашли «в условиях деятельности миссионеров».[1]

Отказавшись сами от мысли получить концессию на железную дорогу Пекин—Ханькоу, немцы вместе с тем не упустили случая позлорадствовать над Англией,[2] которую данная кон-

[1] Ерусалимский, стр. 460—461.
[2] Там же, стр. 538.

цессия задевала более всего: бельгийский синдикат, а практически Россия и Франция получали контроль над важнейшей железной дорогой, соединявшей столицу Китайской империи Пекин с центром английской «сферы влияния» на Янцзы— Ханькоу. Разногласия между державами были только наруку бельгийскому синдикату, и в результате через два с половиной месяца после подписания предварительного соглашения оно при энергичной поддержке России и Франции вступило в силу (27 июля 1897 г.). Помешать этому не смогли ни Англия, ни тем более Соединенные Штаты.[1]

После передачи бельгийскому синдикату концессии на линию Пекин—Ханькоу и состоявшегося еще раньше, в сентябре 1896 г., русско-китайского соглашения о КВЖД два важнейшие участка транскитайской магистрали выпали из американской схемы.

Но и теперь американский синдикат не сложил оружия, а продолжал добиваться осуществления своего проекта, несколько изменив его первоначальный вид. Прежде всего пришлось отказаться вовсе от мысли о непосредственном присоединении проектируемой американской линии к Сибирскому пути на участке, уже отведенном под КВЖД. Понимая бессмысленность всякой попытки противодействовать России в этом деле, Денби-младший еще в сентябре 1896 г., в связи с предоставлением Русско-Китайскому банку концессии на КВЖД, писал государственному секретарю, что он не намерен «никаким образом вмешиваться» и пытаться «расстроить» эту концессию, а что американцам следует добиваться «присоединения к русским линиям».[2] Этот путь и избрала «Американ Чайна дивелопмент компани».

В конце 1897 — начале 1898 г. борьба за раздел Китая приобрела особенно острые формы, и «Американ Чайна дивелопмент компани» активизировала поиски концессий. К этому времени предназначенный на подготовительные мероприятия фонд в 1 млн долларов был израсходован (в основном на взятки) и были выделены новые ассигнования. А подготовительный комитет был реорганизован и к руководству поставлен приглашенный Брайсом Т. У. Бэрнс, имевший репутацию «знатока Востока» и человека с большими связями среди высокопоставленных китайских чиновников. Существенным также

---

[1] После вступления в силу соглашения о строительстве железной дороги Пекин—Ханькоу Вильгельм II поздравил Николая II с «огромным успехом в Китае» (см.: Ph. Joseph. Foreign diplomacy in China. London, 1928, стр. 353—356).

[2] Денби — Олни 2 IX 1896 (цит. по: Vagts, стр. 994).

было то, что синдикат сумел провести своего человека в китайскую железнодорожную администрацию: известному уже нам американскому инженеру Ричу удалось получить важный пост инженера-консультанта администрации китайских железных дорог. Все это должно было содействовать «Американ Чайна дивелопмент компани» в ее новых усилиях получить железнодорожные концессии.

Из донесений генерального консула США в Тяньцзине Рида известно, что еще в августе 1897 г. представитель «Американ Чайна дивелопмент компани» вел переговоры с генерал-директором железной дороги Тяньцзин—Шаньхайгуань о продолжении ее в направлении на Мукден—Гирин до соединения с КВЖД.[1] А в январе 1898 г. Баш явился в русскую миссию в Вашингтоне и сообщил своему старому знакомому Кассини, теперь русскому посланнику в США, что синдикат подписал с китайским правительством контракт на постройку линии Шаньхайгуань—Мукден—Гирин с ответвлением на Порт-Артур и Дальний. «Мы не преследуем политических целей и желаем только хорошего помещения капитала. Мы искренне желаем совместно работать с русским правительством...»,— снова уверял Баш. Он заявил, что, идя навстречу интересам России, американцы готовы строить свои железные дороги в Маньчжурии с такой же колеей, что и русские железные дороги, вполне признавая «сферу влияния» России в этой части Китая.[2]

На деле новое американское предложение, как и все предыдущие, противоречило планам царизма. После того как 3 декабря 1897 г. русская эскадра бросила якоря на рейде Порт-Артура, всем стало ясно, что это и есть тот самый незамерзающий порт, который в Петербурге наметили в качестве конечного пункта для проектировавшейся южной ветки КВЖД. Американский контракт и на этот раз предупреждал русский железнодорожный проект (Южноманьчжурской железной дороги) и несомненно в случае его осуществления лишил бы царизм одного из важнейших результатов оккупации Порт-Артура. Вместе с тем нетрудно разгадать причину обращения «Американ Чайна дивелопмент компани» в русское посольство: в январе 1898 г. без согласия России ни о каких иностранных концессиях в Маньчжурии, практически уже ставшей монопольной «сферой влияния» России, и речи быть не могло. Как вскоре выяснилось, американский контракт был всего на-

---

[1] Донесение Рида 22 VIII 1897: Consular reports, v. LV, стр. 437.

[2] Баш — Кассини 19 I 1898, Баш — Де Воллану 21 I 1898: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 44, л.л. 119—120.— Россия в Маньчжурии, стр. 211.

всего проектом, парафированным в результате переговоров миссионера (!) Лоури с чиновником провинциальной администрации, бывшим секретарем китайской миссии в Вашингтоне, теперь занимавшим пост чжэцзянского даотая, У Инь-суном.[1] Но до утверждения центральным правительством этот проект никакого практического значения иметь не мог, и смысл обращения Баша к русской стороне состоял в том, чтобы подготовить продвижение контракта в этой решающей инстанции. Однако в России американское зондирование не увенчалось успехом, и новая концессия «Американ Чайна дивелопмент компани», как и прежние, не осуществилась.

Почти одновременно с этой очередной попыткой заключить контракт на строительство железной дороги в Маньчжурии американский синдикат возобновил свои действия на участке, через который проходила линия Пекин—Ханькоу. Вместо линии, полученной бельгийским синдикатом, решено было добиваться концессии на параллельную железную дорогу от Тяньцзина до Чжэцзяна. Не случайно и Русско-Китайский банк расценил новый американский проект как попытку «составить конкуренцию линии Пекин—Ханькоу».[2]

В переговорах о железной дороге Тяньцзин—Чжэцзян «Американ Чайна дивелопмент компани» прибегла к новой уловке. Она решила действовать через подставное лицо, избрав для этой цели китайца Юн Вина (Jung Wing), более 20 лет проведшего в Америке. За время пребывания в США Юн Вин получил ученое звание и «совершенно американизировался».[3] В Пекин этот, по терминологии Покотилова, «китайско-американский доктор» прибыл еще в начале 1896 г. Тогда же, сменив американский костюм на китайское платье, он, по словам посланника США, вошел в «интимные сношения» с министрами Цзунли ямыня и другими официальными лицами и предлагал полуфантастический проект реорганизации китайской банковской системы по образцу американской.[4] Но дело это заглохло, и вот в январе 1898 г. Юн Вин уже хлопочет о железнодорожной концессии Тяньцзин—Чжэцзян для синдиката американских миллиардеров. Он заявил китайским властям, что «облечен полным доверием американских капиталистов и что ему будет легко, в мгновение ока, реализовать капитал в несколько десятков и даже сотен миллионов долла-

---

[1] Телеграмма Павлова (русского поверенного в делах в Пекине) 26 II 1898: АВПР, Китайский стол, д. 1594, л. 115.

[2] См.: Покотилов — Нецлину 7 III 1898: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 592, л. 66.

[3] Там же.

[4] Донесение Денби 25 V 1896: Consular reports, v. LII, стр. 347—348.

ров».[1] Юн Вин предъявил выданные ему китайскими банкирами расписки в том, что он обладает вкладами в местных банках. Одновременно с этим он попытался заручиться поддержкой Русско-Китайского банка и обратился за аналогичной распиской на сумму в 10 млн таэлей к Покотилову, но встретил вежливый отказ.[2]

Как раз в тот момент, когда Юн Вин развернул свою деятельность, с Китаем вела переговоры Германия о предоставлении ей монопольного права на строительство железных дорог в провинции Шаньдун, которую проектируемая американцами линия Тяньцзин—Чжэцзян должна была пересечь. Таким образом, новый проект «Американ Чайна дивелопмент компани» приходил в столкновение с планами Германии. Американцы рассчитывали, что у Юн Вина как концессионера китайской национальности будет преимущественное положение. И действительно сначала германскому посланнику было заявлено, что на постройку железной дороги в Шаньдуне уже просил разрешения китайский концессионер, и на том основании, что его просьба была предъявлена ранее германской, Китай попытался отклонить требование о монополии. Но, как известно, Германия добилась своего. Оккупировав в декабре 1897 г. Цзяочжоу, она могла диктовать Китаю свои условия и в конце концов получила монопольное право учреждать коммерческие предприятия на территории Шаньдуна. В связи с этим уже заключенное Юн Вином предварительное соглашение о концессии на железную дорогу Тяньцзин—Чжэцзян не было утверждено китайским императором.[3] Правда, вскоре (в том же 1898 г.) американский капитал получил возможность принять участие в строительстве дороги с немецкими и английскими капиталистами, но отказался от этого варианта, подчеркнув таким образом монопольный характер своих притязаний.[4]

После неудачи с концессией на железную дорогу Тяньцзин—Чжэцзян от проектировавшейся «Американ Чайна дивелопмент компани» транскитайской магистрали остался лишь кончик хвоста в виде участка Ханькоу—Кантон. Американский капитал был значительно меньше заинтересован в этой части Китая, но получение концессии на линию Ханькоу—Кантон стало для него вопросом престижа.

---

[1] Покотилов — Нецлину 7 III 1898: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 592, л. 66.

[2] Там же, л.л. 66—67.

[3] Blue book, 1899, China № 1, стр. 239—240. См. также донесение Фаулера 11 IV 1898: Consular reports, v. LVII, стр. 584.

[4] Концессию на строительство железной дороги Тяньцзин—Чжэцзян получили немецкие (северный участок) и английские капиталисты (южный участок); см.: T. Dennett, ук. соч., стр. 602.

Для того чтобы гарантировать успех, новый руководитель подготовительного комитета синдиката Бэрнс при помощи своих связей в правительственных сферах Китая получил разрешение вести переговоры в Вашингтоне с китайским посланником У Тин-фаном. Относительно удобств места переговоров нет надобности говорить. Что же касается личности У Тин-фана, то он был как нельзя более подходящей фигурой. У Тин-фан был известен как сторонник сближения с Соединенными Штатами, в котором он, как и некоторые другие представители Цинского правительства, видел средство помешать притязаниям европейских держав в Китае. У Тин-фан находился под сильным американским влиянием, и английский журналист Стэд писал даже, что «во всей Америке никто не был более американизирован, чем У».[1] Лично Бэрнсу китайский посланник приходился «близким знакомым». К тому же известный нам по Симоносекским переговорам Фостер, которому У Тин-фан служил тогда переводчиком, снова выступил в роли «консультанта» китайской стороны, и при его содействии 14 апреля 1898 г. контракт был заключен, а затем утвержден императорским указом.[2] На этот раз Англия, «сферу влияния» которой затрагивала американская концессия, не стала препятствовать заключению контракта. Именно в это время, весной 1898 г., английская дипломатия пыталась добиться союза с Соединенными Штатами на Дальнем Востоке. При этом условии прямое выступление против «Американ Чайна дивелопмент компани» было бы по меньшей мере неуместно.

Но даже и этот небольшой сравнительно с первоначальным замыслом синдиката результат не был полноценным успехом. Английская сторона не стала противодействовать «Американ Чайна дивелопмент компани» в деле заключения контракта на строительство железной дороги Ханькоу—Кантон, но в значительной степени обесценила эту концессию, перехватив у американцев обещанную им китайским правительством концессию на железную дорогу Кантон—Коулун, и лишила таким образом американский синдикат железнодорожного подступа к Гонконгу. После этого руководители синдиката могли сколько угодно возмущаться английскими интригами и выражать недовольство по поводу вероломства китайской админи-

---

[1] W. Stead. The Americanisation of the world. London, 1902, стр. 81; ср.: Г. В. Ефимов, ук. соч., стр. 7, 36.

[2] North China Herald, 30 I 1899. Текст контракта см.: Приложение, II, № 4. Впоследствии условия этого контракта были пересмотрены и было заключено новое соглашение, содержание которого излагается в приведенном ниже (Приложение, II, № 6) докладе вице-короля Хугуана Чжан Чжи-дуна.

страции, но изменить что-либо было невозможно. Раздосадованные неудачей представители «Американ Чайна дивелопмент компани» обратились к посланнику США в Пекине и просили его (в порядке компенсации) содействовать синдикату в получении железнодорожных концессий в долине Янцзы (!), либо потребовать от Китая военно-морскую базу на южном побережье.[1] Но это было и вовсе невероятно.

Вскоре, однако, англо-американские разногласия были присняты, причем инициатива в этом была проявлена Англией. Как бы идя навстречу американским интересам, британская железнодорожная фирма в Китае «Бритиш энд Чайниз корпорейшн» еще в августе 1898 г. предложила «Американ Чайна дивелопмент компани» принять наравне с ней участие в строительстве линии Кантон—Коулун при условии, что английскому капиталу будет предоставлено аналогичное право в отношении железной дороги Ханькоу—Кантон. Кроме того, английская компания предложила американскому синдикату заключить принципиальное соглашение о сотрудничестве в строительстве железных дорог в Китае, указывая при этом, что каждая из сторон должна добиться от своего правительства поддержки совместным англо-американским предприятиям. Цель здесь была двоякая — с одной стороны, парализовать самостоятельную деятельность американского капитала в области железнодорожного строительства в Китае, с другой, проложить путь к англо-американскому союзу, которого Англия продолжала настойчиво добиваться.[2] Однако в Вашингтоне к английским предложениям отнеслись с большой осторожностью и, хотя соглашение между компаниями было заключено, никаких практических последствий оно не имело.[3]

Так, после многократных попыток получить концессию на важнейшие железные дороги американскому капиталу пришлось удовольствоваться контрактом на второстепенную для его интересов линию Ханькоу—Кантон. Показательно, что даже и теперь американцы не потеряли надежды завладеть концессией на линию Пекин—Ханькоу и одновременно с контрактом на железную дорогу Ханькоу—Кантон Бэрнс заклю-

---

[1] W. R. Braisted. The United States and American China Development C°. Far Eastern Quarterly, February, 1952, стр. 150 со ссылкой на архив миссии США в Пекине: Лиман — Конжеру 20 IX 1898, Денби-младший — Конжеру 24 XI 1898, Баш — Конжеру 1 XII 1898.

[2] Подробно о политике Англии в этом вопросе см. ниже, стр. 135—138.

[3] Первоначальный проект соглашения от 13 XII 1898 см.: Blue book, 1899, China № 1, стр. 325—326. Текст соглашения, подписанный 1 II 1899, приводится в русском переводе: Э. Д. Гримм. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927, стр. 135—137.

чил с китайским правительством секретное соглашение о том, что в случае, если бы у бельгийского синдиката расстроилось сооружение Пекин-Ханькоуской железной дороги, постройка этой линии будет передана «Американ Чайна дивелопмент компани».[1] Тогда же Баш снова обратился в русскую миссию в Вашингтоне, сообщил Кассини о состоявшихся соглашениях и заявил, что синдикат согласен был бы вступить в компанию с русскими капиталистами для выпуска предусмотренного контрактом на линию Ханькоу—Кантон займа в 4 млн фунтов стерлингов, либо вовсе перепродать русскому правительству полученную концессию.[2] Этот очередной американский аванс, повидимому, был той платой, за которую синдикат хотел получить поддержку России в осуществлении его секретного соглашения о железной дороге Пекин—Ханькоу. В американских железнодорожных кругах полагали, что бельгийцам нелегко будет найти средства для сооружения дороги, и несомненно рассчитывали на то, что данное соглашение удастся реализовать. Однако никаких реальных последствий эта, оказавшаяся последней, попытка американского синдиката утвердиться в этой части Китая не имела.

Еще в то время, когда «Американ Чайна дивелопмент компани» делала свои первые шаги, посланник США Денби указывал на два возможных пути для американского синдиката. Один путь — извлекать прибыль из отдельных контрактов, другой — принять, как выражался Денби, «более широкий взгляд» и «добиваться контроля над промышленным развитием Китая». Либо,— писал он,— американский капиталист «ограничит свое поле зрения рамками непосредственной выгоды, извлекаемой из единичной сделки, либо он будет добиваться крупных результатов, где получение прибыли на капитал хотя и может быть отложено, но не подлежит сомнению». Денби отмечал, что «если планы, ожидающие теперь решения американских предпринимателей, осуществятся, это почти безграничное поприще финансовой и промышленной эксплуатации (Китай,— *А. Ф.*) будет занято, подчинено господству и контролю американцев», и опасался, что в противном случае «дело может попасть в руки людей других национальностей».[3]

Мы видели, что «Американ Чайна дивелопмент компани» избрала второе из названных Денби направлений, а результат, которого она достигла, соответствовал лишь масштабам первого. Между тем с самого начала, добиваясь концессии на

---

[1] См. копию секретного соглашения от 14 IV 1898: Приложение, II, № 5.
[2] Депеша Кассини 18 VIII 1898: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 597, л. 14.
[3] Денби — Олни 5 XI 1896 (цит. по: V a g t s, стр. 998)

транскитайскую магистраль, синдикат преследовал монопольные цели, ибо никакая «единичная» сделка не могла обеспечить интересов американского капитала, тем более что в конце 1897—начале 1898 г. кризисные явления в Соединенных Штатах стали рассеиваться и конъюнктура улучшилась, котировка железнодорожных акций сильно повысилась, и дела железных дорог заметно поправились.[1] Естественно, что при таких условиях контракт на концессию Ханькоу—Кантон не мог удовлетворить «Американ Чайна дивелопмент компани», и действительно в ближайшие же годы дело распалось.[2] После многочисленных перипетий американцы продали построенный ими небольшой участок дороги с большой для себя выгодой китайскому правительству.

Не более благополучно, чем в области железнодорожных концессий, обстояли дела американского капитала и в сфере инвестиций в целом. Общая сумма капиталовложений Соединенных Штатов в Китае к 1900 г. равнялась всего лишь 24.7 млн долларов, что составляло 5% заграничных инвестиций США. Из них 17.5 млн долларов приходилось на промышленные инвестиции, 2.2 млн долларов — пакет китайских займов и 5 млн долларов — имущество христианских миссий.[3] Помимо капиталов, пошедших на строительство железной дороги Ханькоу—Кантон, промышленные инвестиции США состояли из вложений в построенные после японо-китайской войны две хлопчатобумажные и одну табачную фабрики в Шанхае, а также резервуары для хранения нефтепродуктов.

Таким образом, в «битве за концессии» Соединенным Штатам не удалось достигнуть сколько-нибудь значительных результатов. Попытка реализовать созданный американским капиталом проект транскитайской магистрали потерпела неудачу, встретив противодействие европейских держав — Англии, России, Франции и Германии, более сильных, чем США, в военно-политическом отношении. В этом коренилась основная причина

---

[1] По сравнению с 1897 г. в 1898 г. курс акций железных дорог поднялся: «Балтимор энд Огайо» — с 14¾ до 72½, «Норзерн Пэсифик» — с 21 до 47⅞, «Саузерн Пэсифик» — с 20½ до 34½, «Юнион Пэсифик» — с 25½ до 42⅞, «Миссури Пэсифик» — с 33½ до 43, «Нью-Йорк Сентрал» — с 106⅞ до 122⅜ и т. д. («Отчет о торговле Чикаго за 1898 г.»: АВПР, фонд посольства в Вашингтоне, д. 142, л.л. 450, 448). В среднем курс промышленных акций поднялся в 1898 г. на 7 пунктов по сравнению с 1897 г.: 1897 г. — 46, 1898 г. — 53. [Мировые экономические кризисы (1848—1935). Под ред. Е. Варга. М., 1937, стр. 252].

[2] По данным Л. Корея (Дом Морганов. М.—Л., 1933, стр. 239), значительная часть облигаций линии Ханькоу—Кантон уже в 1899 г. попала в руки бельгийцев.

[3] Ch. Remer. Foreign investments in China. N. Y., 1933, стр. 260.

неудач американского капитала. Не менее важное значение имело также то обстоятельство, что в рассматриваемые годы Соединенные Штаты сами еще продолжали оставаться страной-должником и наличие свободных капиталов в Америке было невелико. Условия финансовых операций, которые предлагал американский капитал китайскому правительству, сплошь и рядом были менее выгодны, чем предложения европейской биржи, а при отсутствии надлежащей военно-политической поддержки они обречены были на неизменный провал.

3. БОРЬБА ЗА ПРЕОБЛАДАНИЕ В ОБЛАСТИ ТОРГОВЛИ

Параллельно с попытками вывоза капитала в Китай Соединенные Штаты значительно увеличили экспорт своих товаров. Оба эти явления были тесно связаны между собой. «Вывоз капитала за границу,— отмечал В. И. Ленин — становится средством поощрять вывоз товаров за границу».[1] Не случайно самое крупное американское предприятие в области капиталовложений в Китае, каким являлась «Американ Чайна дивелопмент компани», создано было группировкой Рокфеллера, в равной мере заинтересованной и в экспорте товаров в Китай.

Так же как и американские капиталовложения в Китае, торговая политика Соединенных Штатов приходила в противоречие с интересами развития китайской национальной промышленности и носила колониальный характер. В феврале 1897 г., пересылая в Государственный департамент обращение группы текстильных фабрикантов Шанхая с просьбой содействовать китайской национальной промышленности, посланник США Денби писал: «Не вижу, каким образом развитие хлопчатобумажной промышленности в Китае может содействовать интересам моей страны». Эту установку поддержал государственный секретарь: «Наш интерес,— соглашался он с посланником,— заключается в том, чтобы держать открытыми внешние рынки для наших промышленных товаров».[2]

Если же проанализировать структуру экспорта США в Китай и их импорта оттуда, то легко убедиться в том, что установка эта опиралась на практику американской торговли. В то время как американский экспорт состоял в основном из промышленных изделий, главными статьями импорта из Китая было сырье. Так, например, в 1899 г. Соединенные Штаты ввезли в Китай: машин — около 10%, хлопчатобумажных тканей — более 50%, керосина — около 30%. В ассортимент аме-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 232.

[2] Денби — Олни 4 II 1897 и Олни — Денби 27 II 1897: USFR, 1897, стр. 88—92.

риканского экспорта входили и предметы старой колониальной торговли: безделушки, сундуки, чемоданы, стекло и пр. Из Китая Соединенные Штаты импортировали: шелк-сырец и чай, необработанную шерсть, невыделанные кожи, щетину, войлок, фарфоровые и деревянные изделия, сурьму, руды и т. д. Шелк-сырец и чай были главными статьями вывоза ($^2/_3$ всего импорта).[1]

Переходя к вопросу об объеме американской торговли с Китаем, необходимо отметить, что статистические материалы, которыми мы располагаем в этой области (отчеты китайских морских таможен и данные американского казначейства), разноречивы и не могут быть признаны исчерпывающими. В особенности это относится к отчетам Китайских морских таможен.

Из-за незначительности торгового флота США большинство американских товаров перевозилось на иностранных судах. Тоннаж американских судов, участвовавших в китайской торговле, составлял лишь около 1% общего тоннажа всех иностранных судов.[2] Значительная часть американских товаров перевозилась английским и частично японским торговым флотом. А таможни, как правило, регистрировали товар за той страной, из которой и в которую направлялось судно. Американский консул в Шанхае Гудноу отмечал, что благодаря такой системе «не принимается во внимание страна, откуда происходит товар или куда он предназначен». «Все товары, перевозимые судами Канадской Тихоокеанской линии,— писал он,— приписываются Британской Америке; товары, перевозимые через Гонконг,— Гонконгу; через Лондон,— Великобритании; перевозка большого количества товаров с тихоокеанского побережья японскими линиями приписывается Японии».[3] И в результате цифра объема американской торговли с Китаем оказывалась искаженной. Консулы США и коммерческие

[1] Донесение Фаулера 7 V 1900: Consular reports, v. LXIII, стр. 475—478.— Pan Shu-lun, ук. соч., стр. 63, 39.

[2] Chinese maritime customs. Decennial reports 1892—1901, v. II, Appendix V.— Ph. Joseph, ук. соч., стр. XVIII. Джозеф приводит данные о количестве американских судов, участвовавших в торговле с Китаем:

	1893 г.	1894 г.	1898 г.	1899 г.
Количество судов . .	63	107	743	716
Тоннаж	78 715	129 127	239 152	310 107

[3] Донесение Гудноу 3 V 1901: Consular reports, v. LXVI, стр. 462, а также донесение Фаулера 22 IV 1899: там же, v. LXI, стр. 78.

агенты иностранных государств в Китае постоянно указывали, что статистика Китайских морских таможен не отражает действительного положения американской торговли. Торговля США «исчисляется ниже действительного, по крайней мере, на одну треть»,— доносил в Вашингтон Фаулер. Таблицы Китайских морских таможен,— писал Гудноу,— «дают лишь около двух третей всей ввозной торговли Соединенных Штатов в Китай», а цифры американского вывоза из Китая «еще более далеки от действительности».[1]

Американская торговля с Китаем за 1895—1900 гг.

(по данным американского казначейства)[2]

Год	Импорт (в тыс. долларов)	Экспорт (в тыс. долларов)
1895	21 322	7 857
1896	23 442	11 613
1897	21 328	17 984
1898	21 073	16 258
1899	21 098	22 226
1900	28 158	24 112
Итого .	136 421	100 050

Этот разрыв между статистикой Китайских морских таможен и действительным объемом американской торговли, исчисляемый консулами более чем в одну треть, почти укладывается в разницу между данными таможен и американского казначейства. В связи с этим необходимо сказать, что при всех возможных отклонениях от действительности данные американской статистики дают более полную картину торговли Соединенных Штатов с Китаем, чем цифры отчетов Китайских морских таможен.

Но если можно удовлетвориться цифрами американской статистики в отношении объема торговли США с Китаем, то значительно сложнее обстоит дело с определением места Соединенных Штатов в китайской торговле по сравнению с другими державами, так как здесь неизбежно приходится иметь дело с крайне тенденциозными данными статистики Китайских морских таможен. Ведение статистических отчетов находилось в руках англичан, составлявших ядро служащих Китайских морских таможен, а Англия была заинтересована в преувеличенном толковании своей доли торговли с Китаем, так как до тех пор, пока за ней оставалось первое место, Китай обязался

[1] Донесение Фаулера 7 V 1900: Consular reports, v. LXIII, стр. 478; донесение Гудноу 3 V 1901: там же, v. LXVI, стр. 463. Согласно данным Китайских морских таможен, общая сумма торговли США с Китаем в 1900 г. была равна 23 607 093 долларам, а по далеко не полным подсчетам Гудноу, она составляла 38 130 664 доллара.

[2] Данные «Monthly Summary of Commerce and Finance» (September, 1904, стр. 1211); цит. по: T. Dennett, ук. соч., стр. 581.

по соглашению 1898 г. назначать англичанина генеральным инспектором морских таможен,[1] являвшихся важнейшим аппаратом политического влияния в Китае. Благодаря роли «морского извозчика», которую Англия играла в перевозке товаров в Китай, и указанной выше системе регистрации товаров, доля Англии в китайской торговле преувеличивалась. Британский коммерческий атташе в Китае Джемсон признавал, что перевозимые английским торговым флотом товары нередко записываются как поступающие из Англии, в то время как на самом деле они происходят из другой страны. С другой стороны, цифра действительного объема английской торговли искажалась и в результате того, что Англии приписывалась торговля ее колонии Гонконга, через который шло значительное количество небританских товаров. Тот же Джемсон отмечал «обманчивое свойство» отчетов о торговле Гонконга.[2] Транзитом через Гонконг шло около 40% всего ввоза в Китай, и из них около трети составляли американские, французские и германские товары.[3] Например, одна шестая часть товаров, ввозимых из Гонконга в Чифу, была из Америки.[4] По данным консулов США, ежегодно на долю Англии записывалось несколько миллионов долларов только американских товаров (в 1897 г.— более 6 млн долларов, в 1899 г.— около 3 млн долларов).[5]

В результате указанных причин статистика Китайских морских таможен давала искаженное представление о соотношении участия иностранных государств в торговле с Китаем. Несомненно, что и в рассматриваемые годы за Англией оставалось ведущее место в китайской торговле, однако она не обладала уже безраздельным господством, как это было раньше. Бельгийский консул в Шанхае Фрэр отмечал, что хотя Англия и сохраняет попрежнему в своих руках «самую большую торговлю», но «не в пропорции, указываемой статистическими данными китайских таможен».[6] Согласно этим данным, доля Англии в торговле с Китаем составляла в 1899 г. 61.1%

---

[1] См. заявление Цзунли ямыня Макдональду (посланнику Англии в Пекине) 13 II 1898: J. Mac Murray. Treaties and Agreements with and concerning China, v. I. N. Y., 1921, стр. 105—106.

[2] Отчет Джемсона «О торговле Китая за 1901 г.» основан на анализе данных за 1896—1901 гг. (см.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 29, д. 120, л.л. 74—75).

[3] P. Reinsh. World Politics at the end of the XIX century, as influenced by the Oriental situation. N. Y., 1901, стр. 151.

[4] Донесение Фаулера 26 X 1899: Commercial relations of the United States, 1899, v. I, стр. 815.

[5] Донесения Фаулера 20 IV 1898, 7 V 1900: Consular reports, v. LVII, стр. 578; v. LXIII, стр. 478.

[6] Recueil consulair, 1898, t. 99, стр. 211.

(11.7% — метрополия, 7.8% — Британская Индия, 41.6% — Гонконг), второе место занимала Япония — 11.5% и лишь третье — Соединенные Штаты — 9.5%.[1] Между тем американские консулы иначе оценивали положение. «Соединенные Штаты покупают у Китая товаров больше, чем любая другая страна,— писал Гудноу,— и объем их торговли с Китаем, импорт и экспорт, равны торговле Великобритании (без колоний,— *А. Ф.*) и сильно превышают торговлю любой другой страны». Гудноу определял долю торговли Соединенных Штатов с Китаем в 14%.[2] Даже при условии известного преувеличения цифра эта представляется более соответствующей действительности, чем данные таможен.

При всем этом, однако, совершенно бесспорно, что Соединенные Штаты как по объему торговли, так и по ее организации намного уступали Англии с колониями (даже при условии исключения из торговли Гонконга товаров других национальностей), но в отношении Японии такой уверенности быть не может и о превосходстве японской торговли над американской можно с уверенностью говорить только после 1905 г.[3]

Вместе с тем необходимо отметить, что по темпам роста торгового оборота США обогнали все страны, в том числе и Англию. Так, в 1898 г. иностранная торговля с Китаем возросла по сравнению с 1896 г. на 8 320 402 доллара, и 60% из них приходилось на долю США. Объем американского экспорта к 1899 г. увеличился более чем в три раза по сравнению с 1895 г., а английского — лишь на 18%, причем относительная

---

[1] См.: Pan Shu-lun, ук. соч., стр. 49.

[2] Донесение Гудноу 3 V 1901: Consular reports, v. LXVI, стр. 464.

[3] Статистика Китайских морских таможен дает следующее соотношение доли США и Японии в торговле с Китаем за 1896—1913 гг. (в процентах от общего объема внешней торговли Китая; по: Pan Shu-lun, ук. соч., стр. 49):

Год	США	Япония
1896	6.7	8.4
1899	9.5	11.5
1902	10.5	12.2
1905	15.0	14.0
1908	9.9	15.3
1911	8.7	17.1
1913	7.6	19.7

доля Англии уменьшилась.[1] Торговля Соединенных Штатов с Китаем неуклонно увеличивалась, представляя собой все более серьезную конкуренцию Англии, поэтому трудно согласиться с встречающимся в литературе утверждением, будто «американские торговые интересы в Китае в тот период были в противоположность английским более перспективными, чем актуальными».[2]

В области торговли Соединенным Штатам приходилось бороться с конкуренцией других империалистических держав, не желавших уступать своих позиций американскому капиталу. Наглядной иллюстрацией этого служит торговля нефтепродуктами, связанная с деятельностью крупнейшего американского экспортера в Китай, рокфеллеровского треста «Стандарт ойл».

В конце XIX в. «Стандарт ойл» вела борьбу за установление своей монополии на рынках сбыта нефтяных продуктов. «Метод Рокфеллера,— пишет в своей книге Гофман,— заключается в том, чтобы монополизировать не производство со стороны добычи нефти, а торговлю путем захвата рынков сбыта готовых продуктов. Можно сказать, что в осуществляемом им замысле монополизации доминировал момент торговли в ущерб производственному».[3]

Важнейшей статьей нефтяной торговли был керосин, являвшийся вплоть до начала XX в. основным продуктом нефтяной промышленности. В связи с относительно слабым развитием техники нефть еще не стала в то время тем универсальным видом топлива, каким ей предстояло сделаться в ближайшем будущем. Тогда она предназначалась главным образом для целей освещения, и керосин вывозился Соединенными Штатами на внешние рынки как осветительное средство.

Серьезным соперником США в этом отношении была нефтяная промышленность России. В 1893 г. в руках России и Америки было сосредоточено 97% мировой добычи нефти, из них 51% приходился на долю США и 46% — на долю России. В дальнейшем добыча нефти в России возросла и сравнялась с американской, а в период 1898—1901 гг. даже превысила ее.[4]

---

[1] Современная летопись Дальнего Востока. Владивосток, 1901, т. II, вып. 2, стр. 74. См. также: Commercial relations of the United States, 1900, v. I, стр. 42—43.

[2] См.: Канторович, стр. 98.

[3] К. Гофман. Нефтяная политика и англо-саксонский империализм Л., 1930, стр. 24.

[4] С. Гулишамбаров. Нефтяная промышленность США в связи с общим развитием страны. СПб., 1894, стр. 183—184.— М. П. Федоров. Соперничество торговых интересов на Востоке. СПб., 1903, стр. 202, 308.

Правда, указанные пропорции не распространялись на экспорт, и вывоз нефти из Америки намного превышал вывоз из России.[1]

В Соединенных Штатах были низкие цены на каменный уголь, что естественно затрудняло использование сырой нефти в качестве топлива, стимулировало ее переработку в керосин и вывоз на внешний рынок. В то же время русские нефтепромышленники, как раз наоборот, извлекали большие выгоды из операций по сбыту сырой нефти на внутреннем рынке, и еще вопрос, получили ли бы производство керосина и экспорт нефтяных изделий даже те размеры, какие они имели, если бы не поощрительные меры (субсидии и льготный железнодорожный тариф), предоставленные нефтепромышленникам русским правительством. При одинаковой (в целом за период) добыче нефти соотношение производства керосина в Америке и России приблизительно равнялось 2 : 1, а экспорта нефтепродуктов 3 : 1.[2]

Важнейшими рынками торговли нефтепродуктами были Европа и Дальний Восток. В Европе главным конкурентом «Стандарт ойл» было «Нефтепромышленное товарищество братьев Нобель» и «Каспийско-Черноморское общество» Ротшильда, а на Дальнем Востоке фирмы Ротшильда и Манташова. Вывоз русской нефти из года в год увеличивался, представляя собой все более серьезную конкуренцию американскому экспорту. С начала 90-х годов положение «Стандарт ойл» стало особенно сложным в связи с тем, что на рынках Дальнего Востока появился новый опасный конкурент в лице голландских фирм, начавших эксплуатацию нефти на островах Нидерландской Индии (Суматре, Яве и Борнео).

Рокфеллер, которому в Америке к середине 90-х годов по существу была подчинена вся нефтяная промышленность, сталкивался с растущим сопротивлением на внешнем рынке. Именно в указанные годы борьба за мировой рынок приобрела характер ожесточенной схватки за «дележ мира» между союзами капиталистов, знаменовавшей собой наступление эпохи империализма.[3]

С начала 90-х годов «Стандарт ойл» неоднократно предлагала русским нефтепромышленникам заключить соглашение о разделе мирового рынка. Американская «Стандарт ойл», –

---

[1] Из 3.3 млн т мирового экспорта керосина в 1897 г. доля США равнялась 2.5 млн т, доля России — около 800 тыс. т. Добыча нефти в 1897 г. составила в каждой из стран около 9 млн т (записка Гулишамбарова 28 XI 1898: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 195, л. 310).

[2] М. П. Федоров, ук. соч., стр. 308.— Записка Гулишамбарова 28 XI 1898: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 195, л. 310.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 236—237.

писал чиновник русского Министерства финансов Гулишамбаров,— «не раз обращалась к крупным русским экспортным фирмам с предложением сплотиться по американскому типу и затем полюбовно разделить мировой рынок, с тем чтобы каждая из договаривающихся сторон могла эксплуатировать свой район вне всякой конкуренции».[1] Следствием этих предложений было создание в 1893 г. «Союза бакинских керосинозаводчиков»,[2] руководящее положение в котором принадлежало Нобелю, и начатые последним переговоры с уполномоченным Рокфеллера Уильямом Либби. В результате этих переговоров весной 1894 г. в Париже было подписано соглашение о разделе мирового рынка на «сферы влияния». Американской сферой была признана Западная Европа, вся Америка и западная часть Африки, а «сферой влияния» России — Восточная Европа, вся Азия и восточная часть Африки, причем Рокфеллер взял на себя обязательство не претендовать на рынок самой России и охранять его от посягательств со стороны любой американской компании. Комментируя данное соглашение, «Нью-Йорк Геральд» писала, что «если Россия уйдет из Западной Европы, „Стандарт ойл" путем контроля над этим рынком сможет возместить свои потери на Востоке», где положение американского экспорта стало к этому времени крайне затруднительным.[3] Однако соглашение это встретило целый ряд возражений со стороны участников «Союза бакинских керосинозаводчиков», а также со стороны русского Министерства финансов и ратифицировано не было. В связи с этим через год, весной 1895 г., в Париже снова состоялась встреча представителей нефтяных компаний России и США, на этот раз по вопросу о количественном распределении вывоза русского и американского керосина на мировой рынок, в результате которой 14 марта 1895 г. Либби и Нобелем было парафировано предварительное соглашение о разделе нефтяных рынков. Согласно новому соглашению, Соединенные Штаты получали 75% мирового сбыта керосина, а Россия — 25%. В случае превышения указанных норм та сторона, ввоз которой оказался бы больше условленного, должна была пла-

---

[1] Записка Гулишамбарова 28 XI 1898: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 195, л. 311.

[2] В пункте 20 проекта договора «Союза бакинских керосинозаводчиков» говорится: «Торговым агентам предоставляется войти в переговоры с американским Стандарт ойл компани для выработки условий соглашения относительно распределения сбыта на всемирном рынке керосина, как русского, так и американского» (ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 66, д. 2207, л.л. 31—38).

[3] New York Herald, 7 V 1894.

тить штраф другой стороне за каждую излишне вывезенную тонну.[1]

Условия данного соглашения, повидимому, вполне устраивали Нобеля, доля которого в торговле керосином в Европе не превышала 5—10% против 90—95% американского ввоза,[2] но в отношении Ротшильда и Манташова это навряд ли было так. Дело в том, что вывоз русской нефти на Дальний Восток быстро прогрессировал и в 1895 г. даже превысил американский,[3] а указанное соглашение ставило границы его дальнейшему росту.

Являясь главной фигурой в «Союзе бакинских керосинозаводчиков», Нобель путем соглашения с Рокфеллером рассчитывал еще более укрепить свое положение в русской нефтяной промышленности и ради достижения этой цели не останавливался перед тем, чтобы пожертвовать интересами своих партнеров. «Мне неоднократно приходилось слышать,— писал агент Министерства финансов в Лондоне Каменский,— очень худые отзывы о неблаговидных действиях Нобеля и его стачке с американской „Стандарт ойл компани", которой он жертвовал

[1] По 10 шиллингов за тонну, если излишек не превышает 3% условленной квоты, а свыше этого дополнительно по 2 шиллинга за каждую тонну (т. е. по 12 шиллингов). Копия договора сохранилась в фонде «Нефтепромышленного товарищества братьев Нобель» (ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, д. 1248, л.л. 1—5).

[2] Это видно на примере торговли русским и американским керосином в Германии, рынок которой поглощал около половины всего ввоза в Европу (по записке статс-секретаря Имперского департамента казначейства Германии барона Тильмана «О мероприятиях к поощрению ввоза в Германию русских минеральных масел», которая приложена к донесению русского коммерческого агента в Берлине Тимирязева Витте 17 XI 1897: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 195, л. 65). Ввоз русского керосина в Германию целиком находился в руках Нобеля.

	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.
Доля США (в %) .	94	96	97	93
Доля России (в %) .	6	4	3	7

[3] Примером может служить торговля керосином в Китае (по: Mineral Resources of the United States, 1899, Washington, стр. 281).

	1889 г.	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.
Доля США (в %)	73	77	80	79	74	75	46
Доля России (в %) .	27	23	20	21	26	25	54

интересами отечественной нефтепромышленности».[1] Соглашение Нобель—Либби было неблагоприятно в целом для русской нефтепромышленности. Предусмотренное в нем процентное распределение вывоза русского и американского керосина на мировой рынок приблизительно отражало действительное соотношение тогдашнего нефтяного экспорта США и России, но лишало русскую торговлю перспектив расширения в будущем.

Однако, прежде чем вступить в силу, до заключения окончательного соглашения, договор между «Стандарт ойл» и Нобелем, подписавшим его от лица «Союза бакинских керосинозаводчиков», должен был естественно быть одобрен последним, а затем (согласно условию предварительного соглашения) и русским правительством. Но до правительственных инстанций, насколько нам известно, договор не доходил, очевидно встретив несогласие в среде нефтепромышленников. Таким образом, попытка «Стандарт ойл» закрепить за собой договорным путем три четверти мирового сбыта керосина не удалась.

После неудачи договориться через Нобеля с «Союзом бакинских керосинозаводчиков» Рокфеллер решил повести наступление на русскую нефтяную промышленность с тыла. В результате специального обсуждения, которому подвергался этот вопрос осенью 1897 г., было принято решение попытаться «взять в свои руки нефтяное дело в России», и в скором времени для этой цели было ассигновано 10 млн долларов. Сведения об этом, дошедшие до нас в донесении управляющего русским генеральным консульством в Нью-Йорке Вейнера, который в течение длительного времени внимательно следил за деятельностью «Стандарт ойл»,[2] находят косвенное подтверждение и в ряде других фактов. В конце 1897 г., например, была образована «Рашен петролеум энд ликвид фюел компани лимитед», которая приобрела один из крупнейших бакинских промыслов Тагиева. Хотя официально эта компания была английской, в петербургских правительственных сферах были серьезные основания подозревать ее в связях с Рокфеллером. Один из руководителей конкурирующей со «Стандарт ойл» американской фирмы «Дом Астора» писал тогда товарищу русского Министра финансов Ковалевскому, что «Стандарт имеет прямые и косвенные интересы в русском керосиновом деле и притом интересы, быстро возрастающие».[3] Кроме того, русскому правительству было известно, что в перевозке нефтепродуктов «Рашен петролеум энд ликвид фюел компани лимитед»

---

[1] Каменский — Ковалевскому 9 II 1898: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 179, л. 9.
[2] Донесение Вейнера 13 V 1898: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 179.
[3] Мак Райс — Ковалевскому 8 II 1898: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 179. л. 5.

принимают участие транспорты «Стандарт ойл».[1] Наконец, необходимо сказать, что еще в начале 1897 г. некий американец Бари добивался у русского правительства права нефтедобычи на Кавказе.[2]

Однако попытка внедрения американского капитала в русскую нефтяную промышленность существенных последствий не имела. Центр тяжести борьбы между союзами нефтяных капиталистов продолжал оставаться в сфере торговли, в сфере борьбы за господство на мировом рынке, и одним из самых напряженных участков этой борьбы был Дальний Восток. Пожалуй, положение «Стандарт ойл» было здесь сложнее, чем в любой другой части земного шара, так как ей приходилось вести войну сразу на два фронта — против бакинских и голландских нефтепромышленников.[3] И в Китае основным соперником Рокфеллера была русская нефть, противодействовать ввозу которой он стремился всевозможными средствами. «Стандарт ойл» располагала здесь целой сетью агентств, имея во всех крупных портах либо своих собственных представителей, либо посредчиков, через которых она осуществляла свои операции.[4] Наиболее распространенным способом борьбы с русской конкуренцией была продажа американского керосина по демпинговым

---

[1] Депеша Вестмана (русского министра-резидента в Гамбурге) Муравьеву 29 XI 1898: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 195, л. 320.

[2] См. справку Горного департамента «О допущении иностранцев и иностранных обществ к занятию нефтяным промыслом в пределах Кавказского края» (апрель 1899 г.): ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 179, л. 214.

[3] **Торговля керосином в Китае** (в млн галлонов)
(по: Mineral Resources of the United States, 1899, Washington, стр. 281)

Год	Из Америки	Из России	Из Нидерландской Индии	Всего
1889	15.0	5.7	—	20.7
1890	23.6	7.2	—	30.8
1891	39.3	10.0	—	49.3
1892	31.9	8.6	—	40.5
1893	36.7	13.3	—	50.0
1894	51.7	17.5	0.5	69.7
1895	23.0	26.6	2.4	52.0
1896	33.5	28.3	5.2	67.0
1897	48.2	36.9	14.2	99.3
1898	50.1	19.9	26.9	96.9
1899	40.7	35.6	11.9	88.2

[4] См. карту, приложенную в конце настоящей книги.

ценам. Иногда применялось и такое средство, как покупка русского керосина и перепродажа его по значительно более низкой цене. Так, например, в январе 1899 г. «Стандарт ойл» закупила в Шанхае крупную партию русского керосина — 1 млн ящиков, а затем стала сбывать его по бросовым ценам, нанося тем самым большой ущерб торговле русским керосином.[1]

Большой остроты достигла в рассматриваемые годы и конкуренция между Рокфеллером и голландскими фирмами. Среди последних уже тогда стала выделяться своими успехами объединившая впоследствии все остальные компании и ставшая крупнейшей нефтяной монополией мира «Ройал Датч». Эта сравнительно молодая компания, владевшая промыслами на Суматре, добывала в 1893 г. всего 4 млн галлонов, а к 1897 г. увеличила нефтедобычу в десять раз.[2] В 1895 г. компания выплатила дивиденд в 8%, а в следующем, 1896 г. уже в 44%. Успехи «Ройал Датч» были буквально сказочными. Цена акций, составлявшая в 1894 г. около 200%, поднялась в 1895 г. до 500%, а в 1896 г. доходила до 820%, и дивиденд компании за этот год составил 52%.[3] Богатства нефтяных месторождений на Суматре и крайняя дешевизна рабочей силы даже при условии недостаточной технической оснащенности позволяли голландским предпринимателям выигрывать на каждом ящике керосина 20 центов. Кроме того, удобства транспортировки и незначительное расстояние между Нидерландской Индией и Китаем давали большой выигрыш во фрахте. Все это давало возможность голландским компаниям торговать керосином по цене ниже американской и значительно увеличить его сбыт в Китае.[4] В 1893 г. в Цюньчжоу (о. Хайнань) были ввезены первые ящики индонезийского керосина, а в 1896 г. он ввозился уже во все пункты Китая, открытые для иностранной торговли, и его ввоз достиг нескольких миллионов галлонов.[5]

---

[1] Извлечение из письма агента Русско-Китайского банка в Шанхае Верта Ротштейну 16 I 1899: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 539, л. 1.

[2] Верт — Правлению Русско-Китайского банка в Петербурге 27 II 1898: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 538, л. 110.

[3] Справка «Королевская Нидерландская компания по эксплоатации нефтяных источников в Нидерландской Индии», приложена к письму Верта Правлению Русско-Китайского банка в Петербурге 27 II 1898: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 538, л. 129.— L. Espagnol de la Tramerye. La lutte mondiale pour le petrole. Paris, 1923, стр. 58.

[4] Себестоимость ящика керосина на Суматре равнялась 1 доллару, а в Америке 1 доллару 20 центам (записка русского консула в Тяньцзине Шуйского о торговле керосином 17 IV 1898: АВПР, Китайский стол, д. 1219, л. 14; ср.: М. М. Бакунин. Тропическая Голландия. СПб., 1902, стр. 325).

[5] Записка Покотилова Правлению Русско-Китайского банка в Петербурге 2 IX 1897: ЦГИАЛ, ф. 632, оп. 1, д. 10, л. 11; см. также табл. на предыдущей стр.

Это был опасный конкурент, и Рокфеллер, воспользовавшись стесненным финансовым положением голландских предпринимателей, сделал попытку прибрать к своим рукам нефтяные богатства Нидерландской Индии. Для этой цели было ассигновано 2.5 млн долларов,[1] и в конце 1897 г. была сделана попытка овладеть богатейшим нефтяным месторождением около Палембанга (Суматра). Эксплуатация этого месторождения велась компанией «Моера Эним», испытывавшей острый недостаток в средствах и принявшей решение об увеличении капитала. Этим воспользовалась «Стандарт ойл» и предложила компании оказать финансовую поддержку. Тогда же было заключено соответствующее соглашение, по которому «Моера Эним» по существу переходила под американский контроль. Этому, однако, решительно воспротивилось голландское правительство, настояв на том, чтобы соглашение со «Стандарт ойл» было расторгнуто.[2]

Одновременно с этим Рокфеллер настойчиво пытался утвердиться на Яве. В 1898 г. там было открыто «Информационное бюро», ведавшее сбытом американского керосина, которым стали торговать по цене ниже туземной в полтора раза. «„Стандарт ойл" начала продавать на Яве свой керосин по пониженной цене,— писал агент Русско-Китайского банка в Шанхае Верт,— с целью по возможности воспрепятствовать дальнейшему развитию местной промышленности».[3] Кроме того, чтобы затруднить деятельность своих конкурентов, американцы скупили все самые значительные нефтяные склады в приморских городах Явы, многие из которых они сами не использовали.[4]

В результате положение голландских предпринимателей стало весьма трудным, акции нефтяных компаний катастрофически упали, дивиденд снизился, и казалось недалек тот день, когда нефтяная промышленность Нидерландской Индии перейдет в руки «Стандарт ойл». «Американцы во всеуслышанье утверждают,— писал русский консул в Батавии Бакунин,— что будущее в их руках и что с теми капиталами, которыми они располагают, они во всякое время могут купить что и даже кого угодно».[5]

---

[1] См. корреспонденцию русского консула в Батавии Бакунина: Вестник финансов, промышленности и торговли, 27 II 1898.

[2] «Отчет о торговле в Тяньцзине за 1897 г.» консула в Тяньцзине Шуйского: АВПР, Китайский стол, д. 311, л. 138.— М. М. Бакунин, ук. соч., стр. 332.

[3] Верт — Правлению Русско-Китайского банка в Петербурге 27 II 1898 и Верт — Ротштейну 28 XI 1898: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 538, л.л. 112 и 170. См. также: Вестник финансов, промышленности и торговли, 27 II 1898.

[4] М. М. Бакунин, ук. соч., стр. 330.

[5] Там же, стр. 337. Характеризуя приемы «Стандарт ойл» в борьбе за

«Война цен» и всевозможные махинации, путем которых американский капитал стремился задушить нефтяную промышленность в Нидерландской Индии, сильно поколебали положение «Ройал Датч». В 1898 г. дивиденд компании снизился до 6%, и банкротство казалось неотвратимым. Но на помощь пришел Ротшильд. Он предоставил компании заем. Кроме того, по решению голландского правительства к 1 января 1899 г. было выпущено полторы тысячи привилегированных акций, владельцами которых могли быть только лица голландского подданства.[1] Попытка Рокфеллера разорить «Ройал Датч» потерпела неудачу, и положение компании еще более укрепилось.

В рассматриваемые годы Соединенные Штаты продолжали занимать первое место в торговле нефтепродуктами на китайском рынке, но от безраздельного господства «Стандарт ойл» не осталось и следа. Ее положение стало теперь настолько сложным, что в 1897 г. была сделана попытка оградить американскую торговлю керосином от конкуренции бакинской и голландской нефти путем создания своеобразной «сферы влияния» в Китае, избрав для этой цели провинцию Гуаньси — один из самых густонаселенных районов Китая, представляв-

господство на мировом рынке, «Вестник финансов, промышленности и торговли» писал (13 XII 1896): «Все усилия, все средства, которыми располагает такой могущественный союз, как Стандарт ойл компани, направлены к окончательному захвату в свои руки торговли, причем не пренебрегалось никакими средствами, никакими результатами, ни крупными, ни малыми, в верном расчете, что конечный результат должен получиться грандиозный. Скупались полностью акции крупных местных европейских керосиноторговых предприятий; скупались чуть ли не на всем мировом рынке специально приспособленные для керосина бочки, заключались договоры, тайные и явные, с железнодорожными обществами, заводами — поставщиками необходимых для нефтяной торговли орудий, сооружался целый флот наливных судов и громадные парки вагонов-цистерн. И наряду с такими крупными мероприятиями практический американский ум снисходил до изучения и приспособления ко вкусам и привычкам мельчайшего потребителя; колоссальный союз не пренебрегал в случае надобности и мелочным, даже развозным и разносным торгом, мелочному торговцу ставили маленькую цистерну, потребителю и обывателю давали жестяный сосуд, которые в известные сроки наполнялись из маленьких повозок-цистерн Стандарта, развозивших в самые глухие местечки керосин Союза. Вместе с тем умелая расчетливая борьба этим страшным обоюдоострым оружием — ценами, управление которыми иногда как будто бы в ущерб себе, на самом же деле всегда с расчетом, чутко прислушиваясь к малейшим изменениям в условиях торговли и быстро и безжалостно пользуясь всякой ошибкой противника, составляет главный секрет умелой торговой конкуренции».

[1] М. Брукс. Нефть и внешняя политика. М., 1949, стр. 139.— М. М. Бакунин, ук. соч., стр. 339. Окончательно укрепила «Ройал Датч» свое положение в 1902 г., слившись с могущественной английской компанией «Шелл транспорт энд трейдинг компани». С этого времени она стала именоваться «Ройал Датч Шелл».

ший большие выгоды в торговом отношении. Летом 1897 г. при помощи подставного лица китайской национальности Лун Куан-ена Рокфеллер создал общество для торговли керосином и спичками в провинции Гуаньси с капиталом в 300 тыс. долларов. Общество это в результате переговоров с китайскими властями получило привилегию на ввоз керосина и спичек в указанную провинцию. За ежегодный взнос в 10 тыс. долларов американский керосин и спички в течение 10 лет освобождались от провинциального таможенного сбора — ликина, облагаясь лишь пятипроцентной ввозной пошлиной.[1] Кроме того, Лун Куан-ену было предоставлено право взыскивать в свою пользу с других торговцев по 30 центов с каждых двух ящиков керосина и по 2 доллара за каждый ящик спичек. В случае отказа уплатить эту пошлину Лун Куан-ен имел право конфисковать товар.[2] По подсчетам поверенного в делах России в Пекине Павлова, только на разнице в таможенном обложении Рокфеллер должен был ежегодно выигрывать 40 тыс. долларов. Полученная привилегия составляла для американцев «монополию в полном смысле слова», так как «Стандарт ойл» приходилось платить лишь 20% таможенного сбора, «делая тем самым всякую конкуренцию с ней невозможной».[3]

Но и конкуренты Рокфеллера не дремали. Узнав о том, что «Стандарт ойл» получила указанную привилегию, представитель английской фирмы «Лейн энд Мак Эндрю», занимавшейся перевозками нефти «Каспийско-Черноморского общества», довел об этом до сведения русского правительства.[4] В Петербурге забеспокоились, что подобного рода концессии могут распространиться и на другие районы Китая, «нарушив условия равенства [!] в торговле отдельных государств и уничтожив для нас, России, значение и права наиболее благоприятствуемой нации». Министерство финансов выражало опасение, что если «Стандарт ойл» будет действовать через «местных концессионеров», она «будет водворять свой товар на условиях, более выгодных сравнительно с теми, коими пользуется товар русского происхождения».[5] В результате переписки

[1] В этой связи интересно отметить, что «Стандарт ойл» придавала чрезвычайное значение упразднению ликина и в общекитайском масштабе. В случае отмены ликина американцы готовы были пойти даже на 100%-е увеличение ввозной пошлины на керосин, т. е. с 5% ad valorem до 10% (см.: Vagts, стр. 1005).

[2] Миллер (помощник редактора «Вестника финансов, промышленности и торговли») — Витте 19 VIII 1897: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 538, л. 71.

[3] Депеша Павлова 20 V 1898: АВПР, Китайский стол, д. 1219, л. 7.

[4] Миллер — Витте 19 VIII 1897: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 538, л. 71.

[5] Коковцов — Ламздорфу 29 IX 1897: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 29, д. 28, л. 51; АВПР, Китайский стол, д. 1219, л.л. 3—4.

с Министерством иностранных дел русскому посланнику в Пекине были даны инструкции заявить китайским властям протест по поводу заключенного с Лун Куан-еном соглашения. Однако дело распалось еще до того, как Россия успела что-либо предпринять, вследствие протеста Англии. По ходатайству Гонконгской торговой палаты, в составе которой находилась английская компания «Шелл транспорт энд трейдинг компани», объединявшая целый ряд фирм, заинтересованных в перевозке русской и голландской нефти, и, в частности, фирму «Лейн энд Мак Эндрю», английский консул в Гонконге заявил протест китайским властям, и 15 июля 1897 г. концессия была аннулирована.[1] Англия не могла допустить, чтобы на юге Китая, где господствовал английский капитал, создавалась какая-то исключительная американская «сфера влияния».

В заключение необходимо сказать, что в области торговли нефтепродуктами положение Соединенных Штатов в Китае к концу рассматриваемого периода было значительно сложнее, чем в его начале: несмотря на предпринятые усилия «Стандарт ойл» не удалось потеснить своих конкурентов, наоборот, ей самой пришлось потесниться.

Наряду с нефтепродуктами важнейшим предметом конкурентной борьбы Соединенных Штатов в Китае были хлопчатобумажные ткани, доля которых равна была половине американского ввоза в Китай и составляла значительную часть всего американского экспорта хлопчатобумажных товаров. Главным конкурентом США была Англия. Борьба шла с неуклонным успехом для Соединенных Штатов, в ущерб Англии, до того безраздельно господствовавшей в торговле Китая. Русский консул Шуйский констатировал, что «золотое время английского торгового владычества в Китае миновало, что теперь рядом с англичанами появились американцы и немцы, заставившие англичан, до того безраздельно владевших китайским рынком, потесниться», причем сильнейшим соперником Англии были Соединенные Штаты.[2] Статистика показывает, что за десятилетие, с 1887 по 1897 гг., американская торговля хлопчатобумажными тканями возросла более чем на 120%, в то время как английская уменьшилась на 14%.[3] «Манчестер не может более конкурировать с Соединенными Штатами во ввозе хлопчатки, тика и полотна»,— торжествовал американский консул Фаулер.[4] Конкурентоспособность американской

[1] Депеша Павлова 20 V 1898: АВПР, Китайский стол, д. 1219, л. 7.

[2] «Отчет о торговле в Тяньцзине за 1897 г.»: АВПР, Китайский стол, д. 311, л. 133.

[3] Far Eastern Quarterly, 1941, № 1, стр. 45—46.

[4] Донесение Фаулера 22 IV 1899: Consular reports, v. LXI, стр. 74.

продукции связана была с крайней дешевизной сырья, произведенного полурабским трудом негров, а также введением ряда усовершенствований на предприятиях хлопчатобумажной промышленности США.

Перед лицом американской конкуренции Англия вынуждена была отступить с рынков Северного Китая и Маньчжурии. «В Северном Китае,— писал Шуйский,— американцы стали брать решительный перевес над англичанами и по некоторым сортам тканей вытеснять английскую мануфактуру со здешнего рынка, по другим задерживать рост ее сбыта».[1]

Ввоз американских и английских тканей в Тяньцзин в 1896—1897 гг. (в тыс. лан) [2]

Наименование ткани	Год	Англия	США
Тик.	1896	405	3400
	1897	248	4300
Холст.	1896	55	1500
	1897	65	2000

Аналогичная, если не более жестокая, конкуренция между США и Англией царила в торговле стальными изделиями и железнодорожным оборудованием. Англо-американское соперничество приобрело здесь настолько острые формы, что современники называли его «Ватерлоо торговли».[3] И в этой области американцам удалось значительно потеснить своих английских соперников. В характерно озаглавленной статье «Почему нас бьют?» английский журнал «Ревью оф ревьюз» признавал тогда, что «превосходство в железе и стали перешло к США».[4] Тот же журнал отмечал, что с 1897 г. Америка одержала верх над Англией в производстве изделий стальных рельсов во всех частях света.[5] В 1897 г. экспорт американских рельсов увеличился почти в пять раз по сравнению с предыдущим, 1896 г.,

---

[1] «Отчет о торговле в Тяньцзине за 1897 г.»: АВПР, Китайский стол, д. 311, л. 136.

[2] Там же.

[3] И. Х. Озеров, ук. соч., стр. 27.

[4] Review of Reviews, April, 1898, стр. 358.

[5] Там же. January, 1898, стр. 32. См. также: Вестник финансов, промышленности и торговли, 17 XII 1899.

а к 1900 г. возрос еще в пять раз (по сравнению с 1897 г.).[1] «...Америка имеет возможность конкурировать с Англией не только на мировых рынках, но и в сердце самого Лондона»,— победоносно восклицал Беверидж.[2] Действительно, по свидетельству английского промышленника Б. Броуна, президента фирмы «Хауторн Лесли энд компани», Англия ввозила из США локомотивы, многие части и машины для кораблестроения, так как они обходились дешевле английских.[3]

Нечего и говорить, что в Китае положение англичан было еще более трудным. Американский паровоз стоил только 8 тыс. долларов и доставлялся в Китай через четыре с половиной месяца со времени заключения контракта, а английский хотя и несколько превосходил американский по качеству, но стоил около 12 тыс. долларов, при сроке доставки — 2 года.[4] При этом необходимо отметить, что цена на американские паровозы неуклонно снижалась. За период с 1895 по 1898 г. она снизилась более чем на 1 тыс. долларов.[5] Бельгийский консул в Филадельфии Хагеман отмечал, что американские паровозы представляют «страшную конкуренцию» паровозам европейского производства.[6]

1

Экспорт американских рельсов в 1896—1900 гг.

(по: Railroad Gazette, 28 XII 1900)

Год	Объем экспорта (в долларах)
1896	540 000
1897	2 500 000
1898	4 500 000
1899	5 250 000
1900	12 000 000

Из общей суммы экспорта 1900 г. в 12 млн долларов на долю Азии приходилось 2 млн долларов.

[2] A. J. Beveridge. The Russian advance. N. Y.— London, 1903, стр. 167.

[3] Review of Reviews, June, 1899, стр. 555.

[4] Ch. Beresford. The break-up of China. London—N. Y., 1899, стр. 36—37.

[5] Донесение генерального консула Бельгии в Филадельфии Хагемана 15 IX 1898: Recueil consulair, 1899, t. 102, стр. 18.

[6] Там же, стр. 17. За десятилетие, с 1888 по 1898 г., экспорт американских паровозов увеличился в 8 раз, с 500 тыс. до 4 млн долларов (см. отчет вице-консульства Бельгии в Питтсбурге «Торговля и промышленность Питтсбурга за 1897—1898 гг.»: Recueil consulair, 1899, t. 102, стр. 63).

Относительная дешевизна продукции стальной промышленности США определялась целым рядом технических нововведений на американских предприятиях. Например, в результате усовершенствований в доменном производстве на заводах Карнеги (главного поставщика стальных изделий в Китай) для выплавки тонны стали требовалось 1600 фунтов кокса, в то время как на английских предприятиях при выплавке того же количества стали уходило 2 тыс. фунтов кокса. К тому же сам кокс обходился в Англии 2 доллара за тонну, а в США 1.25—1.50 доллара за тонну. Важнейшее значение для укрепления позиций Карнеги имело также заключенное им в 1895 г. монополистическое соглашение с Рокфеллером (!), согласно которому Карнеги получал дешевое сырье с контролируемых Рокфеллером железных рудников в районе оз. Верхнего и льготные условия его доставки.[1] Наконец, немалую роль в удешевлении американской продукции играло усиление эксплуатации рабочих на заводах Карнеги, где после подавления Гомстэдской стачки 1892 г. был удлинен рабочий день, а зарплата рабочих сильно снижена.[2] Все это вместе взятое позволяло Карнеги успешно конкурировать на мировом рынке. Положение конкурентов США осложнялось еще и тем, что, не довольствуясь преимуществами, которыми американцы располагали в силу низкой себестоимости продукции, они выбрасывали на китайский рынок товары по демпинговым ценам. Карнеги, например, поставлял в Китай рельсы по цене 17 долларов за тонну, в то время как ее производство обходилось ему в 23 доллара.[3] И в области торговли стальными изделиями и железнодорожным оборудованием, так же как в торговле текстилем, Англия вынуждена была уступить американцам рынок Северного Китая: американские компании «Карнеги стил энд айрон компани», «Болдуин локомотив уоркс» и «Роджерс локомотив компани» захватили в свои руки основные поставки подвижного железнодорожного состава и рельсов на строившиеся Россией железные дороги в Маньчжурии.

Но, будучи вынуждена отступить с рынков Северного Китая и Маньчжурии, Англия приняла все необходимые меры, чтобы оградить себя от американской конкуренции в Центральном и Южном Китае и удержать руководящую роль в китайской торговле. Американскому экспорту англичане чинили всевозможные препятствия, печатная пропаганда Англии и ее много-

[1] Донесение Хагемана 9 IV 1897: Recueil consulair, 1898, t. 98, стр. 17—19.

[2] С. Иелн. Из истории забастовочного движения в США. М., 1950, стр. 100—101. Ср.: Г. Майерс. История американских миллиардеров, т. II. М.— Л., 1927, стр. 235.

[3] London and China Telegraph, 26 V 1897.

численные торговые агенты всячески дискредитировали промышленную продукцию США. «Все газеты Востока,— с возмущением писал Фаулер,— всецело находятся в руках англичан, и они никогда не упускают случая, когда это возможно, сделать пренебрежительное замечание об американских товарах», англичане всегда «поносят все американское».[1] «В Китае,— отмечал посланник Соединенных Штатов Денби,— нет ни одного представителя английских железнодорожных компаний, который бы не нападал, не поносил или не критиковал американские паровозы и американскую железнодорожную систему».[2] Трудность положения Соединенных Штатов заключалась еще и в том, что они не имели той широкой сети торговых представительств в Китае, как Англия, и, более того, сбыт их товаров во многом зависел от английских торговых фирм, которым американские предприниматели поручали ведение своих дел. Так, например, из 8 агентств «Стандарт ойл» в китайских портах только 2 (в Шанхае и Гонконге) были собственно американскими, а в остальных 6 портах «Стандарт ойл» действовала через английские фирмы. В Тяньцзине, Нючжуане и Ханькоу ее представляла «Баттерфилд энд Свайр», в Амое и Сватоу — «Джардин, Мэтисон энд компани», в Чифу — «Фергюсон энд компани». В еще большей зависимости от английских фирм находилась торговля американскими хлопчатобумажными товарами. В Китае было только две чисто американские фирмы, ведшие торговлю текстилем, и две смешанные англо-американские компании, на долю которых приходилось менее половины экспорта американских хлопчатобумажных товаров в Китай, остальное было в руках английских фирм.[3] Результаты такого положения не замедлили сказаться, и в 1898 г. американцам удалось реализовать в английской «сфере влияния» лишь 6.5% своего экспорта хлопчатобумажных товаров, тогда как на север Китая они ввезли около 90% текстиля.[4] Аналогичная картина была и в других областях торговли. К этому нужно добавить, что в феврале 1898 г. Англия добилась официального согласия Пекинского правительства не отчуждать никакой территории в долине Янцзы, что означало признание этой части Китая английской «сферой влияния». Таким образом, Англия еще более укрепила свое положение в Центральном Китае.

---

[1] Донесения Фаулера 17 V, 28 VI 1895: Consular reports, v. XLIX, стр. 41, 67, а также донесение Джернигана 10 IV 1895: там же, v. XLVIII, стр. 335.

[2] Денби — Шерману 2 IV 1897 (цит. по: V a g t s, стр. 996).

[3] Ch. B e r e s f o r d, ук. соч., стр. 103, 104.

[4] Донесение Гудноу 28 II 1899: Consular reports, v. LX, стр. 321.

Следует, однако, отметить, что и независимо от английской конкуренции преимущественный интерес США проявляли к Северному Китаю и Маньчжурии. Это уже отмечалось в отношении американских железнодорожных проектов, это характерно и для американской торговли. Север Китая был основным рынком сбыта американских товаров. На три северных порта Тяньцзин, Ючжуан и Чифу приходилось около двух третей всего американского экспорта в Китай,[1] причем ввоз американских товаров так быстро прогрессировал, что консул США в Чифу Фаулер находил в этом признак предстоящей американизации Северного Китая. «По мере возрастания ввоза (американских товаров,— *А. Ф.*),— отмечал Фаулер,— Северный Китай быстро американизируется».[2] После одного из очередных посещений Чифусского порта он писал: «...я насчитал 43 больших ящика фланели из Бостона. Там было много муки — 8 тысяч мешков было выгружено на берег, и гавань была полна контейнерами. Я видел велосипеды из Нью-Йорка, большие ящики с папиросами из Виргинии, содержащие 50 тысяч каждый, бочонки с пивом из Милуоки, Сент-Луиса, Такомы, Сан Хозе и других мест, сотни тюков американских изделий, швейные машины, консервированное молоко, консервы, оцинкованные вещи, часы и гвозди. На деле $^2/_3$ набережной были завалены товарами из Соединенных Штатов».[3] Это и открывало в глазах Фаулера перспективу американизации Северного Китая.

Но и здесь, на севере, США натолкнулись на противодействие. Северный Китай и Маньчжурия были русской «сферой влияния», и царизм решительно воспротивился попытке США монополизировать торговлю этих областей, тем более что американский экспорт наносил прямой ущерб русским купцам, так как совпадал в главных статьях с русской торговлей (керосин, ткани, мука).

Стремясь оградить себя от конкуренции других держав, Россия по заключенному ею в 1896 г. соглашению о КВЖД выговорила понижение таможенных пошлин с товаров, ввозимых или вывозимых ею по дороге, на $^1/_3$ против пошлин Китайских морских таможен. В дальнейшем, в результате «аренды» Порт-Артура в марте 1898 г., царизм еще более укрепил свое положение в Маньчжурии, а для американской торговли это

[1] Донесения Фаулера 22 IV 1899 и 15 XII 1898: Consular reports, v. LXI, стр. 81; v. LIX, стр. 550. «Американская экспансия в Маньчжурии была более интенсивна, чем в других частях Китая». (С. Б. Горелик, ук. соч., стр. 36).

[2] Донесение Фаулера 7 V 1900: Consular reports, v. LXIII, стр. 452.

[3] Донесение Фаулера 26 X 1899: Commercial relations of the United States, 1899, v. I, стр. 815.

создавало новые трудности. Консул США Бидло отмечал, что снижение пошлин на русские товары «наносит сильный ущерб американским промышленникам и купцам на дальневосточных рынках» и что если Россия «будет практиковать свою систему, то она без сомнения нанесет ущерб нашей торговле нефтью, мукой, мануфактурой и другими товарами, которые мы посылаем в Китай».[1]

Кроме России, серьезным конкурентом Соединенных Штатов на севере Китая была Германия. Опоздавшие к столу капиталистических яств американский и германский империализм были непримиримыми соперниками в борьбе за мировые рынки. В лице Германии Соединенные Штаты встретили опасного конкурента в торговле товарами тяжелой промышленности. В Китае между ними было немало столкновений, и их конкуренция носила острый характер. Американский капитал был заинтересован в проникновении в германскую «сферу влияния» — провинцию Шаньдун, а Германия решительно противодействовала каждой попытке Соединенных Штатов обосноваться в этом районе, пользуясь тем, что она получила от Китая преимущественное право на учреждение там коммерческих предприятий. «Последствия оккупаций Цзяочжоу и установление коммерческого контроля Германии над этим районом (Шаньдунем,— *А. Ф.*),— писал консул США Фаулер,— серьезно задевают наши интересы».[2]

Раздел Китая на «сферы влияния» ставил перед Соединенными Штатами препятствия, преодоление которых становилось с каждым днем все трудней. Экспансия американского капитала в Китае переживала своего рода кризис: с одной стороны, потерпели неудачу его собственные проекты в области железнодорожного строительства и торговли, с другой, раздел Китая на «сферы влияния» европейских держав лишал Америку и каких бы то ни было перспектив, ибо, как выразился американский банкир Ламонт, политика держав «содействовала экономическому разделу Китая на ряд почти герметически закупоренных областей».[3]

В связи с этим естественно возникал вопрос, как будет теперь развиваться экспансия американского капитала, какие пути и формы примет американская политика, что будет сделано для преодоления возникших препятствий. Но при решении этого вопроса Соединенным Штатам приходилось исходить не только из факта раздела Китая на «сферы влияния» между

[1] Донесение Бидло 15 VI 1898: Consular reports, v. LVIII, стр. 399.
[2] Донесение Фаулера 15 VII 1898: Consular reports, v. LIX, стр. 550.
[3] Цит. по: С. Нирринг, Д. Фримен. Дипломатия доллара. М., 1926, стр. 39—40.

европейскими державами, но также принимать во внимание и те изменения, которые происходили во внутреннем положении Китая после японо-китайской войны, в связи с углублением кризиса Китайской империи и ростом антиимпериалистического движения.

4. УГЛУБЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО КРИЗИСА КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Тревоги и опасения, которые внушал иностранным державам подъем национально-освободительного движения в Китае во время японо-китайской войны, теперь еще более усилились, так как окончание войны послужило толчком для роста антииностранных выступлений. Это была реакция на поражение в войне и сопротивление новому наступлению иностранного капитала на Китай. Наряду с этим основой роста национально-освободительного движения было дальнейшее обострение классовых противоречий и усиленное разложение феодального строя в результате проникновения в Китай капиталистических отношений. Маркс указывал, что со времени опиумных войн, когда был положен конец изоляции Китая, «разложение (феодального Китая,— *А. Ф.*) должно было наступить так же неизбежно, как разложение тщательно сохраненной в герметически закрытом гробу мумии, лишь только она приходит в соприкосновение со свежим воздухом».[1] Новый подъем национально-освободительного движения в Китае свидетельствовал о том, что процесс разложения феодальной Китайской империи, о котором писал Маркс, шел полным ходом.

В 1894 г. возникает первая в истории Китая революционно-демократическая организация «Общество возрождения Китая», созданная буревестником китайской революции Сунь Ят-сеном. Эта организация объединяла демократически настроенные мелкобуржуазные элементы Южного Китая, где капитализм получил наибольшее развитие, и ставила своей целью вооруженное свержение существующего строя.[2] Декларация «Общества» призывала свергнуть Маньчжурскую династию и выступить против иностранцев, которые смотрят на Китай «злобными глазами тигра и сокола», «давно пускают слюну, глядя на рудные богатства Китая, на обилие всяких продуктов» и стремятся «разделить Китай на куски, как тыкву, разделить его на части, как бобы». Однако роль «Общества возрождения Китая» в революционном массовом движении была ничтожной. Общество это было еще в значительной степени заговорщической

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 313.
[2] С. Л. Тихвинский, ук. соч., стр. 95.

организацией, к тому же вскоре после создания оно было раскрыто властями (сентябрь 1895 г.), ближайший соратник Сунь Ят-сена, Лу Хао-тун, был схвачен и казнен, а самому Сунь Ят-сену пришлось эмигрировать за границу.[1]

После японо-китайской войны заметно усилилась и либеральная помещичье-буржуазная оппозиция, носившая форму движения за реформы. Уже в упомянутом выше «Коллективном меморандуме», представленном трону в апреле 1895 г., говорилось о необходимости принять неотложные меры для того, чтобы предотвратить превращение Китая в колонию иностранных держав. Меморандум предлагал учредить государственный банк, строить железные дороги и пароходы, открывать шахты и рудники, поощрять национальную промышленность и торговлю Китая, оградив ее от иностранной конкуренции протекционистскими тарифами. Главным политическим требованием «Коллективного меморандума» было требование — ввести конституционную монархию и учредить парламент.[2] Сторонники реформ нередко довольно резко критиковали феодальную бюрократию и консервативные порядки в Китае, но в отличие от «Общества возрождения Китая» рассчитывали на реализацию своей программы законодательным путем, с санкции императора, сверху, не ставя перед собой задачи свержения существующего строя. Сами они были тесно связаны с феодально-помещичьим землевладением и были противниками революционных преобразований. Более того, важнейшим мотивом предлагаемых ими реформ выдвигалось предотвращение антифеодальных крестьянских восстаний. Реформаторы отрицательно относились к деятельности широко распространенных в то время тайных обществ, объединявших крестьян, ремесленников, а также мелкую буржуазию города и носивших революционный характер.

Деятельность тайных обществ была основной линией развития революционной борьбы в Китае на протяжении последней трети XIX в.[3] Общества эти существовали в течение нескольких веков и, как правило, носили антиманьчжурский и антифеодальный характер. После японо-китайской войны деятельность тайных обществ заметно активизировалась, и это было показателем роста революционного движения. «Вся империя полна тайными обществами,— говорилось в одной из тогдашних брошюр,— частью религиозными, частью революцион-

---

[1] Г. В. Ефимов. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951, стр. 116—117

[2] С. Л. Тихвинский, ук. соч., стр. 94.

[3] Там же, стр. 106. — Канторович, стр. 122.

ными».[1] Это была форма классовой борьбы против феодального гнета, которая теперь тесно переплелась с борьбой против иностранного капитала. «Долой династию Цин!» и «Китай для китайцев!» — таковы были лозунги народного движения. Что же касается его религиозной стороны, то она была связана с крестьянской природой движения. В. И. Ленин отмечал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития».[2] Религиозное чувство служит в крестьянстве, писали Маркс и Энгельс, «выражением общественных или политических интересов», религиозная окраска, свойственная «с самого начала» движению в Китае — «это черта, общая всем восточным движениям».[3]

Религиозная окраска национально-освободительного движения в Китае была также вызвана протестом против приемов, которыми иностранные миссионеры насаждали в Китае христианскую религию, будь то в форме протестантизма, католицизма или православия. Как справедливо отмечали противники насаждения христианства в Китае, миссионерство «не сделало Китай более нравственным, не просветило его светом истинной науки, а старалось только подорвать основы его исторической национальности, жизни и культуры, вызвав этим глубокую ненависть к себе...». «Дела его благотворительности обошлись китайскому народу гораздо дороже того, что стоили; на одни проценты с того, что было затрачено Китаем на защиту миссионеров и вознаграждение их, можно было бы создать целый штат образованных врачей и сестер милосердия...».[4] Деятельность миссионеров приобретала особо одиозный характер, так как сопровождалась экономическим угнетением местного населения.[5] В районе расположения своих «станций» миссионеры скупали землю, а затем сдавали ее окрестному крестьянству в аренду на кабальных условиях. В результате христианский

---

[1] G. Reid. The sources of anti-foreign disturbances in China. Shanghai, 1903, стр. 17.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 223.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 496; т. XII, ч. II, стр. 360.— В советской историографии вопрос о характере крестьянских движений на Востоке разработан Г. Д. Тягай, ук. соч.

[4] Цитируем анонимный памфлет «Defensio populi ad populos», перепечатанный «North China Daily News» 21 VII 1891 по вырезке, имеющейся в АВПР, Китайский стол, д. 180, л.л. 2—3. Памфлет имел широкое распространение в Китае и в последующие годы.

[5] В 1893 г. одно из самых распространенных миссионерских обществ США в Китае «Баптистский союз миссионеров» получил доход от заграничных миссий в сумме 485 тыс. долларов (см.: Т. Драйзер. Церковь и капитал в Соединенных Штатах. Соч., т. II, М., 1954, стр. 271).

миссионер в глазах китайского крестьянина очень скоро приобретал все черты, свойственные китайскому феодалу, с той только разницей, что эти новые «феодалы» открыто пренебрегали национальными верованиями и обычаями. И религиозный вопрос оказывался органически соединенным с вопросом национальным.

Ненависть к миссионерам подогревалась также тем, что вокруг миссий, как правило, группировались всякого рода уголовные элементы, причинявшие беспокойство, а нередко и прямой ущерб местному населению. Русский консул в Фучжоу Попов отмечал, что «очень много людей порочных» принимают христианство «только лишь для приобретения покровительства со стороны миссионеров для прикрытия своих беззаконных действий».[1] В Китае раздавались голоса протеста против того, что миссионеры «в сообществе с обращенными ими китайцами — подонками общества — причиняют немало обид и притеснений народу».[2] Это обстоятельство было причиной серьезного недовольства и со стороны китайской администрации, так как подрывало ее права и власть на местах.

Среди христианских миссионеров в Китае видная роль и место принадлежали американцам. В 1895 г. из 51 протестантского миссионерского общества 19 были американскими, а из 2427 миссионеров американцев было 936, в числе 463 миссий (stations) на долю американцев приходилось 149, а из 1965 миссионерских постов (out stations) американских было 845.[3] Первая миссия США в Китае была основана в 1830 г., а к концу века количество американских миссионерских постов дошло, таким образом, до тысячи и в их сети оказалась захваченной вся территория Китая, за исключением нескольких крайне западных провинций (см. карту в конце настоящей книги).

Миссионерские «станции» США расположились в 7321 пункте земного шара, на территории 53 государств.[4] Подготовку миссионеров осуществляли специальные колледжи и духовные семинарии, широко распространенные в Соединенных Штатах. Деятельность этих заведений, равно как и миссионерство в целом, широко финансировалась Уолл-стритом. В частности, американские миссионеры в Китае получали крупные

---

[1] Попов — Кассини 5 VIII 1895: АВПР, Китайский стол, д. 180, л. 38.

[2] Слова вышеупомянутого памфлета «Defensio populi ad populos».

[3] Chinese Recorder, March, 1899, стр. 144—145. Настоящие данные учитывают только протестантские миссии.

[4] Данные на 1900 г. (см.: W. Stead, ук. соч., стр. 78). По количеству миссионеров в масштабе земного шара США уступали только Англии (см. также: Chinese Recorder, September, 1898, стр. 448).

субсидии от заинтересованного в эксплуатации китайского рынка Рокфеллера.[1]

Проникая во внутренние районы страны, мало подвергнутые иностранной эксплуатации и потому представлявшие особые выгоды, миссионеры выполняли роль передового отряда колониальной экспансии капиталистических держав. «На сегодня,— признавал в напечатанной в июле 1895 г. статье американский миссионер Ашмор,— есть материал, которого не было четверть века назад, для правильной оценки миссионерства как фактора, подготавливающего дорогу торговле и коммерции, в интересах полного открытия Китая...».[2] Американский капитал широко пользовался услугами миссионеров в торговле и поступавшими от них данными при составлении железнодорожных проектов.[3] Консул США в Шанхае Джерниган характеризовал роль миссионеров как имеющую «огромную практическую ценность». «Если бы не было информации,— говорил он,— которой снабжал миссионер, многие торговые рынки Китая были бы до сих пор неизвестны купцу, и требование на его товар было бы гораздо меньшим. Нужно помнить, что торговый флаг (ensign of commerce) следует непосредственно за знаменем креста (banner of the cross)...».[4] А в народе, как вынужден был признать американский миссионер Лоури, знакомый нам по службе в рокфеллеровском синдикате «Американ Чайна дивелопмент компани», миссионеров рассматривали как «передовых агентов, подготавливающих почву для будущей иностранной оккупации».[5] Таким образом, деятельность миссионеров входила составной частью в план эксплуатации Китая и была одним из средств его колониального подчинения.

Поэтому с ростом национально-освободительного движения в Китае усилились и выступления против миссионеров, причем в первую очередь это коснулось миссионеров американской на-

---

[1] В 80-х годах Рокфеллер сделался вице-президентом Богословского общества баптистов в Чикаго и выделил 400 тыс. долларов Баптистскому союзу миссионеров, одному из самых многочисленных в Китае американских обществ. В 1899 г. Рокфеллер отпустил 600 тыс. долларов Баптистской богословской семинарии, готовившей кадры для миссионерской деятельности в Китае (см.: Т. Драйзер, ук. соч., стр. 271—272).

[2] Ashmore. The origin of the Missionary troubles. Chinese Recorder, July, 1896, стр. 323. (Разрядка моя,— *А. Ф.*). Ср.: P. S. Reinsh. World politics, стр. 33: «Мы должны считать влияние миссий на первом месте».

[3] T. R. Jernigan. Missionaries and missionary work. Chinese Recorder, March, 1897, стр. 102.

[4] Там же.

[5] H. H. Lowry. The Chinese resentment. Harpers magazin, October, 1900, стр. 743.

циональности. Еще в октябре 1894 г. русский посланник Кассини, говоря о «сильном возбуждении умов в Китае», отмечал, что более тысячи американских миссионеров, находящихся во внутренних областях, в случае волнений «первые окажутся в опасности».[1] Теперь это полностью подтверждалось.

В апреле—мае 1895 г. в знак протеста против унизительных условий Симоносекского договора в Китае поднялась волна недовольства, сопровождавшаяся антииностранными выступлениями. 28 мая на западе Китая, в г. Чэнду (провинция Сычуань), вспыхнуло восстание, в результате которого оказались разгромлены три иностранных миссии, в том числе одна американская. Это восстание говорило о серьезном кризисе иностранного господства в Китае, так как вспыхнуло в одном из внутренних районов, население которых было, по единодушному свидетельству современников, «значительно снисходительней и добродушней, чем в портах».[2] Восстание в Чэнду вызвало в Европе целую кампанию с требованием произвести расследование обстоятельств нападения на иностранцев и принять меры для предотвращения подобных выступлений в будущем. Аналогичной была реакция и в Соединенных Штатах.

В Вашингтоне вполне отдавали себе отчет в том, что восстания в Китае «направлены не против миссионеров как таковых, а являются частью широкораспространенного антииностранного движения»,[3] и были озабочены тем, чтобы предотвратить их дальнейшее развитие. Соединенные Штаты потребовали от Пекинского правительства издать специальный указ, подтверждающий право миссионеров селиться и приобретать в собственность землю во внутренних районах Китая. Одновременно правительство США отдало приказ своей Азиатской эскадре быть готовой к действиям в случае новых восстаний. По судоходной части Янцзы от Шанхая до Ханькоу стали курсировать американские канонерки «Петрел» и «Мачиас», а для усиления эскадры к берегам Китая был отправлен только что спущенный на воду крейсер «Олимпия». Кроме того, Государственный департамент, несмотря на упорное сопротивление китайского правительства, занялся расследованием обстоятельств восстания в Чэнду. Наряду с Англией и Францией Соединенные Штаты послали к месту восстания свою следственную комиссию в составе консула США в Тяньцзине Рида, морского

---

[1] Донесение Кассини 30 X 1894: АВПР, Японский стол, д. 178, л.л. 143, 145.

[2] Попов — Кассини 7 VIII 1895: АВПР, Китайский стол, д. 180, л. 3.

[3] Из резолюции, принятой по поводу восстания в Чэнду на собрании американских резидентов в Пекине 15 июля 1895 г. и официально одобренной правительством США (North China Herald, 19 VII 1895).

офицера Мерилла и одного миссионера. Факт посылки иностранных комиссий для расследования внутреннего дела Китая являлся нарушением китайского суверенитета. Мало того, что, согласно навязанным Китаю неравноправным договорам, функция китайского суда была ограничена изъятием из его юрисдикции иностранных подданных, находящихся на территории Китая, теперь посылкой комиссий для расследования по делу о восстании в Чэнду китайских подданных суверенитету Китая наносился новый удар. В результате расследования, произведенного американской комиссией совместно с представителями Франции и Англии, участники восстания в Чэнду были привлечены к суду и подвергнуты репрессиям.

Прошло всего два месяца и еще не успела улечься тревога по поводу событий в Чэнду, как в Китае вспыхнуло новое восстание, теперь на крайнем востоке, в местечке Гутян, расположенном в 50 милях от Фучжоу, главного города приморской провинции Фуцзянь. В результате этого нового восстания пострадали две религиозные миссии, английская и американская. Антииностранные настроения в провинции Фуцзянь приняли особенно широкие размеры, и китайская газета «Сунванбао» констатировала, что восстание в Гутяне «много серьезнее, чем любое предшествовавшее ему».[1] Наряду с общими предпосылками роста национально-освободительной борьбы важнейшим импульсом повстанческого движения в провинции Фуцзянь служили события на Тайване.

Передача Тайваня в руки Японии вызвала на острове всеобщий протест, и 23 мая 1895 г. здесь образовалась самостоятельная республика во главе с губернатором острова, заявившая о твердом намерении крепить связь с Китаем и сопротивляться Японии. В декларации Тайваньской республики говорилось, что, «так как японцы фактически не овладевали этим островом, который даже не был включен в сферу военных действий Китая и Японии,— китайское правительство не имеет никакого права уступать его против желания населения, твердо решившего силою сопротивляться всякой попытке японцев водвориться на Формозе».[2] Около 100 тыс. вооруженных до зубов солдат бросила Япония на усмирение Тайваня, полгода понадобилось ей, чтобы преодолеть сопротивление остававшихся там китайских войск и оккупировать остров, но только через 7 лет (к 1902 г.) японцам удалось подавить народное восстание.

В Китае с большим вниманием и сочувствием следили за героическим сопротивлением Тайваня. Американский журнал

[1] Цит. по: China Mail, 14 VIII 1895.
[2] Цит. по депеше Кассини 30 V 1895: АВПР, Японский стол, д. 181, л. 23.

«Чайниз рекордер» признавал, что «взоры континентального Китая прикованы к событиям на Формозе».[1] Эти события оказывали на Китай революционизирующее влияние. Широко распространен был призыв последовать примеру Тайваня и выступить в общенациональном масштабе против иностранного гнета. «Изгоняйте иностранцев! — говорилось в одной из тогдашних прокламаций,— Ли Юн-фу [2] делает это на Формозе, а мы можем сделать это здесь. Вон иностранцев!».[3] Американский журнал «Чайниз рекордер» констатировал, что «события на Формозе укрепляют дух восстания (на континенте,— *А. Ф.*)».[4] Особенно сильным влияние национально-освободительного движения на Тайване было на юго-восточные провинции Китая и, в частности, на провинцию Фуцзянь, на территории которой находился Гутян, ставший местом нового антииностранного выступления.

Восстание в Гутяне было типичным примером антииностранного восстания тех лет, как с точки зрения социального состава его участников и руководства, так и с точки зрения формы (стихийного бунта), в какой оно протекало. Как и повсюду, организатором восстания в Гутяне было тайное общество. Это было широко распространенное в Китае и в особенности в его южных областях тайное буддийское общество «Вегетарианцы», насчитывавшее на территории провинции Фуцзянь около 12 тыс. членов. Устав общества, запрещавший его участникам есть мясо, пить вино, курить табак и опиум, не только не был обременительным, а наоборот, привлекал многочисленных сторонников из бедноты. Русский консул в Фучжоу Попов отмечал, что «вегетарианцы» пользуются «общей любовью и уважением».[5] Основная масса «вегетарианцев» была из крестьян-бедняков, составивших и большинство участников восстания. Кроме того, в восстании участвовали ремесленники, угольщики, кули и лесорубы, фермеры, владельцы мелких лавок и предприятий, а также эвакуированные с Тайваня китайские солдаты, оставленные правительством без всяких средств к существованию. Крестьянство, ремесленники,

---

[1] Chinese Recorder, November, 1895, стр. 503. Ср.: North China Herald, 23 VIII 1895: «Едва ли необходимо говорить, что дело Формозы рассматривается как дело Китая».

[2] Ли Юн-фу — китайский генерал, организатор сил сопротивления на Тайване.

[3] Цит. по: North China Herald, 30 VIII 1895.

[4] Chinese Recorder, November, стр. 503.

[5] Попов — Кассини 22 VIII 1895: АВПР, Китайский стол, д. 180, л. 45. Тайное общество «Вегетарианцы» впоследствии участвовало в антиимпериалистическом восстании 1900 г. (см.: Известия Восточного института. Современная летопись Дальнего Востока, т. II, вып. II. Владивосток, 1900, стр. 46).

мелкая буржуазия города и отчасти солдаты — таковы были те социальные силы, которые составляли революционное течение национально-освободительного движения в Китае тех лет.

Главную роль в руководстве выступлением в Гутяне играл некий Тан Гуэ, известный под кличкой «Ногти длинных пальцев» и снискавший себе известность прорицателя. Выступая в этой роли, Тан Гуэ убеждал «вегетарианцев», что страдания народа не прекратятся до тех пор, пока не будут истреблены все иностранцы, и первый призвал: «Убивайте иностранных дьяволов!». Тан Гуэ принадлежал к ученому сословию. Он не был коренным жителем провинции Фуцзянь и, повидимому, был прислан сюда руководством тайного общества. Были среди руководителей восстания и представители народных низов, жители окрестных деревень, кули Чин Нен-тиа и батрак Тион Чиао.[1]

Как всякое движение преимущественно крестьянского характера, восстание в Гутяне было стихийным и не имело программы социальных преобразований. Наряду с широко распространенными антииностранными лозунгами, призывавшими народ убивать иностранцев и уничтожать их жилища, в план восстания в Гутяне входило нападение на дома богачей и расправа с ненавистными местными чиновниками, других целей повстанцы не ставили. Однако и это реализовано не было в результате маневров китайских властей, приложивших все силы к тому, чтобы свести на нет антифеодальные лозунги. Провинциальные власти стали заигрывать с народом, разжигая ненависть к иностранцам и рассчитывая тем самым отвести удар от себя.

Среди чиновников и ученого сословия было много недовольных засилием иностранного капитала, подрывавшего их собственные позиции и безраздельную власть на местах, многие из них были известны как непримиримые противники иностранцев, и их агитация возымела действие. В то же время в Фучжоу были вызваны войска (около 10 тыс.) и таким образом власти обеспечили себя на всякий случай охраной.[2]

Восстание в Гутяне носило характер одноактной вспышки, напоминая бунт средневекового типа. Вооруженные ружьями, копьями, мечами, трезубцами, ножами и просто остро отточенными бамбуковыми палками, с красным флагом[3] повстанцы

---

[1] Настоящие данные взяты из протоколов суда над участниками восстания, печатавшихся в приложении к газете «North China Herald» в сентябре—октябре 1895 г. См. также: USFR, 1895, стр. 175—189.

[2] North China Herald, 2 VII 1895.

[3] Красный цвет — национальный цвет Китая. Под красными флагами происходили выступления и в других местах.

двинулись к резиденции американских и английских миссионеров в Гутяне. Несколько миссионеров было убито, а их дома сожжены.[1] После этого повстанцы рассеялись по окрестным деревням.

В Соединенных Штатах известие о дальнейшем росте антииностранного движения в Китае вызвало приступ агрессивных выступлений. Империалистическая пресса требовала послать в Китай «немалое число военно-морских экспедиций» и действовать, «несмотря на возможный риск войны».[2] «Нью-Йорк трибюн» рекомендовала поставить Китай «под жерла пушек» и привлечь его «к самой суровой ответственности».[3] «Единственный способ иметь дело с Китаем,— заявляла «Сан-Франциско кроникл»,— заключается в том, чтобы действовать быстро и безапелляционно: предъявить ультимативное требование, не соглашаться ни на какую отсрочку и быть готовым применить силу. Японцы знают, как поступать с китайцами. В недавнем конфликте (войне с Китаем,— *А. Ф.*) они категорически отказались увеличивать время на переговоры или выслушивать какие бы то ни было извинения и предлоги к отсрочке. Они пришли в Китай во всеоружии (hammer and tongs) — вот путь, которого должна придерживаться всякая нация, которая хочет рассчитывать на успех».[4]

И это были не только слова. Получив сообщение о происшедшем в Гутяне, Государственный департамент телеграфировал своему посланнику «требовать защиты (для иностранцев,— *А. Ф.*) и репрессий (против повстанцев,— *А. Ф.*)».[5] Пекинское правительство, пытаясь уладить конфликт, назначило комиссию для расследования Гутянского дела. Но, как и в Чэнду, Соединенные Штаты отвергли китайскую комиссию и совместно с Англией отправили в Гутян своих представителей для ведения следствия и наблюдения за расправой с повстанцами. К берегам Фуцзяня был послан американский крейсер «Детройт» и было принято решение о дальнейшем усилении американского флота в дальневосточных водах путем откомандирования туда крейсера «Бостон». «Усиление Азиатской эскадры,— писала в связи с этим «Арми энд Нэви Джор-

[1] Русский консул Попов отмечал, что «нападение китайцев на миссионеров было сделано не с целью грабежа, а с целью убийства. Следовательно, это была месть, а не корысть» (Попов — Кассини 7 VIII 1895: АВПР, Китайский стол, д. 180, л. 37). Свидетельство консула опровергает распространенную в то время версию о том, что восставшие в Гутяне были грабителями и бандитами.

[2] American monthly Review of Reviews, November, 1895, стр. 516.

[3] Цит. по: Overland China Mail, 26 X 1895, стр. 516.

[4] Цит. по: China Mail, 4 IX 1895.

[5] Эди — Денби 7 VIII 1895: USFR, 1895, стр. 101.

нал»,— было предметом многочисленных толков в морских кругах и, как полагают, обусловлено опасением, что положение на Востоке станет еще более тревожным, чем теперь».[1] Одновременно послала к побережью Фуцзяня свой крейсер и Англия. На этот раз вмешательство в дела Китая приняло настолько бесцеремонный характер, что возникло подозрение, не является ли это прелюдией к захвату китайской территории. В Берлине, например, приготовились даже использовать это как повод для захвата опорного пункта в Китае и по приказанию кайзера германская эскадра уже взяла курс на Вейхайвей. В то же время начали усиленно поговаривать и о том, что Россия готовится захватить для себя порт на побережье Кореи. Однако Англия дала понять, что никаких территориальных компенсаций она не имеет в виду и, таким образом, прецедента создано не было.[2]

16 августа 1895 г. объединенная англо-американская комиссия, в состав которой с американской стороны вошли консул США в Фучжоу Хиксон, морской офицер Невелл и миссионер Грегори, прибыла в Гутян и приступила к работе.

Соединенные Штаты последовательно добивались от Пекинского правительства применения решительных мер для борьбы с любым проявлением национально-освободительного движения. «Как только до меня доходила информация о восстаниях или об опасности восстаний,— сообщал американский посланник в Вашингтон,— я обращался в Ямынь и требовал, чтобы были предприняты немедленные и энергичные меры, чтобы предотвратить или подавить волнения».[3] В Гутяне по настоянию англо-американской комиссии были произведены массовые аресты (арестовано было 207 человек),[4] причем привлекались к ответственности не только участники восстания, но и их родственники. Русский консул Попов отмечал, что «неосновательных арестов было довольно много» и что сплошь и рядом имели место случаи «несправедливого привлечения к ответственности лиц, не причастных к делу».[5] По признанию участника следствия американца Невелла, комиссия «не просила, не предлагала и не рекомендовала» снисхождения ни для кого.[6] За поимку участников восстания было обещано вознаграждение, а головы руководителей были оценены крупной суммой —

[1] Army and Navy Journal, 2 XI 1895.

[2] Ерусалимский, стр. 452.

[3] Денби — Олни 30 IX 1895: USFR, 1895, стр. 148, см. также стр. 149 и 171.

[2] См. доклад лейтенанта Невелла правительству США о деятельности комиссии: USFR, 1895, стр. 180.

[5] Попов — Кассини 15 X 1895: АВПР, Китайский стол, д. 180, л. 65.

[6] USFR, 1895, стр. 189.

от 900 до 1200 долларов.[1] В результате «расследования» в Гутяне 26 человек было казнено и 17 отправлено в ссылку, головы наиболее активных участников восстания были выставлены в месте нападения на миссионеров в Гутяне.[2]

Наряду с наказанием повстанцев англо-американская комиссия требовала привлечения к ответственности и тех представителей провинциальных властей, которые потворствовали антииностранным выступлениям или недостаточно активно боролись с ними. В китайской администрации иностранный капитал рассчитывал найти опору против народного движения, и Соединенные Штаты настаивали на строгом наказании всех, кто не хотел эффективно бороться с его развитием.

Однако мероприятия держав не принесли желаемого результата: национально-освободительное движение в Китае продолжало расти. Вызванные в Гутян во время работы англо-американской комиссии китайские войска и находившиеся у побережья Фуцзяня иностранные военные суда должны были по замыслу учредителей комиссии помешать дальнейшему развитию антииностранных настроений. На деле же за время пребывания комиссии в Гутяне (16 августа—26 октября 1895 г.) враждебные иностранцам выступления усилились. В конце 1895 г. произошел ряд восстаний как в самой провинции Фуцзянь, так и в соседней с нею провинции Гуандун. Особенно крупным из этих восстаний было восстание в Сватоу в сентябре 1895 г., закончившееся разгромом нескольких иностранных миссий (в том числе одной американской). Антииностранные настроения распространялись и на китайскую армию. «С каждым днем становится все более ясно,— писала «Чайна Мейл» в связи с расследованием в Гутяне,— что комиссия должна иметь иностранную охрану не столько для воздействия на народ, сколько ради личной безопасности (ее членов, — *А. Ф.*)».[3] Если учесть, что охрана комиссии состояла из отряда так называемых «хунаньских молодцов»,[4] известных еще со времен Тайпинского восстания расправами с народным движением и являвшихся наиболее реакционной частью китайской армии, то станет ясно, какие широкие масштабы приобретало в Китае недовольство иностранным засилием. Среди иностран-

[1] China Mail, 11 IX 1895. В ответ на это появились листовки с обещанием выплачивать за каждого убитого иностранца 100 долларов (см.: China Mail, 31 III 1896).

[2] Попов — Кассини 29 X 1895: АВПР, Китайский стол, д. 180, л. 76. В личном архиве консула Н. Попова сохранились фотографии, отражающие деятельность англо-американской комиссии. Фотографии эти были любезно мне предоставлены сыном консула Б. Н. Поповым.

[3] China Mail, 6 IX 1895.

[4] North China Herald, 20 IX 1895.

цев все чаще можно было услышать голоса о том, что на китайского солдата положиться нельзя и что в Китае необходимо держать иностранные войска.[1]

Активизация политики империалистических держав в Китае после японо-китайской войны, усиленное проникновение иностранного капитала, форсировавшее разложение феодальной системы, захваты китайской территории под военно-морские базы и раздел Китая на иностранные «сферы влияния» — все это способствовало дальнейшему росту национально-освободительного движения. Еще в октябре 1895 г. «Чайна Мейл» писала, что антииностранные настроения «существуют теперь в общенациональном масштабе» и возникновение новых восстаний «так же несомненно, как восход солнца назавтра».[2] По Китаю распространялась масса антииностранных листовок и брошюр. «Все проживающие здесь иностранные дьяволы,— говорилось в одной из тогдашних листовок,— жестоки. Их сердца наполнены злобой против нас. Поэтому мы должны собраться вместе 16 числа этого месяца. Каждый дом должен послать человека с оружием, готового снести иностранные жилища».[3] Подобные призывы распространялись по всему Китаю в тысячах экземпляров. Широкое хождение получила лубочная литература, направленная против иностранцев и в особенности миссионеров.

Национально-освободительное движение охватывало все новые и новые районы Китая. 1896 год отмечен выступлениями в провинциях Фуцзянь, Сычуань, Гуандун и Шаньдун. В 1897 г. движение распространилось на провинции Хубэй, Цзянсу и Аньхуэй. В 1898 г. оно захватило Хунань, Гуаньси, Чжили, о. Хайнань и приобрело чрезвычайно широкий размах в провинции Шаньдун. Постепенно центр движения переместился с юга страны, где оно имело преимущественное распространение в первые годы после японо-китайской войны, в северные районы Китая (Шаньдун, Чжили, Шаньси), наиболее пострадавшие в этот период от эксплуатации иностранного капитала и захватнических действий империалистических держав. Северный Китай был основным объектом «битвы за концессии», здесь шло интенсивное железнодорожное строительство и бурными темпами развивалась торговля.

---

[1] В марте 1896 г. на митинге иностранцев, проживающих в Кантоне, под председательством американского консула Сеймура была принята резолюция о необходимости создать добровольный военный корпус для борьбы с народным движением (China Mail, 2 IV 1896).

[2] China Mail, 24 и 7 X 1895.

[3] Там же, 1 IX 1896. Такие листовки были расклеены в местечке Цзянинфу близ Фучжоу в августе 1896 г.

Проникновение иностранного капитала в Китай делало положение народных масс все более трудным. При строительстве железных дорог китайские крестьяне, и так страдавшие от малоземелья, сгонялись со своих участков и вовсе лишались земли. Страдала от хозяйничанья иностранного капитала и городская беднота. Начатая иностранцами разработка недр подрывала основы кустарной горной промышленности, обрекая на голод кустарей, прежде промышлявших добычей угля и металлов. Иностранное торговое каботажное плаванье вытесняло китайскую джоночную торговлю. Проведение телеграфа сделало ненужным труд гонцов, лишив заработка тысячи людей. Иностранная конкуренция, особенно ввоз иностранного текстиля, разоряла китайского ремесленника. Маркс в свое время отмечал, что «в Китае прядильщики и ткачи сильно пострадали от этой конкуренции и это вызвало соответствующие потрясения во всей стране».[1] С того времени, как были написаны эти строки, прошло сорок с лишним лет. В 90-е годы процесс разорения китайских ткачей достиг крайних пределов, причем главным образом в результате массового ввоза американского текстиля, который, как уже указывалось, составлял более половины всего импорта хлопчатобумажных изделий в Китай. Но в отличие от середины XIX в., когда писал Маркс, теперь иностранная конкуренция задевала не только ремесленника, а стала помехой на пути развития механизированной текстильной промышленности Китая, начало которой было положено как раз в эти годы.[2] Таким образом, иностранный капитал приходил в столкновение с интересами национальной китайской буржуазии, увеличивая число недовольных империалистическим гнетом.

По мере того как усложнялась обстановка в Китае, увеличивались и трудности, с которыми приходилось сталкиваться Соединенным Штатам. Глава американского бюро внешней торговли Форд отмечал, что китайцы враждебно настроены по отношению к иностранной торговле, «ненавидят иностранцев и иностранное влияние».[3] С развитием антиимпериалистического движения деятельность американского капитала встречала все более решительное противодействие. Достаточно сказать, что, когда осенью 1898 г. «Американ Чайна дивелопмент компани» по получении концессии на железную дорогу Хань-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, стр. 312.

[2] К 1896 г. в Китае было 7 вполне современных машинных ткацких фабрик со 159 тыс. веретен, 1750 ткацкими станками (С. Л. Тихвинский, ук. соч., стр. 93).

[3] W. C. Ford. Our trade with China. North American Review, January, 1896, стр. 70.

коу—Кантон начала изыскательские работы, для сопровождения незначительной группы американцев в 9 человек потребовалось 300 человек вооруженной охраны. И даже несмотря на такую охрану, американская группа подвергалась неоднократным нападениям со стороны местного населения.[1]

Однако сложность внутреннего положения в Китае не исчерпывалась теми трудностями, с которыми американскому капиталу приходилось сталкиваться в своей повседневной деятельности. Дело было не только в национально-освободительном движении и революционных выступлениях низов, но также и в том глубоком кризисе, который переживала правящая Цинская династия. Показателем этого были так называемые «Сто дней реформ» (11 июня—21 сентября 1898 г.), на проведение которых Пекинский двор вынужден был пойти под давлением либеральной помещичье-буржуазной оппозиции. Но этими «ста днями» попытка реформ и ограничилась: феодальная реакция была недовольна влиянием партии реформ во главе с Кан Ю-веем и организовала дворцовый переворот, в результате которого поддерживавший реформаторов император Гуансюй был заключен в тюрьму и принужден отказаться от престола в пользу вдовствующей императрицы Цыси, представлявшей консервативный лагерь, а реформаторы подверглись репрессиям. Эксперимент с реформами был безуспешной попыткой найти выход из существующего тупика, в котором находилась Цинская династия, и свидетельствовал о дальнейшем углублении кризиса существовавшей формы правления в Китае.[2]

Ослабление власти Цинской династии, являвшейся гарантом системы неравноправных договоров, служивших основой деятельности иностранного капитала в Китае, вызывало тревогу в заинтересованных кругах. «В настоящий момент,— писала в январе 1899 г. американская железнодорожная газета,— есть большое сомнение в стабильности Пекинского правительства. Имеется серьезное опасение за судьбу концессий на железные дороги и другие важные предприятия, которые... были или могут быть получены...».[3] Обострение внутренней обстановки в Китае создавало для иностранного капитала крайне неблагоприятную перспективу и беспокоило Соединенные Штаты ничуть не менее, чем раздел Китая на «сферы влияния» между другими державами.

---

[1] См. изложение отчета о поездке возглавлявшего изыскательскую группу американского инженера Парсонса в «Railroad gazette» за 16 IV 1899.

[2] См: С. Л. Тихвинский, ук. соч., стр. 100—107

[3] Railroad gazette, 6 I 1899

ГЛАВА III

НАКАНУНЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ДОКТРИНЫ «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» (1898—1899 гг.)

1. КАМПАНИЯ «ЗА КИТАЙ» В ДЕЛОВЫХ КРУГАХ США

Трудности, с которыми американский капитал встретился в Китае, совпали с усилением противодействия Соединенным Штатам со стороны других держав на мировом рынке. Начиная с 1897 г., в Европе стали раздаваться настойчивые призывы организовать заслон для борьбы с «американской опасностью». Наибольшая активность в этом принадлежала Германии, сильно задетой принятым в 1897 г. Соединенными Штатами протекционистским «тарифом Дингли». Германский юнкер и капиталист и до того страдали от конкуренции американского импорта в Германию, но мирились с этим, так как сами были заинтересованы в экспорте на американский рынок. Теперь после введения протекционистского, практически запретительного «тарифа Дингли» в Германии началась настоящая антиамериканская кампания. Представители юнкерства и крупной буржуазии требовали от правительства обуздать, как они говорили, американских выскочек и принять ответные меры, не останавливаясь при этом на дипломатических средствах, а подкрепить дипломатию пушками. «С американцами,— заявил в рейхстаге помещик и фабрикант барон Гейль-цу-Геррнсгейм,— нужно разговаривать гораздо более крепким языком». А его заявление было встречено криками со скамей: «Совершенно правильно!».[1]

Спустя два месяца после обсуждения этого вопроса в рейхстаге, в начале июля 1897 г., в Россию с визитом прибыл германский император Вильгельм II. Здесь он впервые познакомился с Витте и при первом же свидании вручил ему выс-

[1] Ерусалимский, стр. 345—350 со ссылкой на стенографический отчет заседания рейхстага 3 V 1897.

ший германский орден Черного орла, заявив при этом, что орден этот дается только царским особам и министрам иностранных дел, а для него (Витте) Вильгельм делает «совершенное исключение». Награда эта должна была по замыслу кайзера обеспечить благоприятное отношение Витте к подготовлявшемуся тогда захвату китайской бухты Цзяочжоу под германскую военно-морскую базу, на что, как ему казалось, Вильгельм уже получил согласие Николая II. Кроме того, тогда же германский император попытался склонить русского министра финансов к задуманному им проекту союза против Америки. Но Витте ответил, что он считал бы такую коалицию целесообразной только в том случае, если бы она одновременно была направлена против Англии.[1] Повидимому, он сумел внушить это и Николаю, так как на аналогичное обращение Вильгельма царь ответил, что желательно было бы создать коалицию «без нее (Англии,—*А. Ф.*) и даже против нее».[2]

Однако кайзер своей идеи не оставил и тремя месяцами позже во время свидания с царем в Висбадене вручил ему памятную записку «О необходимости образовать против САСШ торгово-политическую коалицию европейских государств».[3] Царь передал эту записку Витте, а последний ответил обстоятельным докладом, в котором и на этот раз высказывался против коалиции, аргументируя теперь свою точку зрения тем, что предложенные Вильгельмом контрмеры касаются лишь американской промышленной продукции и не распространяются на сельскохозяйственное сырье, тогда как именно в торговле сельскохозяйственным сырьем США являются конкурентом России. Что же касается запретительных мер против американских промышленных изделий, то и это, по мнению Витте, не соответствовало экономическим интересам России, так как введение таких мер лишь позволило бы Германии создать для себя исключительное положение на европейском рынке. Наконец, Витте отмечал, что вступление России в проектируемую коалицию противоречило бы общему дружественному характеру политических отношений с Америкой, и Николай II вынес резолюцию: «Дело сие предать забвению».[4]

---

[1] См.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. Л., 1924, стр. 98—100.

[2] Телеграмма и. о. статс-секретаря Министерства иностранных дел Германии Бюлова в Берлин (из Петербурга) 10 VII 1897: GP, Bd. XIII, № 3438.

[3] Витте в своих «Воспоминаниях» ошибочно говорит о том, что эта записка была передана Вильгельмом царю перед отъездом из Петергофа (т. I, стр. 100—101).

[4] Текст записки Вильгельма II см.: Приложение, III, № 1. Возражения Витте излагаются по его письму министру иностранных дел Муравьеву 12 XI 1897 (Приложение, III, № 2). К точке зрения Витте присоединился

Все эти подробности стали известны лишь много спустя, а тогда в Вашингтоне знали только об антиамериканских выступлениях в германском рейхстаге и прессе и в самых неопределенных чертах о предполагаемой коалиции со слов французского журналиста Сегюра, которому словоохотливый Вильгельм рассказал о своем проекте.[1] Впрочем и это уже заставило Соединенные Штаты насторожиться, а когда вслед за слухами о проектируемой коалиции в ноябре 1897 г. выступил австрийский канцлер Голуховский и открыто присоединился к мысли о необходимости начать эффективную борьбу с американской экспансией, в Соединенных Штатах забили тревогу, усмотрев в этом «бесспорный» признак стремления изгнать американцев с мирового рынка, причем «Джорнал оф Коммерс» высказал подозрение, не делается ли это для того, чтобы обеспечить рынок для сбыта продукции областей, открываемых Транссибирской железной дорогой.[2]

Быстрый рост промышленного производства США и без того усложнял проблему сбыта, а теперь, когда возникало опасение, что Соединенным Штатам будут поставлены дополнительные препятствия, в Америке была поднята кампания за «свободу торговли» во всем мире. На протяжении 1897—1899 гг. этот вопрос занимал центральное место в деятельности Национальной ассоциации промышленников США, а в январе 1898 г. был созван даже специальный съезд ассоциации, посвященный проблеме увеличения американского экспорта. Нужны были новые рынки, и принцип «свободы торговли» как средство их завоевания был выдвинут американскими деловыми кругами, по словам президента торговой палаты Балтимора, в качестве «составной части их политической концепции».[3] В условиях домонополистического капитализма этот принцип служил в качестве средства «первозахватной» политики передовых капиталистических держав в отношении отсталых стран. Теперь, в условиях империализма, когда раздел мира уже завершился, принцип «свободы торговли» приобретал новый смысл, как средство передела однажды уже

и Муравьев. «Я совершенно разделяю мнение Ваше,— писал он,— что присоединение России к подобной коалиции не соответствовало бы ни нашим экономическим интересам, ни тем дружественным отношениям, которые издавна существуют между нами и Соединенными Штатами» (Муравьев — Витте 19 XI 1897: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 6, д. 992, л. 112; см. также Муравьев — Кассини 11 III 1898: АВПР, фонд посольства в Вашингтоне, д. 864, л.л. 16—17, где приведена цитированная резолюция царя).

[1] См.: A. Stead, ук. соч., стр. 70.

[2] Journal of Commerce, 30 XI 1897 (цит. по: Campbell, Special, стр. 7).

[3] Цит. по: J. Pratt, ук. соч., стр. 259.

поделенного мира, как средство утверждения монополии наиболее сильных в экономическом отношении держав. В Америке рассчитывали, что, опираясь на промышленное превосходство, которого США достигли к тому времени, при свободе торговли во всем мире Соединенные Штаты смогут повсеместно завоевать гегемонию и компенсировать отсутствие у них колониальной империи.[1] При этом Китаю как рынку с величайшими потенциальными возможностями уделялось первостепенное внимание. В деловых кругах считали «бесспорным», что для американской промышленности Китай является «самым великим рынком».[2]

По мере увеличения трудностей, с которыми американскому капиталу приходилось сталкиваться в Китае, в Соединенных Штатах росла тревога как бы двери китайского рынка не оказались закрытыми. Заинтересованные круги внимательно следили за ходом событий на Дальнем Востоке, и всякий новый признак ухудшения ситуации в Китае встречал с их стороны незамедлительную реакцию. Наибольший резонанс получили в Америке события конца 1897—начала 1898 г., когда вслед за захватом Германией Цзяочжоу, Россия ввела свою эскадру в Порт-Артур и начала с Китаем переговоры об «аренде». Американская пресса указывала тогда, что действия держав наносят непоправимый ущерб торговле США на Востоке, и выражала надежду, что со стороны Соединенных Штатов будут приняты меры к ограждению своих интересов в Китае.

Неожиданным контрастом при этом прозвучало выступление государственного секретаря Шермана 4 января 1898 г., заявившего в интервью корреспонденту филадельфийской газеты «Пресс», что он не видит ничего тревожного в китайской ситуации и что, насколько он понимает, торговым интересам США в Китае ничто не угрожает.[3] Заявление Шермана вполне согласовывалось с общим направлением его дальневосточной политики. Вскоре после вступления в должность государственного секретаря, в отмену инструкции его предшественника Олни, Шерман предписал посланнику в Пекине Денби соблюдать «осторожность» в поддержке деловых предприятий в Китае и отказал в содействии проектам «Американ Чайна дивелопмент компани».[4] Шерман был представителем прежнего направления во внешней политике США, сторонником освоения внутреннего рынка и экспансии Соединенных Штатов в запад-

[1] J. Pratt, ук. соч., стр. 259.
[2] Journal of Commerce, 8 I 1898. — J. Pratt, ук. соч., стр. 261—263.
[3] Campbell, Special, стр. 30.
[4] Шерман — Денби 8 III 1897: USFR, 1897, стр. 59. Ср. стр. 51 настоящей книги.

ном полушарии. Он был противником активного курса на Дальнем Востоке. В одном из своих писем, относящихся к более позднему времени (1899 г.), Шерман писал, что у Соединенных Штатов нет никаких оснований с подозрением относиться к утверждению влияния России в Маньчжурии, и, наоборот, считал необходимым поддерживать дружественные отношения с Россией, в противовес Англии, которая была главным конкурентом США в Латинской Америке.[1] Точка зрения Шермана отражала мнение кругов, оппозиционно настроенных к наметившемуся в те годы сближению с Англией.

Оценивая политику Шермана, американская историческая литература нередко объясняет его поведение тем, что Шерман был случайным человеком в Государственном департаменте и на старости лет, когда он получил дипломатический пост, страдал слабоумием.[2] Бесспорно Шерман был случайным человеком в Государственном департаменте, получив пост государственного секретаря в обмен на свое место в сенате, которое он должен был уступить боссу республиканской партии Маркусу Алонзо Ханна. Однако в равной степени случайными были и предшественники Шермана и его преемники на этом посту. Известно, что руководящий состав Государственного департамента менялся всякий раз, когда после очередных выборов происходила смена «демократической» администрации «республиканской» или наоборот. И в этом, кстати сказать, всегда было слабое место американской дипломатии. Руководство департамента, послы и посланники США за границей, за редким исключением, не были профессиональными дипломатами, и их подбор определялся соображениями партийной политики. Поэтому в назначении Шермана на пост государственного секретаря не было ничего необычного. С другой стороны, нельзя признать убедительной ссылку на слабоумие Шермана. Версия эта привилась с легкой руки тогдашней американской прессы, не скупившейся на выражения, чтобы дискредитировать Шермана. Между тем нет ничего противоестественного в том, что Шерман, оказавший в свое время большие услуги Уолл-стриту и, в частности, Рокфеллеру,[3] теперь стоял на позициях, противоречивших интересам американского капитала. Остается повторить, что Шерман был сторонником освоения внутреннего рынка, противником заморской экспансии и в этом отношении он прямо смыкался с теми кругами американской буржуазии,

---

[1] См.: Vagts, стр. 1047.

[2] См: Ф. Ландберг, ук. соч., стр. 69.— Dictionary of American Biography, v. XVII, стр. 88.

[3] Ф. Ландберг, ук. соч., стр. 69—70.

которые впоследствии приняли участие в движении «антиимпериалистов».[1] Это подтверждается приводимым и автором вышеуказанного биографического очерка о Шермане фактом протеста последнего против объявления войны Испании, а также тем, что, будучи государственным секретарем, Шерман был отстранен от переговоров с Испанией и участия в других империалистических начинаниях правительства Мак Кинли.[2]

Выступление Шермана в филадельфийской «Пресс» вызвало в заинтересованных кругах буквально бурю негодования, привело к резким нападкам на дальневосточную политику Государственного департамента и способствовало организации широкой кампании «за Китай». Инициатива в этом принадлежала «Американ Чайна дивелопмент компани» и фирмам, связанным с китайской торговлей. Одним из первых выступил против Шермана акционер и член подготовительного комитета «Американ Чайна дивелопмент компани» Кларенс Кэри, подвергший резкой критике «странный и опасный» взгляд государственного секретаря, будто возможный раздел Китая не угрожает интересам Соединенных Штатов. Через день после выступления Шермана, 6 января 1898 г., в конторе Кэри на Уолл-стрите было созвано совещание по поводу китайских дел. Председательствовал представитель «Стандарт ойл» Мак Ги. На совещании был образован «Комитет по американским интересам в Азии», перед которым была поставлена задача провести кампанию «за Китай». В состав Комитета вошли: Кларенс Кэри, глава американской торговой фирмы в Шанхае Эверетт Фрэзер, компаньон одной из ведущих фирм, экспортирующих в Китай хлопчатобумажные ткани, С. Д. Брюстер, редактор получавшего значительные средства на объявлениях текстильной промышленности «Джорнал оф Коммерс» Джон Фурд и компаньон треста «Бетлехем айрон уоркс» Е. Л. Залинский. Неделю спустя после своего образования Комитет представил петицию Нью-Йоркской торговой палате, подписанную 68 видными капиталистами США. От имени рокфеллеровской «Стандарт ойл» и крупнейших фирм, торгующих с Китаем, «Фрэзер энд компани», «Американ трейдинг компани», «Фирон, Даниел энд компани», компаний, поставлявших в Китай хлопчатобумажные ткани, железнодорожное оборудование и др., Комитет просил Нью-Йоркскую торговую палату оказать давление на правительство США в интересах активизации американской политики в Китае.[3]

---

[1] См. стр. 116, 121—122 настоящей книги.
[2] См.: Dictionary of American Biography, v. XVII, стр. 88.
[3] C a m p b e l l, Special, стр. 30, 34.

В свою очередь Нью-Йоркская палата обратилась к президенту Мак Кинли. Отмечая, что «вывоз Соединенных Штатов в Китай быстро растет» и что «с дальнейшим открытием этой страны ему суждено приобрести еще большие размеры», Нью-Йоркская торговая палата настаивала перед президентом США, чтобы «немедленно были приняты надлежащие меры в целях защиты существующих договорных прав наших граждан в Китае и защиты их важных коммерческих интересов в этой империи».[1] «Двери должны быть открыты и свободны,— писала «Нью-Йорк Геральд»,— пушки должны сохранить их открытыми, если это потребуется».[2] Так комментировала одна из ведущих американских газет это обращение делового мира к правительству Соединенных Штатов. А вслед за обращением Нью-Йоркской палаты в Вашингтон стали поступать аналогичные петиции со всех концов США. Торговые палаты Филадельфии, Бостона, Сан-Франциско, Сиэттла и Балтимора требовали от правительства Соединенных Штатов энергичных действий в Китае. Материалами о Китае запестрели и страницы американских газет. Активнее всего выступала деловая печать и особенно редактировавшийся Фурдом «Джорнал оф Коммерс», который, третируя Шермана, оценивал его выступление 4 января 1898 г. как признак «серьезной умственной ограниченности» и настаивал на изменении дальневосточной политики Государственного департамента.[3] Вопрос о необходимости решительных действий в Китае был поднят и в ведущих американских газетах и журналах. С конца 1897 г. редкий номер газеты или журнала выходил без статьи или заметки о Китае. «Нью-Йорк таймс» обвиняла правительство Мак Кинли в том, что американские интересы в Китае «неразумно представлены и ненадежно защищены Государственным департаментом».[4] «Арми энд Нэви Джорнал» рекомендовала применить в Китае «политику силы».[5] Церковно-миссионерская печать, оценивая создавшееся положение, ратовала за то, чтобы американская торговля и американская церковь действовали сообща в интересах «христианского завоевания Азии».[6]

Между тем ход дальнейших событий в Китае давал сторонникам активизации американской политики на Дальнем Востоке все новую и новую пищу для выступлений. Вслед за

---

[1] Campbell, Special, стр. 35. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).
[2] Цит. по: Review of Reviews, February, 1898, стр. 108.
[3] Journal of Commerce, 5 I 1898 (цит. по: Campbell, Special, стр. 30).
[4] Цит. по: F. R. Dulles. China and America, Princeton, 1946, стр. 106.
[5] Army and Navy Journal, 8 I 1898.
[6] J. Pratt, ук. соч., стр. 281.

оккупацией Цзяочжоу Германией и Порт-Артура Россией, оформленной (в марте 1898 г.) специальными соглашениями об аренде, закрепившими за Россией Маньчжурию, а за Германией Шаньдун, Франция добилась признания со стороны Китая ее «сферы влияния» в пограничных с Тонкином провинциях и взяла в «аренду» Гуаньчжоувань (май 1898 г.); Англия, не довольствуясь полученным ею (в феврале 1898 г.) признанием со стороны китайского правительства «долины Янцзы» как сферы ее влияния, захватила (в мае) Вейхайвей и добилась (в июне) расширения территории Гонконга. Несколько позже, в августе 1898 г., провинция Фуцзянь стала «сферой влияния» Японии. Политика держав все более приобретала характер дележа Китая, и опасение заинтересованных американских кругов за свое положение на китайском рынке увеличивалось. Кампания «за Китай» приняла теперь такие размеры, что, по словам Фурда, «стала вопросом национального значения».[1] В июне 1898 г. «Комитет по американским интересам в Азии» был расширен и преобразован в Американо-Азиатскую ассоциацию. В ее состав первоначально вошло 48 представителей крупных американских торговых фирм и промышленных корпораций, ряд политических деятелей и целые организации. Руководящее положение в Американо-Азиатской ассоциации занимали «Американ Чайна дивелопмент компани» и фирмы, заинтересованные в торговле с Китаем. В состав Ассоциации входили: Кальвин Брайс, Кэри, Уошберн, Джеймс Стиллмен, Карнеги и другие акционеры «Американ Чайна дивелопмент компани», фирмы по производству хлопчатобумажных тканей и железнодорожного оборудования, судостроительные, железнодорожные и пароходные компании, организации, посредничающие в торговле между США и Китаем, орган железнодорожных кругов «Рейлроуд газет» и т. д. К концу 1899 г. число членов Ассоциации возросло более чем в три раза, а еще через год более чем в пять раз. Президентом Ассоциации был избран Э. Фрэзер, а сторонники активной политики на Востоке — вышедший к этому времени в отставку посланник США в Китае Денби, президент Нью-Йоркской торговой палаты Морис Джессеп и отставной дипломатический резидент в Сиаме Джон Баррет — были избраны почетными членами Ассоциации. В 1899 г. начал издаваться печатный орган Ассоциации журнал «Эйша». В Китае и Японии, в Шанхае, Гонконге, Иокогаме и Кобе, Американо-Азиатская ассоциация открыла свои отделения.

---

[1] J. Foord. The genesis of the «Open Door». Asia, v. 2, 1901—1903, стр. 122 (цит. по: Campbell, American business, стр. 50).

Так же как и «Комитет по американским интересам в Азии», Американо-Азиатская ассоциация выдвигала в качестве основного и первостепенного требования своей программы «свободу торговли» в Китае, преследуя, однако, по заявлению одного из ее руководителей, «не только торговые, но и политические цели».[1]

Важное место в деятельности Ассоциации занимала пропаганда политики «открытых дверей» как средства решения китайской проблемы и создания благоприятных условий для американской экспансии. В редакционной статье «Американская торговля и политика в Китае» «Рейлроуд газет» писала тогда: «Для того чтобы этот богатый рынок был открыт для нашего капитала, энергии и продукции, должно быть осуществлено два главных условия: в Пекине должна быть постоянная и прочная власть, а мы должны располагать всеми правами торговать и владеть собственностью в Китае, которыми пользуется „наиболее благоприятствуемая нация"».[2] Таким образом, наряду с требованием свободы торговли и предпринимательства для Соединенных Штатов в Китае (на основе принципа «наиболее благоприятствуемой нации») американский капитал непременным условием реализации своей программы считал укрепление Пекинского правительства.

Правительство США не могло пройти мимо указанных выступлений и вынуждено было принять меры для удовлетворения предъявленных ему требований. Президент Мак Кинли, обязанный своим избранием Рокфеллеру,[3] не мог игнорировать того, что затрагивало коренные интересы Рокфеллера. Кроме того, в составе правительства заинтересованные в Китае круги были представлены министром внутренних дел Корнелиусом Блиссом, компаньоном фирмы «Блисс, Фабиан энд компани», экспортировавшей в Китай хлопчатобумажные ткани и принимавшей активное участие в кампании «за Китай». Что же касается Шермана, то он, получив от президента петицию Нью-Йоркской торговой палаты, ответил в адрес палаты письмом, в котором вынужден был заявить, что уделит поднятому вопросу «самое тщательное внимание».[4] В направленной вслед за тем инструкции американскому послу в Берлине Шерман предписал заявить германскому правительству, что Соединен-

---

[1] См. выступление Хаскелла на банкете в Шанхае 8 I 1899: North China Herald, 16 I 1899. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[2] Railroad gazette, 6 I 1899.

[3] Пост президента Мак Кинли получил исключительно благодаря поддержке Рокфеллера (см.: Ф. Ландберг, ук. соч., стр. 69—71).

[4] Шерман — Ору 11 II 1898 (цит. по: Campbell, American business, стр. 48).

ные Штаты чрезвычайно заинтересованы в торговле с Китаем, напоминал, что американское правительство «было одним из первых выступивших за открытие Китая для иностранной торговли» и что теперь правительство США заинтересовано не только в «удержании» имеющихся позиций в китайской торговле, но и в их «расширении».[1] Государственный секретарь предписал довести до сведения царского правительства, что Соединенные Штаты будут отстаивать «свободу торговли в Китае».[2]

А в апреле 1898 г. Шерман был уволен в отставку и пост государственного секретаря занял Дэй. В соответствии с требованиями делового мира Дэй предложил конгрессу США послать в Китай правительственную комиссию «для изучения коммерческого и индустриального положения империи и возможностей расширения китайского рынка для американских товаров». Как свидетельствует переписка между государственным секретарем и министром финансов по вопросу о назначении комиссии, правительство США исходило из того, что «рынки для американской продукции можно легко расширить не только в самом Китае, но и в смежных районах России». При этом наряду с потенциальными возможностями Китая как рынка сбыта товаров принималось во внимание и то, что Китай «имеет громадные залежи угля, железа, меди и другого минерального сырья и представляет безграничное поприще для разработки».[3] Теперь «Джорнал оф Коммерс» считал, что в атмосфере Вашингтона наступили «заметные» перемены.[4]

Еще более благоприятную позицию для заинтересованных в Китае капиталистических кругов занял сменивший Дэя в сентябре 1898 г. Джон Хэй, прямой ставленник Рокфеллера.[5] С приходом Хэя Американо-Азиатская ассоциация решила прекратить критику правительственной политики и перенести центр тяжести кампании «за Китай» на обработку обществен-

---

[1] Шерман — Уайту 11 II 1898: A. Dennis. Adventures in American Diplomacy (1896—1906). N. Y., 1928, стр. 182. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[2] Шерман — Хитчкоку 16 III 1898 (цит. по: Campbell, American business, стр. 50).

[3] Preliminary examinations and surveys 55 congress 2 session, House documents, № 536, стр. 5, 2. См. также: Congressional record (55 congress, 2 session), стр. 6140, 6403. Посылка комиссии была отложена из-за начала испано-американской войны.

[4] Journal of Commerce, 18 VI 1898 (цит. по: Campbell, Special, стр. 38).

[5] J. E. Rhodes. The Mc Kinley and Roosevelt Administration (1897—1909). N. Y., 1923, стр. 123. «Нельзя было найти более умелого слуги американской промышленности и более последовательного защитника экономического империализма, чем Джон Хэй» (F. R. Dulles. Forty years of American-Japanese relations. N. Y.— London, 1937, стр. 28).

ного мнения.[1] Теперь у нее установился тесный и постоянный контакт с Государственным департаментом. Руководители Ассоциации были частыми гостями Хэя и поддерживали с ним письменную связь. «Ни разу не было такого случая,— свидетельствует исследовавший взаимоотношения Государственного департамента с Ассоциацией американский историк Кемпбелл, — чтобы Джон Хэй не выполнил какой-либо официальной просьбы (деловых кругов,— *А. Ф.*) относительно дальневосточной политики. . .».[2]

Приход Хэя на пост государственного секретаря совпал с усилением антиимпериалистического движения в Китае, и новому руководителю американской внешней политики пришлось иметь дело с многочисленными петициями, поступавшими в связи с этим в его адрес. В конце сентября 1898 г. к Хэю обратился глава американской торговой фирмы в Шанхае Фирон. В обращении Фирона отмечалось, что по мере роста антииностранного движения, которое тогда уже приняло достаточно широкие размеры в северных районах Китая и все более распространялось, возрастает угроза американским интересам. Фирон просил принять меры, чтобы гарантировать «свободу торговли». В ответ на это Хэй распорядился послать в северокитайские воды 2 канонерки [3] и предложил посланнику в Пекине «действовать энергично».[4] В январе 1899 г., в связи с дальнейшим подъемом антиимпериалистического движения в Северном Китае и Маньчжурии, к Хэю обратились с петицией фабриканты и экспортеры хлопчатобумажных тканей, высказываясь за проведение «энергичной политики», чтобы «эти рынки не оказались в конечном счете з а к р ы т ы м и для нашей торговли». Податели петиции выражали опасение, как бы волнения в Северном Китае и Маньчжурии не использовала в своих интересах Россия, и просили обратить особое внимание представителей Соединенных Штатов в Пекине и Петербурге на необходимость отстаивать «свободу торговли». Это требование делового мира было исполнено в точности: посланникам в Пекине и Петербурге Хэй отправил соответствующие инструкции, сославшись на «в ы с о к у ю р е п у т а ц и ю и п о л о ж е н и е п о д а т е л е й п е т и ц и и». А ме-

[1] Решение об этом было принято в марте 1899 г., после поездки Фурда в Вашингтон, и вызвано было, по всей вероятности, ростом антиимпериалистических выступлений в США. Для финансирования пропаганды был образован специальный денежный фонд, причем большинство взносов сделали экспортеры хлопчатобумажных товаров.

[2] C a m p b e l l, American business, стр. 55.

[3] Там же.

[4] Хэй — Конжеру 3 X 1898: USFR, 1898, стр. 228.

сяцем позже, в письме посланнику в Петербурге, он еще раз напомнил о необходимости «действовать энергично в направлении, желательном многочисленным и влиятельным подателям петиции».[1]

В январе 1899 г. к американскому правительству обратилась также Нью-Йоркская торговая палата, она просила пустить в ход «все доступные средства для того, чтобы сохранить... „открытые двери"». На этот раз обращение к Хэю вызвано было попыткой Франции расширить свою концессию в Шанхае: в то время шли переговоры о расширении англо-американской концессии, и во французской попытке американский капитал усмотрел препятствие собственным планам. В результате поддержки, оказанной по просьбе Нью-Йоркской торговой палаты Государственным департаментом, американский капитал добился расширения концессии в Шанхае.[2]

Кроме прямого давления на Государственный департамент, капиталистические круги оказывали влияние на правительство США и через конгресс. Американо-Азиатскую ассоциацию поддерживали влиятельнейшие в политике люди: сенаторы Маркус Алонзо Ханна — босс республиканской партии и Генри Кабот Лодж — один из вдохновителей американской внешней политики. С Ассоциацией также тесно связаны были члены палаты представителей Хэпберн, сенаторы Мак Лорин, Фрай и Гелинджер.

Всякий раз, когда в конгрессе возникал вопрос о политике в Китае, эти люди последовательно выступали в пользу такого его решения, какое диктовалось интересами делового мира. Так, например, в ходе неоднократного обсуждения вопроса о посылке в Китай комиссии конгресса США указанные лица высказывались за всемерное расширение торговли с Китаем, подчеркивая важность китайского рынка для растущего производства Америки.[3]

2. ЗАХВАТ ФИЛИППИН — ФОРПОСТА НА ПОДСТУПАХ К КИТАЮ. ПОПЫТКИ США ПОЛУЧИТЬ БАЗУ НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КИТАЯ

Требование, которое ставил американский капитал перед правительством,— обеспечить «открытые двери» в Китае — стало программой американской политики и для ее осуществления в ход были пущены все возможные средства. Важнейшим шагом на этом пути явился захват Филиппинских островов,

[1] Campbell, American business, стр. 53—54. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[2] Там же, стр. 54.

[3] См.: Congressional record (55 congress, 2 session), стр. 6140, 6403; там же (56 congress, 1 session), стр. 600, 3266—3268, 4876 и сл.

осуществленный в результате испано-американской войны, которая была «первой войной не за раздел, а за *передел* мира».[1] Для дальневосточной политики Соединенных Штатов важным следствием войны было создание на Филиппинских островах американской военно-морской стратегической базы. В. И. Ленин характеризовал этот акт как средство дальнейшей экспансии США в Азии вообще и в Китае в частности. «Филиппины — шаг к Азии и *Китаю*»,— отмечал Ленин.[2]

Вопрос о захвате Филиппин в качестве базы на подступах к Китаю обсуждался еще задолго до начала войны и был решен в правительственных сферах уже в конце 1897 г., когда состоялось назначение командующим Азиатской эскадрой США открытого сторонника захвата Филиппин — коммодора Дьюи.[3]

Захват Филиппинских островов Соединенными Штатами последовал непосредственно за захватами других империалистических держав на территории Китая и был равнозначен им по существу. «Америка,— говорил Витте, оценивая итоги испано-американской войны,— никогда не отважилась бы занять эту позицию (Филиппины,— *А. Ф.*), если бы она не имела перед глазами событий в Восточной Азии».[4] Так же расценивали захват Филиппин и в Соединенных Штатах. Водружение американского флага над Филиппинским архипелагом консул США Фаулер ставил в один ряд с оккупацией Цзяочжоу Германией, арендой Порт-Артура и Дальнего Россией, захватом Вейхайвея Англией и Гуаньчжоуваня Францией.[5] «В этом конфликте (борьбе за Китай,— *А. Ф.*) Филиппинам,— писал «Форум»,— занимающим выгодные стратегические позиции, предопределено стать базой США».[6]

Захват Филиппин знаменовал собой новую тенденцию в политике США, прочно становившихся на путь колониальной экспансии. Вопрос этот подробно обсуждался тогда в дипломатических кругах Европы, а в Китае сторонники американской ориентации вынуждены были испытать глубокое разочарование и констатировать, что у «постели» Китая «появился еще один тигр».[7]

---

[1] История дипломатии, т. II, стр. 141.

[2] В. И. Ленин. Тетради по империализму. М., 1939, стр. 170. Конспект книги Жозефа Патуйе «Американский империализм».

[3] Международные отношения, стр. 109—110.

[4] См. отчет о беседе Радолина с Витте (Радолин — Гогенлоэ 20 XII 1898): GP, Bd. XV, № 4232.

[5] Commercial relations of the United States, 1899, v. I, стр. 800—801.

[6] Forum, August, 1898, стр. 649—650. «Захват Филиппин... был в основе своей актом новой китайской политики США». (Канторович, стр. 94).

[7] Г. В. Ефимов, ук. соч., стр. 9—10.

Экспансионистски настроенные круги в Америке и выражавшая их мнение пресса шумно приветствовали начало испано-американской войны. 1 мая 1898 г. произошло морское сражение при Маниле, в результате которого американская эскадра разгромила испанский флот и войска США начали оккупацию Филиппин, а 5 мая газета «Уолл-стрит Джорнал» выступила со статьей, в которой высказывалось по этому поводу удовлетворение и выражалась уверенность в том, что теперь в азиатских водах будет создана угольная станция и военно-морская база США. Газета находила, что это необходимо не только в целях защиты ныне существующей торговли с Дальним Востоком, но и в интересах будущего.[1] Другой орган деловых кругов «Брэдстритс» рассчитывал, что владение Манилой увеличит торговлю США с Азией и что со временем Манила сможет затмить Гонконг как перевалочный торговый пункт.[2] Церковно-миссионерская печать называла Филиппины «воротами» к Азиатскому материку. Журнал «Пресбитериан бэннер» писал, что «каждый американский миссионер в Азии благодарил бога за то, что американский флаг вступил на Дальний Восток». Журнал предлагал воспользоваться выгодами новой позиции США для того, чтобы «сделать с Китаем то же, что Англия сделала с Индией», и называл Соединенные Штаты «логическим инструментом для выполнения этой работы (work)».[3]

С особым энтузиазмом встретили захват Филиппин зачинщики кампании «за Китай». Нью-Йоркская торговая палата выражала надежду, что оккупация Филиппин обеспечит американские интересы в Китае, а рупор Американо-Азиатской ассоциации «Джорнал оф Коммерс» заявлял: «Мы можем утвердиться как держава на Востоке приобретением действительно важного плацдарма на Филиппинах, в противном случае нам придется столкнуться с тем, что открытая дверь будет постепенно закрыта перед нашим носом».[4] Таким образом, в захвате Филиппин заинтересованные круги видели средство укрепления своих позиций в Китае.

Захват Филиппинских островов еще более усилил интерес Соединенных Штатов к Дальнему Востоку. С началом испано-американской войны повысился курс акций на бирже и последовало общее улучшение конъюнктуры. Торговые фирмы и промышленные компании посылали тысячи запросов Министер-

[1] Цит. по: J. Pratt, ук. соч., стр. 268.
[2] Там же, стр. 269.
[3] Цит. по: J. Pratt, ук. соч., стр. 298. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).
[4] Там же, стр. 270, 268. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

ству финансов относительно экономических возможностей стран, «примыкающих» к Филиппинам. Статистическое бюро Министерства финансов рассылало во все концы страны справки о состоянии торговли стран Востока, а с 1899 г. ежегодно стало издавать специальный справочник «Комершел Чайна».[1] Усилился и приток американских коммерсантов в Китай. «С тех пор как развернулись наши военные действия на Филиппинах,— доносил американский консул в Чифу,— сюда, так же как и во все другие северные порты Китая, прибывает все возрастающий поток купцов из Соединенных Штатов».[2] Учитывая возросшее тяготение американского капитала к Китаю, Национальная ассоциация промышленников приняла решение организовать в Шанхае выставку американских товаров.[3]

Быстрая победа над Испанией способствовала усилению экспансионистской агитации в Соединенных Штатах. «Легкий триумф адмирала Дьюи...,— доносил русский консул Теплов из Нью-Йорка,— совершенно вскружил голову местным политикам... ничто не в состоянии утолить все более и более разыгрывающиеся аппетиты, направленные на поглощение все новых территорий».[4] Утверждение на Филиппинах провозглашалось как ступень к установлению американского господства во всей Азии. «Филиппины занимают благоприятное положение не по отношению к той или другой отдельной стране Востока, а ко всему Востоку в целом...,— писал банкир и заместитель министра финансов США Вандерлип в журнале «Сенчури».— Филиппины — это застава Тихого океана, занимающая господствующее положение по отношению к населенным миллионами душ рынкам Китая, Кореи, Французского Индо-Китая, Малайи и Индонезии».[5] А Статистическое бюро Министерства финансов подсчитало, что «примыкающие» к Филиппинам страны населены 850 миллионами людей и ежегодно покупают на 1 млрд долларов товаров, которые входят в ассортимент американской торговли.[6]

Однако по вопросу о присоединении Филиппин общественное мнение Соединенных Штатов было далеко не единодуш-

---

[1] Foreign Commerce and Navigation, 1898, стр. XXXIV.

[2] Донесение Фаулера 25 V 1899: Consular reports, v. LXI, стр. 302. См. также донесение консула США Уилкокса из Ханькоу 28 I 1899: Consular reports, v. LX, стр. 329—330.

[3] Recueil consulair, 1900, t. 106, стр. 295.— Consular reports, v. LXIII, стр. 571.

[4] Теплов — Ламздорфу 22 V 1898: АВПР, Канцелярия МИД, 1898, д. 113, л. 23.

[5] Цит. по: Review of Reviews, August, 1898, стр. 140.

[6] См.: Fbreign Commerce and Navigation, 1898, стр. XXXIV.

ным. Имела место и значительная оппозиция присоединению испанских владений к Америке. Наиболее решительно в этом отношении выступали «антиимпериалисты», объединившие в своих рядах широкие народные массы. Лозунг «антиимпериализма» поддерживала также сельскохозяйственная буржуазия южных и западных штатов, опасавшаяся, что аннексия аграрных колониальных стран, включение их в территорию США и вытекающее отсюда право беспошлинного ввоза на американский рынок создадут дешевую конкуренцию американской продукции. В оппозиции была и определенная часть промышленных кругов, потребности которых еще удовлетворял американский внутренний рынок, а аннексия заморских территорий, по их мнению, лишь втянула бы Соединенные Штаты в ненужные осложнения на международной арене.[1]

Вокруг вопроса о судьбе испанских владений в Соединенных Штатах развернулась острая политическая борьба, достигшая своего апогея в период, предшествовавший выборам президента в 1900 г. Против присоединения Филиппин выступала демократическая партия во главе с Брайаном, предлагавшая отказаться от архипелага, предоставив филиппинцам независимость. Республиканцы настаивали на аннексии и важнейшим аргументом при этом выдвигали значение Филиппин как подступа к Китаю. Активное участие в пропаганде этого взгляда принимали и деятели Американо-Азиатской ассоциации. «Азия — наше Эльдорадо,— писал Денби в «Мансейс мэгезин».— Если мы откажемся от Филиппин, мы окажемся более чем когда-либо без влияния на Дальнем Востоке». Денби открыто издевался над теми, кто считал, будто Соединенные Штаты вели войну ради стремления освободить Филиппины от испанского ига. Если Америка «вступает в войну ради освобождения угнетенного народа, то о нас будут судить, как судили о первой Французской республике». Нужно воспользоваться всеми выгодами, проистекающими из войны, а не становиться в положение Дон Кихота. «Мы должны иметь твердую опору на Востоке. Для того чтобы получить ее, нам необходимо либо ограбить Китай (т. е. захватить опорный пункт в Китае,— *А. Ф*), либо удерживать находящуюся в наших руках территорию, оградив ее плотной стеной штыков». Этот откровенный взгляд Денби обосновывал «божественным предназначением», которое-де «давным давно» «открыло (американцам,— *А. Ф.*) дверь Дальнего Востока». Денби писал, что провидение возложило на США «ответственность», что «судьба» Америки — «просвещать

[1] А. А. Губер. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1948, стр. 273—274.

мир» и поэтому необходимо Филиппины присоединить к Соединенным Штатам.[1]

Активным пропагандистом этого взгляда выступал также соратник Денби по Американо-Азиатской ассоциации Джон Баррет. Он совершил специальную поездку по Соединенным Штатам, во время которой выступал перед собраниями торговых палат Нью-Йорка, Бостона и других крупнейших городов. В выступлении перед банкирами и коммерсантами в Чикаго Баррет, говоря об открывающихся с захватом Филиппин и утверждением «свободы торговли» в Китае «перспективах благоприятных возможностей», рисовал прямой путь к тому, что «могущество и влияние» Америки «станет преобладающим не только на Тихом океане, но и во всем мире».[2]

В хоре голосов, выступавших за аннексию островов в интересах усиления позиций США на Востоке, видное место занимали высказывания представителей командования американской армии и флота. Командующий армией США генерал-майор Майлз открыто признавал, что важнейшим мотивом, обусловившим вступление Америки в войну с Испанией, было стремление избежать положения «равнодушного наблюдателя» в борьбе за Китай.[3] А адмирал американского флота Сэмпсон, командующий Атлантической эскадрой, поместил в «Арми энд Нэви Джорнал» статью, в которой, одобряя захват Филиппин, пошел дальше, высказавшись за дальнейшее увеличение американского флота на Тихом океане. «Мы стали азиатской державой,— писал Сэмпсон,— и мы не можем уклониться от той ответственности, которая возложена на нас этим положением. Мы имеем громадные интересы в Тихом океане и должны быть готовы справиться с любым, кто попробует отрицать там наши права. Для того чтобы обеспечить наши интересы, для того чтобы сохранить наши позиции, для того чтобы разговаривать авторитетно, как это подобает нам, мы нуждаемся в кораблях и еще раз в кораблях».[4]

Что Филиппины следует удерживать именно ввиду их стратегических выгод, как базу на подступах к Китаю,— этот взгляд был господствующим в правительственных сферах США. Хорошо осведомленный в позиции правительства «Джорнал оф Коммерс» писал, что «государственные деятели Соединенных Штатов и Государственный департамент рассматривают Фи-

---

[1] Ch. Denby. Our relations with the Far East. Munsey's magazin, January, 1899, стр. 516—519.

[2] North China Herald, 11 XII 1899.

[3] Цит. по: Review of Reviews, May, 1898.

[4] Army and Navy Journal, 10 VI 1899.

липпины только как выгодную позицию для осуществления дальнейших планов США в Китае».[1]

Более того, в правительственных сферах рассматривался вопрос о том, чтобы в дополнение к Филиппинам, расположенным на юге, далеко от главной «сферы интересов» американского капитала, Северного Китая и Маньчжурии, захватить еще базу на северном побережье Китая.

По сведениям лондонского «Таймс», Морское министерство США занималось этим вопросом еще до начала испано-американской войны и остановило тогда свой выбор на Вейхайвее.[2] Война на время сняла этот вопрос, и вернулись к нему только в октябре 1898 г., уже после заключения перемирия с Испанией. К этому времени Вейхайвей «арендовала» Англия, и на рассмотрение Морского министерства Государственный департамент представил проект захвата одного из портов на северном побережье Китая, изложенный консулом США в Чифу Фаулером. В качестве возможных пунктов для оккупации под военно-морскую базу США Фаулер предлагал на выбор: Чифу, о-ва Чжоушань, Тайчжоу, Тэнчжу и о-ва Мяодао, либо Вейхайвей, выменяв его у Англии на один из островов Филиппинского архипелага.[3] Почти одновременно с представлением Фаулера в Морское министерство поступили сигналы от американского посланника в Пекине Конжера, преемника Денби с июня 1898 г. В связи с продолжавшимся ростом антиимпериалистических настроений в Китае Конжер предлагал организовать стоянку американской эскадры в Тяньцзине и захватить в Печжилийском заливе военно-морскую базу. В письме к Хэю он рекомендовал «приобрести и утвердить за собой по крайней мере один хороший порт, при помощи которого мы смогли бы внушительным образом утвердить свое право и располагать возможностью эффективного воздействия».[4]

Вопрос о военно-морской базе в Китае тщательно изучался Морским министерством, и решено было остановиться на гавани Динхай (о. Чжоушаньдао). Интерес к о-вам Чжоушань был обусловлен их выгодным местоположением на подступах к важнейшему китайскому порту Шанхаю, который привлекал внимание американских военных кругов как «центр флотов, действующих на Востоке» и как база снабжения для американского флота топливом.[5] В связи с этим начальник Бюро

---

[1] Цит. по: North China Herald, 11 XII 1899. (Разрядка моя,— *Л. Ф.*).

[2] См.: S. W. Livermore, ук. соч., стр. 117.

[3] Фаулер — Муру 27 X 1898 (цит. по: S. W. Livermore, ук. соч., стр. 117—118).

[4] Конжер — Хэю 3 XI 1898 (цит. по: Vagts, стр. 1040).

[5] Army and Navy Journal, 12 VII 1899.

снабжения Морского министерства контр-адмирал Брэдфорд считал необходимым получить над о-вами Чжоушань «полный суверенитет».[1] Но попытка овладеть этими островами успехом не увенчалась из-за противодействия Англии, в «сфере влияния» которой находились о-ва Чжоушань. Впоследствии вопрос о приобретении базы на северном побережье Китая еще не раз ставился Морским министерством США,[2] однако практически из этого так ничего и не вышло.

Что же касается Тихого океана в целом, то к осени 1899 г., когда состоялось провозглашение доктрины «открытых дверей», Соединенные Штаты значительно укрепили там свои позиции. В результате захвата Филиппин и Гуама, отторгнутых у Испании по Парижскому договору 12 декабря 1898 г., аннексии Гаваев (12 августа 1898 г.), захвата о. Уэйк (июль 1898 г.) и утверждения на о-вах Самоа (1899 г.) была создана целая сеть американских военно-морских баз. Этому обстоятельству в военных кругах придавали большое значение. «Арми энд Нэви Джорнал» считала, что теперь, располагая «мостом баз» от Сан-Франциско до Кавите (западное побережье Филиппин), Соединенные Штаты занимают «наиболее благоприятное положение по сравнению с любой другой державой».[3]

Такова была военная позиция США на подступах к Китаю накануне провозглашения доктрины «открытых дверей». Наличие военно-морских баз США в Тихом океане должно было стать ключом к дверям Дальнего Востока и гарантировать американскому капиталу в первую очередь «открытые двери» в Китае.

3. ДВИЖЕНИЕ «АНТИИМПЕРИАЛИСТОВ». ВОЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АМЕРИКИ

Испано-американская война, в результате которой США значительно усилили свои военно-стратегические позиции на подступах к Китаю, обнаружила вместе с тем и слабые места Соединенных Штатов.

Прежде всего стало очевидно, что в Америке существует серьезная оппозиция империалистическим авантюрам. Как указывалось выше, война против Испании вызвала в Соединен-

---

[1] Брэдфорд — Лонгу 13 I 1899 (цит. по: S. W. Livermore, ук. соч., стр. 118).

[2] См. предложение Конжера избрать в качестве американской «сферы» провинцию Чжили и захватить Тяньцзин под военно-морскую базу (Конжер — Хэю 1 III 1899: A. Dennis, ук. соч., стр. 208). В сентябре 1899 г., в момент выступления США с доктриной «открытых дверей», дело о приобретении базы было приостановлено, возобновилось оно летом 1900 г.

[3] Army and Navy Journal, 13 V 1899.— См. карту на стр. 121.

ных Штатах движение «антиимпериалистов». В ноябре 1898 г. в Бостоне была образована первая «Антиимпериалистическая лига», вслед за тем образовались лиги в Чикаго, Филадельфии, Нью-Йорке, Вашингтоне, Лос-Анжелосе и других городах (в течение 1899 г. возникло более 100 отделений Лиги) и, наконец, была организована общенациональная Американская антиимпериалистическая лига, объединившая в своих рядах около полумиллиона человек.[1] «Антиимпериалисты» выступали против аннексий испанских владений, против войн и империалистических захватов.

Русский посланник в Америке констатировал, что «добрая половина американцев не одобряет того пути, на который выступило правительство».[2] О солидарности с «антиимпериалистами» заявили многие общественные организации, в том числе насчитывавшая около 300 тыс. человек Негритянская демократическая лига; в ряды движения «антиимпериалистов» вступили прогрессивные деятели американской культуры, писатели Марк Твен, Хоуэллс и Вильям Вон Муди, президент университета «Леланд Станфорд Джюниор» Старр Джордан и др. Они пропагандировали идеи мира и осуждали войну как величайшее зло.

Однако «антиимпериалисты» критиковали только империализм захватов, их программа включала лишь внешнеполитические вопросы. «Но пока вся эта критика,— писал Ленин,— боялась признать неразрывную связь империализма с трестами и, следовательно, основами капитализма, боялась присоединиться к силам, порождаемым крупным капитализмом и его развитием, она оставалась „невинным пожеланием“».[3]

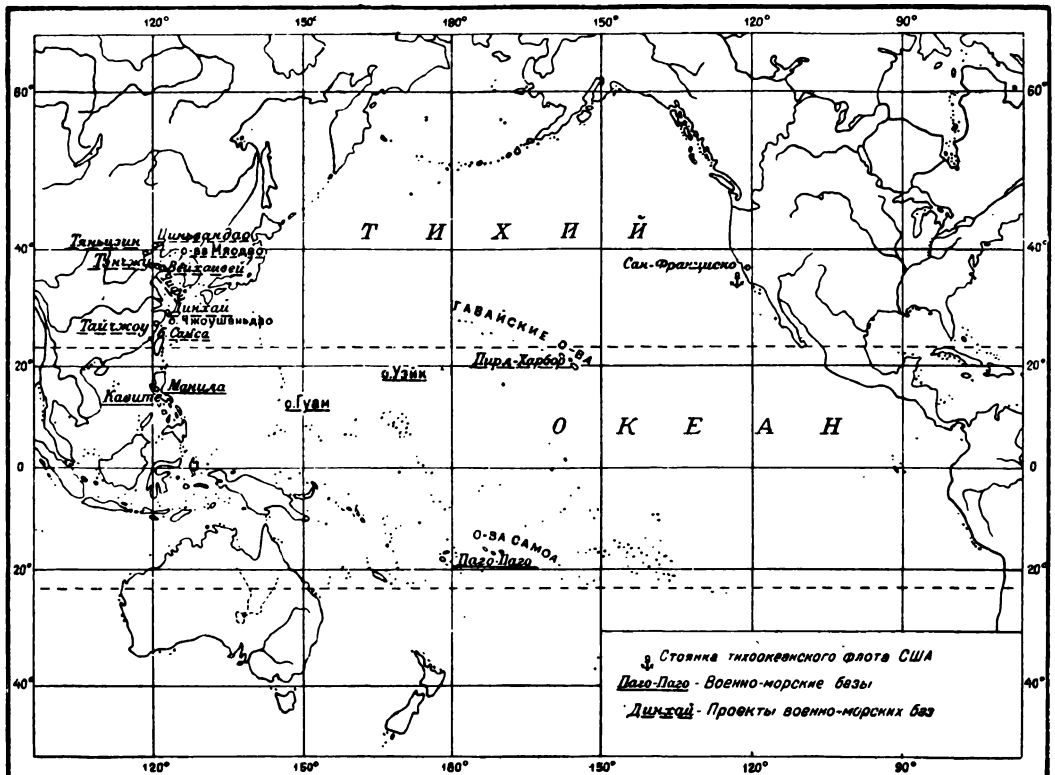
Решительная критика империализма и радикальный образ действий противоречили интересам руководителей «Антиимпериалистической лиги», таких, как стальной король Карнеги, идеолог плантаторской буржуазии Аткинсон и им подобные. Карнеги, например, высказывался против приобретения колоний из тех соображений, что Соединенные Штаты к этому еще не подготовились. Аргументируя свою «антиимпериалистическую» позицию, Карнеги в одной из напечатанных им тогда статей писал: «Соответственные силы держав, соперничающих на Дальнем Востоке, следующие: Великобритания имеет 80 первоклассных военных судов, а в общей сложности

---

[1] А. А. Губер. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1948, стр. 272.— Р. Ф. Петтигру. Торжествующая плутократия. М., 1922, стр. 292.

[2] Кассини — Муравьеву 21 VI 1898: АВПР, Канцелярия МИД, 1898, д. 114, л. 201. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 274.

Карта военно-морских баз США на подступах к Китаю в 1899 г.

581 судно; Франция — 50 военных судов первого класса, а всего — 403; Россия — 40 первоклассных военных судов и всего — 286; Германия — 28 судов первого класса и всего 216; Япония скоро достигнет уровня Германии и будет сильнее, потому что близко находится от арены действий. Соединенные Штаты предполагают ввести в действие 18 первоклассных военных судов и будут иметь всего 81 судно. Однако из-за отдаленности американского флота от арены вооруженной борьбы это количество можно едва ли считать за половину. Россия находится в 8000 миль от нее (арены борьбы,— *А. Ф.*), другие европейские державы — в 9000 миль, Соединенные Штаты — в 15—17 тысячах миль, если ехать через мыс Доброй Надежды и Малайский пролив. Путь через Европу — 12 000 километров, но этот путь не пригоден во время войны, так как американские корабли, идущие через Европу, попадают в ловушку своих европейских врагов». «Армии европейских наций,— продолжал Карнеги,— следующие: германская армия в мирное время насчитывает 562 352 человека, в военное — 3 миллиона человек..., французская армия мирного времени — 615 413 человек, военного — 2 миллиона, русская — 750 944 человека в мирное время и 2 512 143 человека во время войны... Очевидно, что Соединенные Штаты не могут состязаться в каком бы то ни было вопросе или противостоять какому бы то ни было из своих соперников...». «Наша армия и флот,— заключал Карнеги,— годятся только... для легкой добычи...».[1] Карнеги отражал точку зрения тех слоев американской буржуазии, которые выступали в тот период против внешнеполитических авантюр из опасения международных осложнений. Выступал против военных методов и Аткинсон. Он высказывался за «мирную» экономическую экспансию. «Коммерция и так будет у наших ног,— утверждал Аткинсон,— потому что мы держим верховный контроль над железной и стальной продукцией во всем мире».[2] Таким образом, выступая против войн и аннексий, руководители движения «антиимпериалистов» считали вполне допустимой экономическую экспансию. Правда, в руководстве движением принимали участие и более радикальные деятели, вроде Петтигру, Бутвелла и Рида. Именно к ним в полной мере относится характеристика «антиимпериалистов» как «последних могикан буржуазной демократии».[3] Но ни Петтигру, ни Бутвелл, ни Рид не смогли выйти за рамки буржуазного миро-

---

[1] A. Carnegie. Americanism versus imperialism. North American Review, January, 1899, стр. 2—4. Ср. стр. 116 настоящей книги.

[2] См.: Review of Reviews, March, 1900, стр. 244.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 274.

воззрения. Их критика, как правило решительная и беспощадная, носила ограниченный характер, так как обходила коренной вопрос об основах империализма и первопричинах захватнической политики.

«Антиимпериалистическая лига» избрала парламентские формы борьбы, сосредоточив свое основное внимание на предвыборной кампании, и даже здесь пошла по наименее радикальному пути, отказавшись от создания самостоятельной политической партии. «Антиимпериалисты» поддерживали демократов, выступавших против политики республиканской партии главным образом по соображениям, связанным со стремлением к захвату власти.

Что же касается участия рабочего класса в этом движении, то оно было явно недостаточным, а главное не носило инициативного характера. Несмотря на известный подъем рабочего и социалистического движения в 90-е годы, в Америке не было достаточно сильной и авторитетной рабочей партии, способной возглавить подобного рода кампанию. Американские социалисты придерживались того взгляда, что «с точки зрения рабочего класса экспансия является... таким вопросом, который не заслуживает внимания».[1] В рабочем движении того времени царил полный разброд. Ведущая Социалистическая рабочая партия, возглавлявшаяся Де Леоном, раздиралась фракционной борьбой, по ряду важнейших вопросов придерживалась сектантских и оппортунистических установок, не принимала участия в массовых движениях и совершенно пренебрегала вопросами внешней политики.[2] Другая рабочая партия — Социал-демократическая, образованная в 1897 г. по инициативе Евгения Дебса, хотя и протестовала против подавления национально-освободительного движения на Филиппинах, но также была далекой от правильной оценки внешнеполитических вопросов. «Что, кроме бессмыслицы,— писал Дебс,— значат слова „империализм", „экспансия", „свобода чеканки серебра", „золотой стандарт" и другие для наемного рабочего».[3]

Наиболее активную роль в движении «антиимпериалистов» играли профсоюзы и, в частности, самое крупное профсоюзное объединение — Американская Федерация Труда (АФТ). Под давлением профсоюзной массы, выступавшей против повышения расходов на оборону, увеличения налогов и вовлече-

---

[1] L. M. Delber. American Federation of Labor and American foreign policy (1886—1912). Ann Arbor, 1952, стр. 95. (Микрофильм докторской диссертации, защищенной в 1952 г. в Станфордском университете).

[2] См.: W. Z. Foster. History of the Communist party of the United States. N. Y., 1952, стр. 74—81.

[3] Цит. по: L. M. Delber, ук. соч., стр. 95.

ния США в международные осложнения, руководство этого профсоюзного объединения вынуждено было заявить о своей поддержке антиимпериалистической кампании.[1] Однако позиция АФТ была крайне непоследовательной. Достаточно сказать, что антивоенные выступления АФТ во время испано-американской войны были менее активны, чем участие в деле разжигания военной истерии, предшествовавшей войне с Испанией.[2] Непоследовательность эта заключалась и в том, что, выступая с критикой захватнической политики, АФТ сплошь и рядом делала это с шовинистических позиций. Так, например, высказываясь против включения Филиппин в состав Соединенных Штатов Америки, профсоюзные лидеры выставляли в качестве аргумента невозможность, по их мнению, предоставить «полуварварскому» населению этих островов те же самые права, что и американским гражданам. Наконец, нельзя пройти мимо того факта, что председатель АФТ Гомперс находился в тесном контакте с президентом США Мак Кинли и что именно с Мак Кинли, этим «первым империалистическим президентом» Америки, у Гомперса сложились «сердечные отношения». Сам Гомперс впоследствии писал, что в период президентства Мак Кинли он имел «такую благоприятную возможность встречаться с ним и обсуждать важные вопросы, какой не имел никогда ни при одном президенте Соединенных Штатов».[3] Естественно, что при таких условиях АФТ не могла придать движению «антиимпериалистов» эффективного характера.

Однако и при всех своих слабых сторонах движение «антиимпериалистов» не прошло бесследно: правительство США не могло пренебречь антивоенными настроениями народных масс, из которых рекрутировалась армия, оно вынуждено было считаться с антиимпериалистической оппозицией и по предвыборным соображениям.

Кампания «антиимпериалистов» в Америке несомненно оказала свое влияние и на политику США в Китае. По свидетельству информированного о делах Государственного департамента нью-йоркского корреспондента «Таймс», правительство Соединенных Штатов старалось действовать в отношении Китая крайне осторожно и замаскированно, для того чтобы не навлечь на себя нападок «антиимпериалистов». Касаясь ставшей ему известной инструкции Хэя, в которой государственный се-

[1] Резолюция о поддержке АФТ требования «антиимпериалистов» об отказе от аннексии Филиппин была представлена в конгресс США [см.: Congressional record (56 congress, 1 session), стр. 805].

[2] M. Hardy. The influence of organised labor on the foreign policy of the United States. Liege, 1936, стр. 28, 30, 32.

[3] L. M. Delber, ук. соч., стр. 54.

кретарь предписал посланнику США в Пекине защищать интересы «Американ Чайна дивелопмент компани», корреспондент «Таймс» писал: «Я думаю, что американское правительство не станет заострять внимание на практических результатах, если бы оно их добилось в Китае», ибо в противном случае возникнут антиимпериалистические выступления. Корреспондент сообщал, что одна из газет, издаваемых «антиимпериалистами», «нападает на американский синдикат, который пытается добиться правительственного вмешательства в Китае, с тем чтобы принудить последний предоставить жульническую концессию... Она (газета,— *А. Ф.*) разоблачает большие коммерческие предприятия вообще как предприятия, которые не могут быть выгодны массам».[1]

Стремление американского правительства под воздействием выступлений «антиимпериалистов» замаскировать свою политику в Китае было одним из важных факторов возникновения доктрины «открытых дверей», представлявшей большие выгоды ввиду ее завуалированного характера. На этом, как увидим дальше, строился вполне определенный политический расчет.

Итак, испано-американская война показала, что в Америке имеется значительная оппозиция политике империалистических авантюр. Война вскрыла и другое слабое место США, их военную неподготовленность, что имело особенно большое значение.

Кампания «антиимпериалистов» оказала свое влияние на армию, способствуя распространению среди солдат антивоенных настроений. Приступ джингоизма, охвативший в начале войны значительную часть американского населения и вызвавший массовый приток добровольцев в армию, довольно скоро спал. Большинство зачислялось в добровольцы лишь потому, что им «некуда было деться», а в армии они получали постоянное жалованье. Но уже при первых трудностях военной жизни в рядах добровольцев появилось стремление «скорее расстаться с военными знаменами», чтобы «вернуться в обычную жизненную колею». А те, кому удавалось возвратиться обратно, заявляли, что «если бы они начинали снова, то ни за что не поступили бы в добровольцы» и что теперь их «вторично не поймают». Неблагополучно обстояло дело и в регулярных войсках. Солдаты и унтер-офицеры, у которых кончался срок службы, не желали возобновлять своих обязательств. Многочисленные

[1] Выступление данной газеты, связывавшей империалистическую политику с трестами, близко подходит к критике основ империализма. Однако критика эта велась с мелкобуржуазных позиций. (Times, 16 VII 1899; цит. по: North China Herald, 4 IX 1899).

факты говорили о широком распространении «ненависти к военной службе». Дело доходило до того, что, умирая, солдаты просили, чтобы их не хоронили в военных мундирах. Русский консул в Нью-Йорке Теплов отмечал, что американские солдаты — это люди, «сошедшиеся почти случайно, не объединенные одной мыслью, как это было бы, если бы нужно было защищать от врага свой собственный очаг».[1]

На состоянии американской армии сказывалось также наличие национальной розни среди солдат. В армии США имела место постоянная вражда между белыми и неграми и зачастую дело доходило до прямых вооруженных столкновений. Так, например, в Тампе перед отплытием экспедиционного корпуса на Кубу произошла стычка между негритянской частью и добровольческим отрядом из южных штатов. Были убитые и множество раненых. Столкновение было прекращено только после применения репрессий к неграм.[2]

В результате боеспособность американских войск была невысокой. Это признавало и командование. Командующий американской армией генерал-майор Майлз заявлял, что армия США, по крайней мере в ее добровольческой части, «совершенно не годна для активных действий против неприятеля».[3]

Низкие боевые качества армии США определялись также слабым уровнем военной подготовки. Воспитанная на легких победах над индейцами и подавлении рабочих забастовок, армия США не была подготовлена к крупным военным операциям. Поэтому накануне испано-американской войны в среде военных специалистов далеко не все были уверены в том, что Соединенным Штатам удастся одержать победу над Испанией. Так, например, немецкий генерал Богуславский считал, что война закончится поражением США. А бывший прусский воен-

---

[1] Теплов — Ламздорфу 20 VI и 16 IX 1898: АВПР, Канцелярия МИД, 1898, д. 113, л.л. 46, 220—221.

[2] Теплов — Ламздорфу 20 VI 1898: АВПР, Канцелярия МИД, 1898, д. 113, л. 47.

[3] Там же, л. 42. В связи с этим следует, вероятно, рассматривать и попытку американского командования в сентябре 1898 г. завербовать в состав войск США на Филиппинах китайцев. Однако зондировавший по этому поводу Ли Хун-чжана американский офицер на вопрос «будет ли Китай возражать, если Америка завербует несколько полков китайских наемников для борьбы с Филиппинами», получил дипломатичный отказ. Ли Хун-чжан ответил, что он не возражает против набора китайцев, проживающих на Филиппинах, но только в том случае, если на это даст согласие местный китайский консул (сообщение специального корреспондента «Норз Чайна Геральд» из Пекина 23 IX 1899: North China Herald, 2 X 1899).

ный министр Бронзарт фон Шеллендорф был убежден, что американский флот будет неспособен добиться успеха в открытом бою с испанским флотом.[1]

Если все же Америка одержала довольно быстро победу над Испанией, то исключительно благодаря крайней слабости и глубокому разложению испанской монархии, а также из-за бездарности испанского командования, но отнюдь не за счет превосходства американской военной мысли и военного дела. По свидетельству русского консула Теплова, во время испано-американской войны американцы показали себя «полнейшими невеждами в военном деле».[2] Того же мнения придерживались и военные авторитеты. Так, например, Британское адмиралтейство считало, что если бы Испания проявила «мало-мальски реальное понимание условий», даже несмотря на то, что испанский флот был «скорее номинальным, чем реальным», морская война для Соединенных Штатов «могла быть много менее успешной, чем она была».[3] И если в самом начале войны американская печать и государственные деятели заявляли, что Соединенным Штатам все нипочем, «что даже коалиция целой Европы не может устрашить их, потому, что они достаточно сильны», то уже к началу 1899 г. трудности, с которыми американским войскам пришлось встретиться на Филиппинах из-за усиления национально-освободительного движения, «заставили, по словам русского посланника в США, как членов правительства, так и здешнюю прессу значительно понизить свой тон».[4] Теперь Соединенные Штаты во что бы то ни стало хотели избежать столкновения с любой из европейских держав, которое могло привести к нежелательным осложнениям.

Испано-американская война показала, что США не были готовы к войне с великими державами, которая была бы неизбежным следствием всякой попытки разрешить китайскую проблему путем вооруженного вмешательства. Если американские войска приходили в затруднение перед филиппинскими повстанцами, вооруженными подчас одними первобытными пиками и луками, то каков был бы эффект при столкновении с первоклассной европейской армией. Соображения эти не могли

---

[1] Ерусалимский, стр. 577.

[2] Теплов — Ламздорфу 27 V 1898: АВПР, Канцелярия МИД, 1898, д. 113, л. 42.

[3] См. отчет о докладе известного морского теоретика вице-адмирала английского флота Коломба в Британском адмиралтействе 8 III 1899: P. H. Colomb. The Lessons of the Spanish-American War, стр. 422—428 (отдельный оттиск).

[4] Кассини — Муравьеву 15 VI 1899: АВПР, Канцелярия МИД, 1899, д. 110, л.л. 119—120.

не влиять на курс американской политики в Китае и были наряду с движением «антиимпериалистов» немаловажным фактором в провозглашении доктрины «открытых дверей» как средства «мирной» экспансии.

4. РАССТАНОВКА СИЛ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ В КИТАЕ

Мы рассмотрели ряд важнейших предпосылок возникновения доктрины «открытых дверей», связанных с анализом собственно позиций США: расстановку классовых сил — кампания «за Китай» в деловых кругах, с одной стороны, и выступления «антиимпериалистов», с другой; а также военное положение Соединенных Штатов: усиление их позиций на подступах к Китаю и относительную слабость по сравнению с другими державами. Есть еще один аспект — международный, без которого невозможно понять появления доктрины «открытых дверей».

Японо-китайская война, открывшая собой полосу борьбы за раздел Китая, определила на ближайшие годы и расстановку сил капиталистических держав на Дальнем Востоке. Решающее влияние в этом отношении имело совместное выступление в апреле 1895 г. России, Франции и Германии в пользу возврата Ляодуна, под давлением которых Япония вынуждена была уступить. В дальнейшем логика борьбы привела к тому, что Англия объединилась с Японией и Америкой, и таким образом в противовес «Тройственному союзу в Азии», как тогда называли участников апрельского выступления, образовалась англо-американо-японская «коалиция». Правда, формально ни союза, ни коалиции здесь не было, однако известное размежевание сил на Дальнем Востоке, наметившееся с японо-китайской войны, позволяет говорить о наличии двух группировок держав, хотя сплошь и рядом цели участников каждой из указанных группировок не совпадали, а их отношения были далеко не идеальны. Так, например, Россия и Франция были союзниками, а Германия — врагом Франции и ее отношения с Россией отнюдь не отличались сердечностью. При этом союз между Францией и Россией касался только Европы, и в распространении его действия на Дальний Восток французская сторона не была заинтересована. Франция опасалась, что, если Россия увязнет в дальневосточных делах, она оставит без внимания европейский участок, где со дня на день можно было ожидать нападения Германии, на случай которого ей необходима была союзническая помощь России. Но для того чтобы сохранить для себя эту помощь, Франция вынуждена была поддерживать царизм на Дальнем Востоке. Однако, выступая

совместно, в том числе в ряде финансовых предприятий в Китае, русский и французский капитал постоянно конкурировали между собой. Например, когда начались переговоры о концессии на КВЖД, в числе конкурентов Русско-Китайского банка оказались и французские капиталисты, и при этом они были поддержаны французской дипломатией.[1]

Что же касается Германии, то она, в противоположность Франции, поддерживала Россию, для того чтобы царизм отвлек свои силы на Дальний Восток и развязал ей руки в Европе. Вместе с тем необходимо отметить, что ориентация Германии была далеко не односторонней, и это, как увидим, дало даже повод английской дипломатии попытаться вовлечь ее в антирусскую коалицию. Таковы были в самых общих чертах отношения между участниками этой группировки, центральная роль в которой с самого начала принадлежала России.

Инициатива создания противостоящей «коалиции» находилась в руках Англии. Начавшееся со времени японо-китайской войны англо-японское сближение продолжалось на протяжении всего рассматриваемого периода. Именно в эти годы были сделаны первые попытки заключить англо-японский союз, состоявшийся, как известно, несколько позже, в 1902 г.[2]

За рассматриваемые годы Англия добилась значительного сближения и с Соединенными Штатами. После 1895 г., когда отношения между этими державами были крайне напряженными из-за спора по поводу границы между латиноамериканской республикой Венесуэлой и Британской Гвианой, Англия ценой уступки Соединенным Штатам, принявшим сторону Венесуэлы, добилась сдвига в сторону улучшения англо-американских отношений.[3] С этого времени английская печать начинает усиленную кампанию за заключение союза между двумя англосаксонскими странами, а на начало 1898 г. падают и практические попытки заключения такого союза со стороны английского правительства.

Конец 1897—начало 1898 гг. знаменуют собой новый этап в британской политике — этап активных поисков союзника. Этого настоятельно требовали не только дальневосточные дела, но и общее международное положение Англии. Резкое

---

[1] Телеграмма Покотилова 13 IV 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 18, л. 81; Россия в Маньчжурии, стр. 102.

[2] А. Л. Гальперин, ук. соч., стр. 73—74.

[3] См.: Р. Ш. Ганелин. «Доктрина Олни» и ее фальсификация в американской историографии. Вопросы истории, № 7, 1951, стр. 95—101; Б. А. Романов. Очерки, стр. 172; L. M. Gelber. The Rise of Anglo-American Friendship. A study in World Politics (1898—1906). London—N. Y.—Toronto, 1938, стр. 2—3.

обострение отношений с Германией на почве борьбы за раздел Южной Африки, надвигающаяся схватка с Францией из-за верховьев Нила и Египта, наконец серьезные разногласия с Россией на Ближнем и Дальнем Востоке — все это превращало некогда «блестящую изоляцию» Англии в «опасную изоляцию» и побудило английскую внешнюю политику искать новых путей.[1]

В январе 1898 г. британская дипломатия сделала попытку урегулировать англо-русские отношения путем раздела «сфер влияния» в Китае и на Среднем Востоке. Однако переговоры с Россией успехом не увенчались. Ни одна из сторон не проявила достаточного желания пойти на уступки: Англия еще не нуждалась так в союзе с Россией, как это стало через 10 лет, когда ее отношения с Германией достигли крайней напряженности, а царизм не желал отказаться от казавшейся возможной до русско-японской войны реализации широких планов экспансии на Дальнем Востоке.[2]

В тот период наиболее ощутимыми для Англии продолжали оставаться ее противоречия с Россией и Францией, и выход из внешнеполитической изоляции британская дипломатия попыталась найти в союзе с Германией и Америкой против России и Франции. Душой этого «Тевтонского союза», как называли его современники, являлся британский министр колоний Джозеф Чемберлен, представитель крайне империалистического крыла в английском правительстве.[3]

В марте 1898 г. Чемберлен вступил в переговоры с германским послом в Лондоне Гацфельдом и при первом же свидании предложил ему заключить англо-германский союз.[4] Переговоры эти продолжались в течение нескольких недель, но успеха не принесли.

Почти одновременно с этим британская дипломатия начала зондировать Вашингтон с целью выяснить отношение правительства США к англо-американскому союзу. Приступая к переговорам с Соединенными Штатами, Англия имела основание рассчитывать, что ее предложения встретят с американской стороны благоприятное отношение. В конце XIX в. Соединенные Штаты находились еще в финансовой зависимости от Англии. В Китае, например, США не только не имели своего банка, но и, как уже указывалось, их торговля в значительной

---

[1] История дипломатии, т. II, стр. 127.

[2] Б. А. Романов. Очерки, стр. 64; Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945), стр. 99—101.

[3] См.: В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 243.

[4] Подробно об этом см.: Ерусалимский, стр. 509—573.

мере опиралась на английские фирмы. Большая часть американских товаров перевозилась на британских судах, и торговля ими находилась в зависимости от английского кредита. Такое положение несомненно таило в себе постоянный источник разногласий, но вместе с тем было предпосылкой известного единства англо-американских интересов. Вместе с тем Соединенные Штаты стремились к сближению с Англией, рассчитывая совместными усилиями помешать утверждению господства царизма в Маньчжурии, которая была сферой преимущественного интереса американского капитала.

Указанные обстоятельства объясняют, почему наряду с ожесточенной англо-американской конкуренцией в Соединенных Штатах имели место выступления в пользу сближения с Англией. В американской печати то и дело появлялись статьи, пропагандирующие англо-американский союз. Когда осенью 1895 г. распространился слух о том, будто заключен русско-китайский трактат, по которому к России переходит Порт-Артур, газета «Нью-Йорк Трибюн» выступила со статьей, в которой как бы предупреждала, что в случае войны на Дальнем Востоке симпатии США будут на стороне Великобритании и Японии.[1] В дальнейшем, в связи с предоставлением Русско-Китайскому банку концессии на КВЖД, в сентябре 1896 г., наносившей прямой ущерб планам американского железнодорожного строительства в Китае, подобного рода выступления получили уже вполне реальную почву. Новогодний номер органа железнодорожных кругов «Рейлроуд газет» за 1897 г. открывался статьей, в которой содержался призыв объединиться с Англией и выступить против «Тройственного союза в Азии», чтобы «блестящий рынок будущего», каким представлялся Китай, не был «закрыт для Соединенных Штатов навсегда». А несколькими месяцами позже журнал «Форум», оценивая развитие международных отношений на Дальнем Востоке, приходил к выводу, что «современные события складываются так, что две великие мировые державы (США и Англия,—*А. Ф.*) и, возможно, Япония вынуждены будут заключить между собой союз».[2] В последующем, с захватом Германией Цзяочжоу и Россией Порт-Артура, настроения эти еще более усилились. За несколько дней до заключения русско-китайского соглашения об «аренде» Порт-Артура американский посланник в Пекине Денби обратился в Вашингтон с советом заявить России «энергичный протест», чтобы способствовать

---

[1] См.: Mail, London, 28 IX 1895, которая приводит выступление «New York Tribune».

[2] Forum, October, 1897, стр. 41 и сл.

«усилению позиций таких стран, как Япония и Великобритания, которые,— как писал он,— более свободны, чем мы, действовать в таком случае».[1] Пресса высказывалась еще более определенно. «Рейлроуд газет» настаивала на том, что Соединенным Штатам необходимо заключить соглашение с Англией, «великой нацией фритреда», «естественным союзником США на Тихом океане» и «самой могущественной нацией на морях».[2] Американская печать констатировала «полную гармонию» в интересах американцев, японцев и англичан («Ивнинг стар»), заявляла, что вооружения Соединенных Штатов направлены против России («Сан»), призывала помочь англичанам в Маньчжурии («Вашингтон пост»), а в случае войны между Россией и Англией стать на сторону последней и в союзе с Японией «изгнать русских с берегов Тихого океана» («Сан»).[3] Японии пресса напоминала, что Россия была инициатором пересмотра ляодунского вопроса в 1895 г. и заставила ее тогда возвратить Порт-Артур, а теперь захватила его сама.[4]

Из всего этого можно заключить, что, приступая к переговорам с Соединенными Штатами, Англия имела основание рассчитывать встретить с их стороны взаимопонимание. Тем более, что в качестве базы для соглашения английская дипломатия собиралась предложить США уже получившую широкую поддержку в американских деловых кругах доктрину «открытых дверей».

Предлагая Соединенным Штатам совместно выступить с доктриной «открытых дверей», правительство Англии, поощряемое финансовыми и торговыми кругами, стремилось укрепить свое пошатнувшееся положение в Китайской империи путем перенесения центра тяжести борьбы за Китай в сферу торговли, где английский капитал обладал безусловным превосходством. Вместе с тем сама Англия не собиралась никому, в том числе и своему предполагаемому партнеру, Соединенным Штатам, открывать двери своей «сферы влияния». Одобряя правительственные действия в пользу политики «открытых дверей», британский деловой мир в то же время требовал «должного внимания преимущественному праву Англии» в долине Янцзы и «во всех тех договорных портах и поселениях на территории Китая, где преобладают британские ин-

---

[1] Денби — Шерману 8 III 1898 (цит. по: E. H. Zabriskie, ук. соч., стр. 42—43).

[2] Railroad gazette, 6 I 1899.

[3] См. сводки Мертваго, приложенные к рапортам от 16 и 15 III, а также от 19 VIII 1898: ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 35189, л.л. 198, 194, 285, 287.

[4] Army and Navy Journal, 8 I 1898.

тересы и где утвердилась британская торговля и промышленность». Из этого исходило и английское правительство.[1]

В Англии никто не строил себе иллюзий в отношении американской конкуренции, наоборот, экономические успехи Америки, как мы уже видели, серьезно тревожили английский деловой мир, но именно в союзе с Соединенными Штатами был способ нейтрализовать американскую конкуренцию. Сближение с Америкой позволило бы в какой-то степени стабилизировать зависимое от Англии положение американской торговли с Китаем и затормозить начавшееся в те годы движение за самостоятельное представительство американских интересов, за то, чтобы освободить американскую торговлю от уз английского посредничества.

Предлагая Соединенным Штатам политику «открытых дверей», Англия исходила из того, что созданный ею в течение десятилетий аппарат торговых учреждений в Китае будет надежным барьером против американской конкуренции и предохранит от нее английскую «сферу влияния» — Центральный и Южный Китай. Гарантией этому была система Китайских морских таможен, находившихся под контролем Англии и служивших мощным проводником английского влияния, а также пропаганда в печати и многочисленные английские торговые агенты. Вместе с тем Англия была заинтересована в том, чтобы Соединенные Штаты сосредоточили свое внимание на севере Китая, надеясь таким образом столкнуть их с Россией, политика которой мешала реализации планов английской экспансии. В этом заключался традиционный прием британской политики и главная цель принятого английским кабинетом курса на сближение с Соединенными Штатами. Политика «открытых дверей», как отмечал русский посол в Лондоне Лессар, использовалась Англией, как «лучшая почва для совместных действий с Соединенными Штатами в надежде направить их силы и энергию против России».[2]

Таковы были расчеты и мотивы, побудившие английскую дипломатию искать соглашения с Соединенными Штатами на почве дальневосточных дел. Первый практический шаг в этом направлении был сделан в марте 1898 г. Через своего посла в Вашингтоне лорда Паунсефота английское правительство в осторожной неофициальной форме запросило правительство

---

[1] Председатель Ост-Индско-Китайского отделения Лондонской торговой палаты Кезвик — Солсбери 4 I 1899. (Разрядка моя,— *А. Ф.*); Форин оффис — Лондонской торговой палате 12 I 1899: Blue book, 1899, China № 1, стр. 344.

[2] Депеша Лессара 31 VIII 1898: АВПР, Китайский стол, д. 157, лл. 8—9. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

США, не считает ли оно нужным объединиться с Англией в противодействии попыткам других держав нарушить свободу торговли с Китаем. На это занимавший тогда пост государственного секретаря Шерман ответил, что Соединенные Штаты не видят оснований, чтобы заключать союз с иностранной державой и отказываться от своей традиционной политики изоляционизма. Шерман изложил Паунсефоту свою точку зрения относительно американских интересов в Китае, заявив, что, по его мнению, им ничто не угрожает.[1] Однако и после этого английская дипломатия не оставила своих намерений, настойчиво продолжая добиваться соглашения с Соединенными Штатами. Важнейший шаг в этом направлении был сделан во время испано-американской войны. Занимая формально позицию нейтралитета, Англия в действительности приняла сторону Соединенных Штатов. Не скрывая своих симпатий, английский «Таймс» писал в первые дни войны: «Мы будем приветствовать американцев на Филиппинах, но мы не смогли бы безразлично смотреть на захват Филиппин ни Францией, ни Германией, ни Россией».[2] Это заявление полностью соответствовало установке английского правительства.[3] Правда, британская дипломатия, следуя принципам двойной игры, настойчиво провоцировала европейские державы и в особенности Германию выступить против США, но делала это исключительно для того, чтобы скомпрометировать их перед Соединенными Штатами, представив себя в противоположном свете. Когда в середине мая 1898 г. Германия выдвинула план раздела Филиппин, либо, в случае его неосуществимости, предложила английскому правительству совместно отстаивать нейтрализацию островов путем мандатной гарантии великих держав, Англия, отклонив германское предложение, сообщила о нем в Вашингтон. В американской прессе тотчас поднялась кампания против германских притязаний, причем наиболее резкие корреспонденции американских газет приходили из Лондона.[4]

На протяжении всей войны английская печать муссировала слухи о том, что континентальные державы Европы создали коалицию для противодействия Америке и что если до сих пор не состоялось вооруженного вмешательства в пользу Испании, то «только благодаря энергичному протесту английского правительства и угрозе его — не допустить этого вмешательства».[5] За всем этим скрывалось стремление подвести Соединенные

[1] Шерман — Уайту 17 III 1899 (A. Dennis, ук. соч., стр. 170—171).
[2] См.: Международные отношения, стр. 111.
[3] Б. А. Романов. Очерки, стр. 176, 179.
[4] Ерусалимский, стр. 583—584, 588—589.
[5] Рутковский — Витте 2 VI 1898: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 6, д. 992, л. 123.

Штаты к необходимости англо-американского союза. «Ход событий,— писал в разгар войны «Таймс»,— вынудит Соединенные Штаты, Великобританию и Японию вступить в союз, в целях противовеса коллективным усилиям Франции, Германии и России на Дальнем Востоке».[1]

После окончания войны английская дипломатия попыталась реализовать свои расчеты и с этой целью в начале сентября 1898 г. в Америку отправился Джозеф Чемберлен. Еще во время войны в своей знаменитой бирмингамской речи Чемберлен, бросая вызов континентальным державам Европы, воспевал те времена, когда «звездное знамя Америки будет развеваться рядом с британским „Юнион Джеком"».[2] Теперь ему предстояло сделать и практический шаг в этом направлении. 7 сентября 1898 г. Чемберлен ступил на американский берег, но на вопрос корреспондентов о целях его визита заявил, что единственное его намерение — навестить родственников жены, проживающих в Бостоне. Повидимому, эта версия понадобилась Чемберлену потому, что и теперь полной уверенности в успехе переговоров с Америкой не было, хотя по сравнению с мартом 1898 г., когда Англия впервые предложила Соединенным Штатам союз, многое здесь переменилось. К этому времени произошла смена руководства в Государственном департаменте: Шерман был уже в отставке, а место его преемника Дэя должен был со дня на день занять бывший посол в Англии и признанный англофил Джон Хэй. «Г. Хэй — открытый сторонник англо-американского соглашения,— отмечал русский посланник в Вашингтоне Кассини,— и назначение его на пост статс-секретаря является знаменательным симптомом тех направлений, которые господствуют в Белом доме». Кассини сообщал любопытную подробность о том, что в бытность свою послом в Англии Хэй являлся «душой влиятельной общественной группы молодых американских дам, [бывших] замужем за выдающимися лицами английского административного мира» (Чемберленом, Керзоном и др.), которые, по его словам, «имели значительное влияние на сближение, происшедшее между двумя странами».[3] Повидимому, поездка Чемберлена была специально приурочена к назначению Хэя на пост государственного секретаря, в расчете на то, что англофил Хэй пойдет навстречу британским предложениям о союзе. Однако это

---

[1] Цит. по: J. K. Eyre. Japan and the American Annexation of the Philippines. Pacific Historical Review, March, 1942, стр. 60.

[2] См.: Э. Галеви. История Англии в эпоху империализма, т. I. М., 1937, стр. 47.

[3] Кассини — Муравьеву 20 VIII 1898: АВПР, Канцелярия МИД, 1898, д. 114, л. 243.

не оправдалось, и Чемберлену пришлось довольствоваться лишь частной стороной своего визита в Америку. В Вашингтоне английские авансы попрежнему встречали сдержанный прием, и Хэй, несмотря на свое англофильство, уклонялся от заключения союза, ссылаясь на неизбежную оппозицию в конгрессе США.[1]

Для достижения соглашения с Америкой Англия решила использовать и такой рычаг, как деловые круги, заинтересованные в совместных англо-американских предприятиях в Китае. Этой цели служило изложенное выше соглашение между британской фирмой «Бритиш энд Чайниз корпорейшн» и «Американ Чайна дивелопмент компани» о сотрудничестве в железнодорожном строительстве в Китае, согласно которому каждая из сторон должна была обеспечить совместным англо-американским предприятиям поддержку своих правительств, что должно было de facto привести к согласованному образу действий между Англией и США.[2] В этой же связи следует рассматривать и предпринятую почти одновременно с визитом английского министра колоний Чемберлена в Америку миссию адмирала лорда Чарльза Бересфорда — представителя Объединения британских торговых палат — в Китай, Японию и США. Несомненно, что поездка Бересфорда была предпринята им если не по заданию, то с одобрения английского правительства, хотя последнее и утверждало впоследствии в парламенте, что Бересфорд является лишь уполномоченным британских торговых палат,[3] тогда как хорошо известно, что в свое путешествие он отправился, предварительно получив согласие членов Адмиралтейства.[4]

Миссия Бересфорда носила характер агитационной поездки. Путешествуя в течение трех с половиной месяцев по Китаю, Бересфорд выступал перед представителями английских и американских торговых фирм, призывая к единению англо-американских интересов. Английский лорд произносил громовые речи в адрес России и Франции, которых он винил в нарушении «свободы торговли» в Китае, и говорил о необходимости объединения Англии, Америки, Германии и Японии под зна-

---

[1] См.: Кассини — Муравьеву 15 IX 1898: АВПР, Канцелярия МИД, 1898, д. 114, л.л. 260—261.

[2] См. стр. 61 настоящей работы.

[3] А. Л. Гальперин, ук. соч., стр. 72.

[4] Донесение агента Министерства финансов в Лондоне 17 IX 1898: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 29, д. 70, л.л. 5—6. Подробно о миссии Бересфорда см. специальную статью А. С. Ерусалимского «Из истории империалистической политики Англии на Дальнем Востоке в конце XIX века» (Вопросы истории, № 5, 1951). Сам Бересфорд опубликовал о своей поездке подробный отчет: Ch. Beresford. The break-up of China, London—N. Y., 1899.

менем политики «открытых дверей».[1] Государственному секретарю Хэю он писал тогда, что «очень надеется на то, что в близком будущем предложенный коммерческий союз между Великобританией и Америкой в отношении „открытых дверей" в Китае станет совершившимся фактом».[2] После пребывания в Китае Бересфорд отправился в Японию, где он провел почти месяц. Во время поездки по Японии Бересфорд уделял большое внимание осмотру судостроительных верфей, доков, морских баз, арсеналов и армейских частей. Этой стороной дела он интересовался и в Китае, где подробно знакомился с состоянием китайской армии, и в результате пришел к выводу, что для гарантии политики «открытых дверей» необходима сильная китайская армия и флот во главе с японскими инструкторами.[3] Повсюду Бересфорда принимали как желанного гостя, высказываясь в поддержку пропагандировавшихся им взглядов. «Мой визит в Японию,— писал Бересфорд,— оставил во мне впечатление, что политические и торговые круги полны решимости сохранить „открытые двери" в Китае».[4] Перед отбытием из Японии Бересфорд был удостоен аудиенции у японского императора, выразившего лорду свое одобрение. Обратно в Англию Бересфорд возвращался через Соединенные Штаты. В течение двух недель, которые он провел в Америке, Бересфорд побывал в Сан-Франциско, Чикаго, Буффало, Вашингтоне и Нью-Йорке, присутствовал на устроенном Американо-Азиатской ассоциацией в его честь обеде, посетил Нью-Йоркскую торговую палату и в качестве почетного гостя был приглашен на банкет к государственному секретарю Хэю. Бересфорд много выступал, преимущественно перед собраниями деловых кругов, и агитировал за доктрину «открытых дверей». Пропагандой этого лозунга, нашедшего широкую поддержку в Соединенных Штатах, Бересфорд рассчитывал проложить путь к англо-американскому соглашению. Действительно миссия Бересфорда оказала немалое воздействие на американские деловые круги, подогрев еще более их интерес

---

[1] Еще накануне отъезда из Лондона Бересфорд посетил посольства Америки и Германии, а также японскую миссию, где излагал свой проект англо-американо-германо-японского торгового союза «на всем пространстве Крайнего Востока» (донесение агента Министерства финансов в Лондоне 17 IX 1898: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 29, д. 70, л. 6).

[2] Бересфорд — Хэю 29 XI 1898 (цит. по: A. Dennis, ук. соч., стр. 186).

[3] А. Л. Гальперин, ук. соч., стр. 71—72. Предложение Бересфорда не было поддержано английским правительством и было встречено отрицательно в Вашингтоне (см.: Рокхилл — Хэю 28 VIII 1899; цит. по: A. Dennis, ук. соч., стр. 210).

[4] Ch. Beresford, ук. соч., стр. 421.

к Китаю, однако по отношению к союзу с Англией в Соединенных Штатах и теперь заметного сдвига не произошло.[1]

В январе 1899 г. Англия через своего посла в Вашингтоне Паунсефота сделала еще одну попытку завязать с Соединенными Штатами переговоры о союзе, предварительно уступив им в вопросе о строительстве канала между Тихим и Атлантическим океаном. Однако и на этот раз успеха достигнуто не было.[2]

Таким образом, все попытки Англии добиться формального союза с Америкой не дали желаемого результата. На пути к англо-американскому союзу стоял целый ряд препятствий. Здесь была и известная дань американскому изоляционизму, и нежелание правящей республиканской партии дать в руки своим партийным противникам — демократам — повод для нападок и возбуждения сильного в американском народе со времен борьбы за независимость и Гражданской войны чувства вражды к Англии, а главное — противоречия, развернувшиеся в то время на почве борьбы за раздел мира, мировую торговую и промышленную гегемонию.

В Соединенных Штатах были «значительные и очень влиятельные группы», враждебно настроенные к союзу с Англией.[3] Поэтому наряду с агитацией в пользу англо-американского сближения в Америке имели место и антианглийские выступления. «Первостепенный интерес Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, как и всех континентальных наций (Европы,— *А. Ф.*),— писала нью-йоркская газета «Ивнинг сан»,— разрушить британское господство... Инстинкт подсказывает в Англии универсального конкурента, следовательно, естественного и неизбежного врага повсюду».[4] Подобного рода высказывания часто можно было слышать и со стороны американских представителей в Китае. Несмотря на «безмерную сентиментальность», которую Англия словесно выражала в адрес Соединен-

---

[1] Рокхилл — Хэю 28 VIII 1899 (цит. по: A. Dennis, ук. соч., стр. 208—209).— Записка Рутковского 6 V 1901: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 584, л. 51.

[2] A. W. Griswold, ук. соч., стр. 50. В декабре 1898 г. английское правительство сообщило США, что оно готово пересмотреть договор Клейтон—Бульвера 1850 г., по которому Англия имела равное с Америкой право на сооружение канала между Тихим и Атлантическим океаном, соглашаясь теперь предоставить Соединенным Штатам монопольное право в этом отношении. Тогда же по этому вопросу начались переговоры, окончательно завершившиеся только в 1901 г. (см.: В. Я. Аварин. Борьба за Тихий океан, стр. 120, а также: L. M. Gelber, ук. соч., стр. 41—42).

[3] Де Воллан — Муравьеву 26 V 1898: АВПР, Канцелярия МИД, 1898, д. 114, л. 178.

[4] Evening sun, 7 III 1898.

ных Штатов, «неумолимым фактом», по словам посланника США в Пекине Денби, оставалось то, что она «смотрит на все вопросы в свете своих собственных интересов».[1] Американские консулы жаловались на то, что английские торговые агенты в Китае при всяком удобном случае стремятся дискредитировать американскую продукцию.[2] «Англичане систематически столько захватывали и подчиняли своему контролю в Китае, что практически они являются хозяевами страны,— писал командир флагмана Азиатской эскадры США Джон Рид.— Они контролируют торговлю, газеты, порты и политику...».[3]

В Америке единодушно поддерживали идею провозглашения доктрины «открытых дверей», но высказывались против того, чтобы делать это совместно с Англией, так как последняя скомпрометировала себя участием в разделе Китая: захватила «сферу влияния» в долине Янцзы и «арендовала» Вейхайвей. Особенно же усилились подобного рода выступления после того, как в апреле 1899 г. Англия заключила с Россией соглашение о разделе сфер железнодорожного строительства в Китае, по которому, уступив России всю область к северу от Великой Китайской стены, она закрепила за собой остальную часть Китая.[4] Выступая с речью перед Нью-Йоркской торговой палатой, Баррет заявил, что этот шаг со стороны Англии ставит ее «безвозвратно» в число тех, кто признает раздел Китая, и что только Соединенные Штаты последовательно выступают за свободу торговли.[5] «Как, имея перед собой пример Египта и Индии, кто-либо мог поверить, что Англия хочет сохранить целостность Китайской империи,— спрашивала тогда «Сан-Франциско Кроникл».— Каждый шаг Великобритании ясно показывает, что крик об „открытых дверях" порожден стремлением подольститься к американцам и протащить свои собственные планы. Наша главная задача обратить внимание на тот факт, что Великобритания настойчиво пытается использовать Соединенные Штаты в качестве пешки в большой шахматной игре на международной арене».[6]

Но правительство США отнюдь и не собиралось стать орудием британской колониальной политики и если где и шло на

---

[1] Денби — Шерману 2 IV 1897 (цит. по: V a g t s, стр. 996)

[2] См. настоящую книгу, стр. 83.

[3] Army and Navy Journal, 8 I 1898.

[4] Текст соглашения см.: Э. Д. Г р и м м. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927, стр. 137—138.

[5] C a m p b e l l, Special, стр. 52.

[6] San Francisco Chronicle, 15 VII 1899 (цит. по: North China Herald, 28 VIII 1899).

сближение с Англией, то делало это исключительно в собственных интересах. Прав был Кассини, когда говорил, что «до согласия следовать в свите Великобритании и таскать для сей последней каштаны из огня, будь то на Дальнем Востоке или в другом месте, весьма далеко».[1] США были заинтересованы в том, чтобы в нужный момент располагать английской поддержкой, и могли рассчитывать на это, не связывая себя какими-либо обязательствами по формальному соглашению.

То же самое нужно сказать и об отношениях США с Японией. Наличие противоречий между двумя странами, развившихся через несколько десятилетий в военный конфликт, уже тогда начинало давать себя чувствовать. Уже тогда сказывался просчет американской политики, прежде не учитывавшей самостоятельного значения Японии. В конце XIX в. японская промышленная продукция вступает в конкуренцию с продукцией США в Китае. Продукция текстильных компаний Осака приходит в столкновение с американским текстилем. Процесс этот значительно обострился после японо-китайской войны, когда на базе происшедших в текстильном производстве Японии сдвигов возрос выпуск хлопчатобумажных товаров и увеличился экспорт японских изделий в Китай. Для характеристики роста хлопчатобумажного экспорта Японии достаточно сказать, что ввоз японской пряжи в Китай за период с 1895 по 1897 г. вырос в 12 раз.[2] Американские промышленники,— писал русский дипломат Сомов из Вашингтона,— «не без трепета смотрят на усиливающееся экономическое развитие Японии».[3] Благодаря дешевизне рабочей силы, небольшим затратам на фрахт и субсидиям, которые правительство предоставляло осакским фабрикантам,[4] Япония могла продавать свои изделия по более низким ценам, чем США, и тот же Сомов отмечал, что «дешевизна японских товаров привела в ужас торговый мир Америки».[5] В связи с этим в конгрессе США и

[1] Кассини — Муравьеву 20 VIII 1898: АВПР, Канцелярия МИД, 1898, д. 114, л. 244.

[2] Дж. Орчард. Экономическое развитие Японии. М.—Л., 1933, стр. 146.

[3] Сомов — Лобанову-Ростовскому 15 XI 1895: АВПР, Канцелярия МИД, 1895, д. 114, л. 137.

[4] В 1897 г. правительственная субсидия составила 3 млн иен [см. донесение русского консула в Шанхае Дмитревского Ковалевскому 28 III 1898 (примечания консула к «Отчету управляющего Статистическим отделом Главного управления таможен в Китае за 1897 г.»): ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 5, д. 45, л. 84].

[5] Сомов — Лобанову-Ростовскому 15 XI 1895: АВПР, Канцелярия МИД, 1895, д. 114, л. 136. Японская пряжа конкурировала с американскими хлопчатобумажными товарами не столько непосредственно, сколько в виде тканей, изготовляемых из нее китайскими фабриками. Благодаря

американской печати начали раздаваться голоса об опасности японской конкуренции и угрозе японской экспансии. Интересы США и Японии нередко сталкивались в бассейне Тихого океана, и военно-морские круги были обеспокоены тем, как бы Япония с усилением своего флота не возобладала над Тихим океаном и не изгнала оттуда Соединенные Штаты.[1] А адмирал Дьюи был почти пророком, когда после сражения при Маниле 1 мая 1898 г. говорил Баррету, находившемуся на борту флагманского судна в качестве корреспондента, что через 40—50 лет японская морская эскадра «точно так же», как это сделали американцы в отношении Испании, войдет в Манилу и потребует у США сдать Филиппины в целях включения их в будущую «Великую тихоокеанскую империю Японии», а затем перейдет и к завоеванию Китая.[2]

Однако в рассматриваемый период японо-американские отношения характеризовались скорее единством интересов, чем разногласиями: противоречия между Америкой и Японией носили зачаточный характер и их влияние на отношения между двумя странами не было решающим.

Япония была заинтересована в сотрудничестве с Соединенными Штатами на Дальнем Востоке, надеясь втянуть Америку в блок против России. С этой целью она, как и Англия, во время испано-американской войны заняла в отношении США позицию благоприятного нейтралитета. Японские официальные лица и пресса сразу же дали понять, что Япония не станет возражать, если Америка присоединит Филиппины. Единственное «опасение», которое возникало при этом,— не помешает ли Соединенным Штатам та же самая «лига держав», которая заставила в свое время Японию вернуть Ляодун, и не нужно ли в противовес ей создать англо-американо-японский союз. «Урок Ляодуна,— писала пресса,— не должен быть забыт и, прежде чем Тройственный союз сможет что-либо предпринять в отношении Филиппин, должен быть создан союз для противодействия ему».[3] Памятуя об услугах, оказанных американской дипломатией Японии во время ее войны с Китаем, японская дипломатия теперь стремилась помешать европейским

дешевизне японской пряжи и почти даровой рабочей силе, которой Китай располагал в еще большем изобилии, чем Япония, себестоимость производства тканей на китайских предприятиях была много ниже американской, и китайские ткани успешно конкурировали с американскими изделиями, по крайней мере, в грубых сортах (Дмитревский — Ковалевскому 28 III 1898: ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 5, д. 45, л. 84).

[1] Army and Navy Journal, 30 X 1897.

[2] См.: J. K. Eyre, ук. соч., стр. 71.

[3] Там же, стр. 59—62. Враждебные США выступления в японской прессе хотя и имели место, но были крайне немногочисленны.

державам организовать коллективное вмешательство в испано-американский конфликт.

Соединенные Штаты с удовлетворением принимали эти авансы Японии, но решительно отвергали всякого рода попытки формального объединения с ней. Так, например, правительство США отклонило японское предложение об установлении совместного протектората над Филиппинами, усмотрев в этом недвусмысленное поползновение принять участие в разделе Филиппинских островов. Но в отличие от аналогичной попытки Германии, когда в прессе была поднята целая антигерманская кампания, японское предложение встретило в Вашингтоне лишь вежливый отказ.[1] В правительственных кругах не могли не тревожиться по поводу японской политики в Тихом океане и растущей военной силы Японии, но тревоги эти отступали на задний план перед желанием видеть в лице Японии «противовес России на Дальнем Востоке».[2] Генеральной линией политики Японии была подготовка к войне с Россией, и это находило не только одобрение, но и поддержку со стороны Соединенных Штатов.[3]

Таким образом, отказываясь от заключения формального союза с Англией и Японией, США готовы были действовать заодно с ними на почве борьбы с «Тройственным союзом в Азии» и в первую очередь с Россией, которая была главным препятствием в осуществлении планов экспансии Японии, Англии и Соединенных Штатов. «Джорнал оф Коммерс» осведомленно разъяснял тогда, что правительство США «вполне сочувствует необходимости совместных действий». Соединенные Штаты рассчитывали, что вместе с Англией и Японией их «морская мощь» будет достаточной, для того чтобы «если ситуация потребует от них демонстрации... она была эффективной и без применения артиллерии».[4]

---

[1] J. K. Eyre, ук. соч., стр. 63—65. Почти одновременно с этим японское правительство предложило Соединенным Штатам объединить японские и американские деловые предприятия в Корее и Китае, на что также получило отказ [см.: P. J. Treat. Diplomatic Relations between the United States and Japan (1895—1905). Stanford, 1938, стр. 85].

[2] H. F. Pringle. Theodore Roosevelt. A biography, стр. 373 (цитируется письмо Рузвельта Штернбургу 17 I 1898). Ср. высказывание Рузвельта о «полезном взаимоистреблении двух наций» во время русско-японской войны (Б. А. Романов. Очерки, стр. 495).

[3] В эти годы на верфях Америки было выстроено 2 крейсера для японского флота — «Шитозе» и «Касаги». В январе 1898 г. при спуске судов на воду присутствовали морской министр США Лонг и командующий американской армией генерал-майор Майлз, что нельзя было расценить иначе, как знак солидарности с Японией (см. рапорт Мертваго 9 I 1898: ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 35189, л. 144).

[4] Цит. по: North China Herald, 11 XII 1898 и 30 I 1899.

Реальную возможность совместных действий Америки, Англии и Японии вполне оценивали и в европейских политических кругах. Перспектива англо-американо-японского союза начинала всерьез тревожить правительство России, и Министерство иностранных дел предписало своему посланнику в Вашингтоне «бдительно следить за отношением Соединенных Штатов и Великобритании к Японии».[1] Точку зрения Министерства иностранных дел вполне разделял и министр финансов Витте, практически руководивший в те годы политикой царизма в Китае. Оценивая международное положение на Дальнем Востоке в конце 1898 г., Витте придавал первостепенное значение сближению между США, Англией и Японией. В беседе с германским послом в Петербурге Радолином Витте говорил, что он «в первую очередь предвидит завоевательную англо-американскую политику, к которой может присоединиться Япония». Правда, Витте отдавал себе отчет в том, что в конце концов Англия и Америка столкнутся друг с другом, и говорил Радолину, что «в более далеком будущем вопрос заключается в том, чтобы узнать, кто над кем одержит победу, Англия над Америкой или Америка над Англией».[2] Вопрос, который Витте ставил перед Радолином, давно беспокоил и германское Министерство иностранных дел. Начиная с испано-американской войны, в Берлине, так же как и в Петербурге, пристально следили за отношением между Англией, США и Японией. Правда, здесь мало верили в возможность заключения союза между этими странами, но тем не менее задавались вопросом, не предложить ли Соединенным Штатам вступить в союз с Германией и тем самым предотвратить всякую возможность их блока с Англией и Японией. А на случай, если бы США решили пойти на союз с Англией, готовились предупредить это угрозой со своей стороны немедленно заключить союз с Россией и Францией.[3]

Как известно, такого союза ни в рассматриваемые годы, ни позднее заключено не было, в связи с этим не вставал вопрос и об ответных мерах. Однако наличие двух группировок держав на Дальнем Востоке было фактом. С этим нельзя было не считаться, и из этого несомненно исходили Соединенные Штаты, принимая решение выступить с доктриной «открытых дверей». Располагая поддержкой Англии и Японии, США имели

---

[1] Муравьев — Кассини 10 II 1898: Красный архив, т. 52, М.—Л., 1932, стр. 138.

[2] Радолин — Гогенлоэ 20 XII 1898: GP, Bd. XV, № 4232.

[3] Возможность союза между США и Англией особенно беспокоила германскую дипломатию: см. инструкцию Рихтгофена (и. о. статс-секретаря МИД) Гацфельду (послу в Лондоне) 6 VII 1898: GP, Bd. XV, № 4154.

основание рассчитывать на то, что и другие державы вынуждены будут признать эту доктрину.

Однако, принимая наличие указанных группировок держав, представляется неправильным объяснять их существование различным отношением каждой из группировок к вопросу о «свободе торговли» в Китае, как это делает американский историк Деннет.[1] С этим трудно согласиться, так как, например, Англия, выступая за «свободу торговли», держала на крепком замке свою «сферу влияния» — долину Янцзы и в то же время Германия, оградившая себя исключительными правами в провинции Шаньдун, была сторонницей «свободы торговли» в остальных областях Китая и, в частности, в долине Янцзы. Нельзя согласиться и с другим утверждением Деннета, будто англо-американо-японская «коалиция» спасла Китай от раздела.[2] Как известно, Англия и Япония были самыми активными участниками раздела Китая, а планы Соединенных Штатов отличались еще бóльшими масштабами, чем планы европейских держав, и если они не были реализованы, то отнюдь не по причине приверженности США принципам «свободы торговли», а из-за того, что это оказалось им не под силу. Поэтому необходимо сказать, что роль англо-американо-японской «коалиции» в спасении Китая от раздела была ничуть не большей, чем роль России, Германии и Франции. Создавшееся с образованием указанных группировок «равновесие сил» капиталистических держав в Китае, а также рост национально-освободительного движения не позволили державам пойти дальше по пути раздела Китайской империи. Эти же факторы в конечном итоге обусловили и признание доктрины «открытых дверей» со стороны держав, принимавших участие в борьбе за раздел Китая.

---

[1] T. Dennett, ук. соч., стр. 635, 640.
[2] Там же, стр. 679.

ГЛАВА IV

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ДОКТРИНЫ «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЬ 1900 г.

Под влиянием выступлений деловых кругов вопрос о гарантиях американскому капиталу благоприятных условий эксплуатации китайского рынка был поставлен на повестку дня дальневосточной политики США. В результате войны с Испанией и захвата Филиппин Соединенные Штаты заняли ключевые позиции в преддверии Китая и получили «сильный голос» в дальневосточных делах. Но из-за оппозиции в самих США (движение «антиимпериалистов») и из-за относительной военной слабости по сравнению с другими державами Соединенные Штаты не могли стать на военный путь, а вынуждены были прибегнуть к средствам «мирного» завоевания Китая. Наконец, сложившаяся на Дальнем Востоке англо-американо-японская коалиция давала Соединенным Штатам известные гарантии международной поддержки. При таких условиях в августе 1899 г. в Соединенных Штатах и было принято решение выступить с доктриной «открытых дверей».

Решение это стояло в прямой связи с дальнейшим развитием событий в Китае. Налицо были новые попытки раздела Китайской империи: весной 1899 г. Италия потребовала себе в «аренду» китайскую бухту Сан Мынь (провинция Чжэцзян),[1]

---

[1] «Для важных интересов Америки в Тихом океане теперь создается угроза»,— реагировал «Джорнал оф Коммерс» на первое сообщение об ультиматуме Италии Китаю (Journal of Commerce, 7 III 1899; цит. по: Campbell, Special, стр. 49). Требование Италии на бухту Сан Мынь реализовано не было. После того как итальянское Министерство иностранных дел уже телеграфировало инструкцию с требованием на Сан Мынь, в Риме вдруг стали бить отбой, так как, повидимому, поняли, что реализовать свой ультиматум Италия не сумеет из-за отсутствия необходимых сил и надлежащей поддержки со стороны держав. Поэтому вслед за указанными инструкциями в тот же день посланнику в Пекине Мартино отправили

тогда же распространился слух, будто готовится захватить военно-морскую базу и Австро-Венгрия, наконец, в конце апреля 1899 г., было заключено уже упоминавшееся русско-английское соглашение о разделе сфер железнодорожного строительства в Китае. Все это дополнялось тревожными симптомами со стороны антиимпериалистического движения, принимавшего с каждым днем все более угрожающие размеры. «Мы должны овладеть этим рынком,— писал тогда близкий к Американо-Азиатской ассоциации сенатор Фрай,— ибо в противном случае там произойдет революция».[1]

Приняв решение выступить, правительство США поручило формулирование соответствующего обращения к державам американскому дипломату Рокхиллу, который, по словам Теодора Рузвельта, являлся «автором и крестным отцом» дальневосточной политики США.[2] По свидетельству русского финансового агента в Нью-Йорке Рутковского, Рокхилл пользовался «неограниченным доверием» Белого Дома и без него «не разрешался ни один вопрос, касающийся Китая».[3] В течение лета 1899 г. Рокхилл вел оживленную переписку по вопросу о перспективах политики США в Китае с чиновником Китайских

другую телеграмму: «Не принимайте никаких мер. Ожидайте категорических инструкций». Но первая телеграмма была большой, зашифрована сложным шифром, и она пришла значительно позже второй. А так как дата на телеграммах была одна и та же и инструкции первой самые категорические, то Мартино принял ее за разъяснение второй, явился в Цзунли ямынь и вручил ультиматум. В Риме от этого пришли в такое бешенство, что предписали посланнику немедленно оставить Пекин, сдав дела и миссию «в том виде, в каком они находились», английскому посланнику Макдональду. «Во всем дипломатическом корпусе, — писал русский финансовый агент в Китае Позднеев,— такое распоряжение произвело в высшей степени странное впечатление. Никто не мог привести случая, чтобы одна держава сдала другой свои неопечатанные дипломатические архивы, тем более, что в Пекине известны попытки Италии освободиться от английской зависимости». «Получив в свое заведывание Итальянскую миссию,— сообщал далее Позднеев,— сэр Клод Макдональд сейчас же отсрочил на неопределенное время свой уже окончательно назначенный отъезд и принялся хозяйничать в миссии». На следующий день он явился в Цзунли ямынь и сообщил китайским министрам о «конце итальянского дела». Макдональд заявил, что «к такому концу требование Италии приведено единственно благодаря стараниям и заступничеству его, сэра Клода», рекомендовал Китаю «держаться на стороне Англии и ей вполне довериться» (Позднеев — Витте 21 III 1899: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 800, л. 17).

[1] Journal of Commerce, 21 III 1899 (цит. по: Campbell, Special, стр. 49).

[2] Цит. по: А. Ф. Добрынин. США и независимость Кореи 1904—1905 гг. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. IV, № 4, М., 1947, стр. 347.

[3] Рутковский — Романову 14 VI 1902: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 584, л. 73.

морских таможен англичанином Хиппсли, знакомство с которым он поддерживал еще с 1884 г. Свои и Хиппсли соображения на этот счет Рокхилл представил Государственному департаменту и получил в ответ поручение составить проект обращения к державам.[1]

В основу составленного Рокхиллом проекта американской дипломатической ноты легла формулировка, предложенная Хиппсли. Из этого, однако, еще не следует, как утверждают Канторович или американский историк Грисуолд, что доктрина «открытых дверей» была инспирирована Англией.[2] Нельзя отрицать участия Хиппсли в деле формулирования доктрины, но невозможно считать его роль решающей в появлении этой доктрины в свет.

Подлинным инициатором провозглашения доктрины «открытых дверей» были капиталистические круги Америки, выдвинувшие гарантию «открытых дверей» в Китае в качестве первостепенного требования своей программы еще в начале 1898 г., задолго до того, как этот вопрос стал обсуждаться в переписке Рокхилла и Хиппсли. Небезынтересно отметить в этой связи, что Рокхилл, которому была поручена выработка ноты, был теснейшим образом связан с заинтересованной в Китае Американо-Азиатской ассоциацией. Рокхилл переписывался и встречался с президентом Ассоциации Э. Фрэзером, с руководящим деятелем Ассоциации и ведущей фигурой в «Американ Чайна дивелопмент компани» К. Кэри, с редактором «Джорнал оф Коммерс» Джоном Фурдом и др.[3] Впоследствии, в октябре 1899 г., Рокхилл и сам вступил в ряды Американо-Азиатской ассоциации. В момент выработки ноты об «открытых дверях» он писал Фурду: «Я куда-то задевал программу Ассоциации. Не могли бы вы прислать мне два или три экземпляра ее, так как я очень хочу показать программу Ассоциации некоторым лицам, которые глубоко заинтересованы в дальневосточном вопросе».[4] Таким образом, формулируя проект ноты об «открытых дверях», Рокхилл и Хиппсли имели перед собой программный документ, составленный в штабе монополистического капитала США.

---

[1] См.: Хэй — Рокхиллу 24 VIII 1899 (цит. по: A. W. Griswold. ук. соч., стр. 73).

[2] Канторович, стр. 117. — A. W. Griswold, ук. соч., гл. II.

[3] Campbell, Special, стр. 54

[4] Повидимому, Рокхилл имел при этом в виду Хиппсли. Письмо датировано 18-м, а проект американской ноты был составлен Рокхиллом 28 августа (Campbell, Special, стр. 54). В этой связи совершенно безосновательным представляется утверждение американского историка Варга, что Рокхилл «не имел никакого особенного интереса в продвижении американского бизнеса» (P. Varg, ук. соч., стр. 29).

В пользу американского происхождения доктрины «открытых дверей» говорит и историческая традиция политики США в Китае. Доктрина эта не была чем-либо новым для американской дипломатии. Принцип «наиболее благоприятствуемой нации», служивший основой политики США в Китае на протяжении всего XIX в., положен был и в основу данной доктрины, рассчитанной на то, чтобы закрепить за Соединенными Штатами равную с другими державами возможность эксплуатировать Китай. Причем не был новым и сам термин «открытые двери». С ним встречаемся мы уже в ранних дипломатических документах США. Термин «открытые двери» употреблялся, в частности, уже в инструкции, данной американскому уполномоченному Кашингу для заключения первого американо-китайского договора (1844 г.).[1] Доктрина «открытых дверей» развивала принцип «наиболее благоприятствуемой нации» применительно к новым историческим условиям.

Представленный Рокхиллом проект обращения к державам был одобрен президентом США, и 6 сентября 1899 г. государственный секретарь Хэй, по имени которого доктрину «открытых дверей» нередко называют и «доктриной Хэя», обратился через американских дипломатических представителей в Лондоне, Петербурге и Берлине к соответствующим правительствам с нотами, в которых были изложены американские предложения. Несколько позже такие же ноты были посланы правительствам Франции, Японии и Италии. При некоторых расхождениях в тексте их содержание было почти тождественным. Конкретные предложения американской ноты сводились к желанию получить от каждой из вышеупомянутых держав заверение в том:

«1) Что она не будет никоим образом затрагивать прав договорных портов или узаконенных (vested) интересов в пределах так называемой „сферы интересов" или арендованной территории, которые она может иметь в Китае.

«2) Что действующий китайский договорный тариф будет одинаково применяться во всех портах, находящихся в пределах упомянутой „сферы интересов" (за исключением порто-франко), ко всем товарам независимо от национальной принадлежности. Что взимаемые таким образом пошлины должны взыскиваться китайским правительством.

---

[1] Термин «открытые двери» встречается и еще ранее. В связи с посылкой в Китай первого американского военного судна, фрегата «Конгресс», в 1818 г. одна из вашингтонских газет высказала пожелание об «открытии дверей» Китая (см.: L. C. Dunn. The United States Navy and Open Door policy. United States Naval Institute proceedings, v. 75, January, 1949, стр. 56).

«3) Что в портах, находящихся в пределах этой „сферы", она будет взимать не более высокие портовые сборы с судов иной национальности, чем с судов своей собственной, и что на железных дорогах, построенных, контролируемых или эксплуатируемых в пределах ее „сферы", не будут установлены более высокие тарифные ставки на товары, принадлежащие подданным или гражданам других национальностей, чем те, которые взимаются за подобные же товары, принадлежащие собственным гражданам данной державы и перевозимые на равные расстояния».[1]

На первый взгляд американские предложения выглядели оборонительным средством и были направлены как будто лишь против дискриминации торговых интересов США. Однако уже в направленной 6 сентября инструкции послу в Лондоне Чоту, значительная часть которой вошла затем во вводную часть ноты, врученной 22 сентября американским послом английскому премьеру и министру иностранных дел Солсбери, указывалось, что «свободу торговли» в Китае США рассматривают не только как средство «сохранить свое положение на китайском рынке», но также и как способ «расширить в будущем их (т. е. американские и английские,— *А. Ф.*) операции» в Китае.[2] При условии равных возможностей в китайской торговле, опираясь на свое экономическое превосходство, Соединенные Штаты имели все основания рассчитывать со временем установить и свое преобладание в Китае. Видный американский миссионер Джелбер Рейд писал тогда, что политика «открытых дверей» является средством «распространить американскую торговлю абсолютно на весь Китай».[3] «Соединенные Штаты стремятся монополизировать торговлю с Китаем»,— отмечал тогда же германский дипломат Дерениталь.[4] Таким образом, при самом ее появлении доктрина «открытых дверей» была понята и истолкована отнюдь не как средство оборонительной, а как средство активной наступательной политики. И если говорить о доктрине «открытых дверей» с точки зрения эволюции принципа «наиболее благоприятствуемой нации», то необходимо констатировать, что доктрина эта была новым этапом в его развитии, придавала этому прин-

---

[1] Цитировано по тексту ноты, врученной английскому правительству: Приложение, IV, № 1.

[2] Чот — Солсбери 29 IX 1899: Приложение, IV, № 1.

[3] G. Reid. The powers and partition of China. North American Review, May, 1900, стр. 641. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[4] Дерениталь — Бюлову 20 VIII 1900: GP, Bd. XVI, стр. 212. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

ципу новый смысл и расширенное толкование, именно как средства наступательной политики.

С другой стороны, политика «открытых дверей» не была и чисто торговой политикой. Такой авторитет в дальневосточной политике США, как Рокхилл, прямо говорил в одном из своих выступлений, что интересы Соединенных Штатов в Китае не ограничиваются сферой торговли. «Слишком часто говорится и слишком легко принимается на веру,— заявил Рокхилл в собрании Американо-Азиатской ассоциации,— что наши интересы там — суть интересы чисто коммерческие. Может ли это быть? Могут ли переговоры... ведшиеся министром иностранных дел для достижения „открытой двери" в Китае, быть названы чисто коммерческими?». Ответить на это утвердительно Рокхилл не считал возможным.[1] Несомненно, что здесь имели место и вполне определенные политические расчеты. Уже в указанной ноте Англии от 22 сентября правительство Соединенных Штатов заявляло, что оно «не желает связывать себя признанием исключительных прав какой-нибудь державы над какой-либо провинцией или контроля над какой-либо областью Китайской империи», а видит цель своего выступления в том, чтобы сохранить в Китае «открытый рынок, устранить опасные источники международного раздражения и ускорить этим объединенные действия держав в Пекине в пользу административных реформ, столь настоятельно необходимых для усиления императорского правительства и поддержания целостности Китая, в чем, по его мнению, весь западный мир одинаково заинтересован».[2]

Так американская нота подходила к другому важнейшему вопросу политики США в Китае, вопросу о так называемой «территориальной и административной целостности Китая», получившему свою наиболее полную формулировку позднее, в циркуляре Хэя 3 июля 1900 г., но уже тогда выдвинутому в качестве условия реализации доктрины «открытых дверей», как ее непременная составная часть. При этом инициатива включения вопроса о территориальной и административной целостности Китая в текст ноты об «открытых дверях» была целиком американской. И если еще можно спорить, кому, Рокхиллу или Хиппсли, принадлежал приоритет в формулировании торговых положений доктрины, то здесь он бесспорно принадлежал Рокхиллу.[3] Хиппсли, наоборот, считал, что раздел Китая на «сферы

[1] Рутковский — Романову 14 VI 1902 с приложением речи Рокхилла от 21 V 1902: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 584, л. 74.

[2] Приложение, IV, № 1. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[3] P. Varg, ук. соч., стр. 30. (Рокхилл — Хиппсли 3 и 18 VIII (1899).

влияния» должен быть принят как «совершившийся факт» и что исключительные права отдельных держав на железнодорожное и горное дело должны быть признаны.[1] С этим ни Рокхилл, ни правительство США согласиться не могли, и американская нота, не выступая против «сфер влияния» формально, делала это по существу указанием на необходимость соблюдать территориальную и административную целостность Китая и как бы вскользь обращая внимание своего британского партнера на то, что признанные Англией русско-китайские и немецко-китайские договоры в действительности предоставляют этим странам в их «сферах влияния» «особые права и привилегии, в частности, в отношении железных дорог и горнопромышленного дела».[2]

Выступая в пользу территориальной и административной целостности, США стремились представить себя в роли поборника независимости Китая, надеясь таким образом сбить волну недовольства политикой империалистических держав и тем самым приостановить развитие антиимпериалистических настроений. Вместе с тем США рассчитывали показать Пекинскому правительству, что они занимают принципиально иную позицию, чем остальные державы, пытаясь таким образом восстановить свой «моральный престиж», пошатнувшийся в связи с испано-американской войной. Но главное заключалось в том, чтобы путем проведения административных реформ упрочить власть правительства Маньчжурской династии, положение которого становилось все неустойчивее с ростом революционного движения. «Сохранение» и «укрепление» власти Пекинского двора руководители дальневосточной политики США рассматривали как «генеральную линию» своих действий в Китае.[3]

После поражения в опиумных войнах середины XIX в. Маньчжурская династия вынуждена была сложить оружие и прекратить сопротивление «открытию» Китая. Теперь, к концу XIX в., она была опутана финансовой зависимостью от иностранного капитала и стала послушным орудием в его руках. Именно это делало Пекинский двор «наиболее подходящей» формой правления для Китая с американской точки зрения.[4]

Вместе с тем путем укрепления власти центрального императорского правительства США стремились ограничить права

[1] Там же, стр. 33.

[2] Приложение, IV, № 1. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).— Э. Д. Гримм. Доктрина «открытых дверей» и американская политика в Китае (от 1899 до 1921—1922 гг.), стр. 115.

[3] Рокхилл — Хиппсли 14 IX 1899 (P. Varg, ук. соч., стр. 32—33).

[4] См. речь Рокхилла 21 V 1902 в собрании Американо-Азиатской ассоциации: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 584, л. 74.

местной провинциальной администрации. В этом отношении доктрина «открытых дверей» продолжала линию, которая была традиционной в американской политике в Китае на протяжении всей второй половины XIX в. и намечена была, как мы уже видели, «планом Денби». Согласно существовавшему в Китае порядку, при получении того или иного контракта помимо согласия Пекинского правительства была необходима еще договоренность с местной властью той провинции, на территории которой проектировалась железная дорога или промышленный объект. Против этого и выступал в 1895 г. Денби, предлагая в представленном им Государственному департаменту «плане» добиться лишения провинциальной администрации права заключать контракты и сделки с иностранцами, с тем чтобы последнее производилось исключительно центральными властями. Комментируя «план Денби», «Норз Чайна Геральд» писала тогда, что цель американской политики заключается в «централизации управления Китая в Пекине, так как полунезависимость провинций является одним из важнейших источников трудностей в сношениях иностранцев с Китаем».[1] Многостепенная система получения контрактов затрудняла действия американского капитала, нередко становясь препятствием на пути осуществления его проектов. Именно на этом споткнулась «Американ Чайна дивелопмент компани», когда в 1896 г., добившись согласия на предоставление ей железнодорожной концессии на линию Пекин—Ханькоу у центральных властей, она не смогла достигнуть договоренности с провинциальной администрацией. И, наоборот, в 1897 г. американский синдикат договорился было с местными властями о сооружении железной дороги в Маньчжурии, а в 1898 г. о сооружении линии Тяньцзин—Чжэцзян, но не смог добиться ратификации этих соглашений центральным китайским правительством. Правда, и в том и в другом случае дело было не только и не столько в китайской административной системе, сколько в противодействии заинтересованных держав. Однако эти последние и использовали имевший место в Китае порядок, для того чтобы лишить американский капитал данных концессий.

Доктрина «открытых дверей» рассчитана была на то, чтобы путем централизации управления в Китае устранить указанное положение, затруднявшее деятельность американских предпринимателей. С другой стороны, выдвинутое в ноте США предложение об «объединенных» действиях держав в Китае наряду с лозунгами целостности и неприкосновенности китайской территории были направлены против сепарат-

[1] North China Herald, 15 VII 1895.

ной политики держав, за установление над Китаем системы международного контроля.

Отношение США к провинциальной администрации определялось также тем, что среди провинциальных властей, особенно глубинных районов Китая, имела место значительная оппозиция проникновению иностранного капитала, подрывавшего ее до того безраздельную власть. Борьба иностранцев против провинциального таможенного обложения (ликина), составлявшего одну из основных статей дохода провинциальных вице-королей, губернаторов и даотаев, фактическое исключение из-под юрисдикции местной власти обращенных в христианство китайцев, вмешательство миссионеров в дела местного управления и т. д.,— все это служило причиной того, что провинциальные власти сами нередко участвовали в антииностранном движении и потворствовали его развитию. Такой административный аппарат не мог служить опорой иностранного капитала в Китае, и цель переустройства, предложенного Соединенными Штатами, заключалась в том, чтобы создать в Китае послушную империализму систему управления. При помощи укрепления реакционного правительства Маньчжурской династии США стремились преградить путь растущему антиимпериалистическому движению. Недаром и автор доктрины «открытых дверей» Рокхилл важнейшей задачей американского выступления считал создание такого положения, когда Китай «не сможет никоим образом уклониться от выполнения всех своих обязательств в отношении договорных держав».[1] Таким образом, американский проект административных реформ в Китае предусматривал дальнейшее подчинение страны иностранному господству и был направлен против тех сил, которые боролись за независимость Китая.

Подчинению Китая должна была служить и экономическая политика США. Цели, которые ставил перед собой американский бизнес и в интересах которых провозглашена была теперь доктрина «открытых дверей», противоречили интересам развития национальной экономики Китая. Об этом достаточно убедительно говорит описанная выше деятельность американских коммерсантов и предпринимателей, а в качестве резюме в этом отношении можно привести предельно характерное высказывание уже знакомого нам миссионера Лоури, совмещавшего духовную карьеру со службой в железнодорожном синдикате Рокфеллера. «Мы не должны забывать,— писал Лоури в статье, опубликованной вскоре после провозглашения доктрины «от-

[1] Рокхилл — Денби 13 I 1900 (цит. по: A. W. Griswold, ук. соч., стр. 76—77).

крытых дверей»,— что западные нации настаивают на открытии Китая не только и далеко не только к выгоде самих китайцев. Деньги — великая сила, которая двигает колеса торговли и в значительной степени механизм правительств». Лоури отмечал, что «огромное население» Китая и «соответствующая дешевизна труда» делают возможным и прибыльным «производство в большом масштабе». «Иностранцы не просто хотят добра Китаю, когда они требуют более широкого рынка для продукции своих фабрик и ферм... Это не является и вопросом сентимента или религии,— продолжал Лоури,— а вопросом долларов и центов... Максимальные коммерческие прибыли, не говоря о цивилизации и гуманности [?], требуют, чтобы политика открытых дверей и целостности империи, как она выражена правительством Соединенных Штатов, была абсолютно и навсегда сохранена».[1]

Вместе с тем необходимо отметить, что политика «открытых дверей» исходила из принципа неравноправных отношений США и Китая. В то время как в Китае Соединенные Штаты требовали себе «открытых дверей», в самой Америке было установлено высокое таможенное обложение, закрывавшее двери американского рынка для иностранной продукции. Согласно принятому в 1897 г. так называемому «тарифу Дингли», средняя ставка на ввозимые в США товары равнялась 57% стоимости товара. Причем одним из основных мотивов установления высоких протекционистских тарифов была выдвинута «опасность азиатской конкуренции». «Текстильные волокна, взращенные трудом пауперов, трудом, оплаченным самым скудным образом; химикалии, добытые или имеющие быть добытыми в Китае, трудом с ничтожной зарплатой»,— вот некоторые из аргументов, выдвинутых в США за высокое таможенное обложение. «Хотя нельзя видеть какую-либо непосредственную угрозу от этой азиатской конкуренции,— писал тогда «Нейшн»,— мы должны признать, что было бы, вероятно, полезным установить тарифные ставки».[2] «Помоги нам бог, если они (китайцы,— *А. Ф.*) когда-либо вдруг очнутся и обратят свое внимание на производство предметов, которые входят в круг мировой торговли... Вы в свою очередь принуждены будете воздвигать китайскую стену».[3] Фраза эта принадлежала американскому железнодорожному тузу Хиллу, и что особенно

---

[1] H. H. Lowry. The Chinese resentment. Harper's magazin (Monthly), October, 1900, стр. 746. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[2] Nation, N. Y., 13 V 1897. Ср.: Канторович, стр. 112—113.

[3] Цит. по черновику записки неизвестного автора: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 29, д. 174, л. 121.

знаменательно, была произнесена им в ноябре 1899 г., в разгар переговоров об «открытых дверях».

Таким образом, доктрина «открытых дверей» имела в виду создание благоприятных условий эксплуатации Китая иностранным капиталом и являлась средством утверждения его колониальной зависимости. В. И. Ленин, говоря о колониальной политике эпохи империализма, указывал, что «финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд *переходных* форм государственной зависимости (колонии и полуколонии,— *А. Ф.*)».[1] Именно такую переходную форму колониальной зависимости и предусматривала политика «открытых дверей», призванная стать орудием экономического и политического подчинения Китая. На первых порах Соединенные Штаты предлагали установить международный контроль, а в перспективе, опираясь на свое экономическое превосходство, США рассчитывали добиться монопольной власти над Китаем.

Хотя формальный отказ от «сфер влияния» не входил в число требований американской ноты, было ясно, что по существу американская доктрина вела подкоп под систему европейского господства в Китае. Русский посланник в Вашингтоне Кассини сообщал, что в Америке враждебно настроены к политике «сфер влияния», которую считают «неблагоприятной для коммерческих интересов Соединенных Штатов и противной принципу „открытых дверей"».[2] «Мысль о том, что различные нации должны разделить Китай сначала и сохранить „открытые двери" потом, абсурдна,— заявлял экспосланник США в Пекине Денби, выражавший мнение Американо-Азиатской ассоциации.—...Любые изменения в Китае, ведущие к основанию европейских колоний, будут вредны для нас».[3] Однако выступить открыто против «сфер влияния» США не могли: рассчитывать на собственные силы в данном случае не приходилось, а сотрудничавших с Соединенными Штатами Англию и Японию такая постановка могла бы лишь оттолкнуть. Расчет заключался в том, чтобы, не задевая престижа заинтересованных в Китае держав, свести на нет значение их «сфер влияния» путем установления одинаково «равных возможностей» для всех на всей территории Китая.

Но даже и в такой завуалированной форме получить признание доктрины «открытых дверей» и добиться желательных

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 250.

[2] Кассини — Муравьеву 5 III 1899: АВПР, Канцелярия МИД, 1899, д. 110, л. 73. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[3] North China Herald, 27 III 1899.

для Соединенных Штатов обязательств со стороны держав оказалось нелегко. Их ответы не были безоговорочными, причем степень признания доктрины определялась теми реальными последствиями, с которыми было связано установление «равных возможностей» для каждой из держав. Одна лишь Италия, не располагавшая «сферой влияния», легко и без оговорок согласилась с американской нотой. Самую непримиримую позицию заняла Россия. Русская «сфера влияния» Маньчжурия была, как указывалось, главным объектом притязаний американского капитала, а при преимуществе на стороне США в отношении цен на товары и стоимости их фрахта установление «равных возможностей» в Маньчжурии неизбежно привело бы к утверждению американской монополии. Это шло вразрез с планами царизма на Дальнем Востоке и встретило со стороны России энергичное сопротивление. Переговоры о принятии американских предложений затянулись почти на три месяца.

8 сентября американский поверенный в делах в Петербурге Пирс передал русскому Министерству иностранных дел ноту, в которой излагались указанные предложения США. Имея в виду указ царского правительства от 11 августа 1899 г. об установлении в Дальнем «открытого порта», кстати сказать использованный американской дипломатией в качестве формального повода для выступления с доктриной «открытых дверей»,[1] Соединенные Штаты обращались к России с просьбой дать «более формальное и ясное определение условий, которые будут отныне применяться в так называемой „сфере русских интересов" в Китае по отношению к коммерческим правам иностранцев».[2] Нота эта была передана на заключение министру финансов Витте, без которого не решался ни один вопрос, касающийся Дальнего Востока, и который по праву мог бы быть назван министром иностранных дел по делам Дальнего Востока. Витте ответил уклончиво: «...вопросы, возбужденные американским посланником, касаются всех стран, а потому едва ли России удобно о них высказываться, не зная мнения этих стран».[3]

Царская дипломатия решила выждать. «В этой (американской,— *А. Ф.*) ноте, редакцию которой почти невозможно понять,— писало Министерство иностранных дел в инструкции посланнику в Вашингтоне Кассини,— такое смешение вопросов

---

[1] Хиппсли — Рокхиллу 21 VIII 1899 (цит. по: A. W. Griswold, ук. соч., стр. 70).

[2] См.: Приложение, IV, № 3.

[3] Витте — Ламздорфу 18 X 1899: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 148, л. 1.

о договорных портах, сферах интересов и арендованной территории, что нам трудно отдать себе отчет о намерениях американского правительства».[1] Вместе с тем Министерство иностранных дел не видело препятствий к принятию предложений США в том случае, если они не касаются Квантунской области. Министр иностранных дел Муравьев считал даже желательным заключение соглашения с Америкой, «так как этим самым,— говорил он,— мы достигли бы признания американцами самого принципа существования нашей сферы влияния в Маньчжурии».[2] Развивая это направление дальше, Кассини предложил завязать по данному вопросу специальные переговоры с Соединенными Штатами и 26 ноября телеграфировал в Петербург проект-основу таких переговоров.[3]

Но Витте и его «полпред» в Китае, агент Министерства финансов Покотилов, смотрели на это дело иначе. Когда Витте ознакомили с телеграммой Кассини, он признал «первостепенную важность» затронутого вопроса, но спрашивал, о каких «сферах влияния» идет речь, так как никакого упоминания о границах указанных «сфер» у Кассини не было. «Между тем точное определение этих границ, по моему мнению,— отмечал Витте,— и составляет одно из важнейших условий для суждения о проектируемом соглашении между Россией и Северо-Американскими Соединенными Штатами».[4] Витте категорически протестовал против предложенного нотой Хэя и поддержанного Кассини уравнения железнодорожных тарифов в

---

[1] Ламздорф — Кассини 6 XI 1899: АВПР, Китайский стол, д. 1574, л. 24.

[2] См.: Покотилов — Витте 8 I 1900: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 148, л. 26. Речь идет о ноябрьской инструкции Министерства иностранных дел Кассини.

[3] Кассини предлагал следующую основу для переговоров с Соединенными Штатами: 1) установление существенной разницы между «сферой влияния» и арендованной территорией, в пределах которой Россия сохраняет полную свободу действий; 2) сохранение в силе в русской «сфере влияния» существующих договорных условий о равенстве таможенного обложения для всех стран; 3) признание за Россией исключительного права на постройку в ее «сфере влияния» железных дорог и промышленных предприятий; 4) согласие на взыскание равных железнодорожных тарифов с товаров любой национальности на железных дорогах, построенных или предполагаемых к постройке в русской «сфере влияния». Заключить такое соглашение с Соединенными Штатами Кассини считал возможным только в том случае, если все другие державы, имеющие в Китае «сферы влияния», подпишут аналогичные соглашения (телеграмма Кассини 14—26 XI 1899: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 148, л. 11).

[4] На основании этой фразы из письма Витте Муравьеву С. Б. Горелик ошибочно утверждает, что Соединенные Штаты предложили России «заключить соглашение о разделе „сфер влияния" в Китае между Россией и США» (С. Б. Горелик, ук. соч., стр. 43). Кроме ссылки на указанное письмо Витте от 30 XI 1899, Горелик ссылается на письмо Кассини Му-

отношении перевозок товаров любой национальности по Китайской Восточной и Южно-Маньчжурской железным дорогам.[1] Как наиболее дальновидный представитель царского правительства, Витте понимал то, мимо чего прошли чиновники Министерства иностранных дел, а именно, что Соединенные Штаты вовсе и не собирались считаться с существованием «сфер влияния» в Китае. Аналогичную позицию занял и Покотилов. Узнав через русскую миссию в Пекине о точке зрения Министерства иностранных дел и еще ничего не зная об ответе Витте, он писал и телеграфировал в Петербург о невозможности согласиться на уравнение железнодорожных тарифов на маньчжурских железных дорогах.[2] Витте и его единомышленника Покотилова никак не могло удовлетворить одно лишь декларативное признание Маньчжурии «сферой влияния» России. Их интересовало то, что практически составляло привилегированное положение царизма в Маньчжурии, и самое существенное из этого — льготный железнодорожный тариф. Их точка зрения, наиболее полно отражавшая перспективные интересы русского капитализма, и восторжествовала: Кассини дана была инструкция ограничиться «ответом в общих выражениях, не связывающих нас».[3]

Одновременно царская дипломатия внимательно следила за ходом переговоров Соединенных Штатов с другими державами. Уже через неделю после получения ноты США, 29 сентября, заявила о своем, хотя и не безоговорочном и пока предварительном, согласии с американскими предложениями Англия.[4] Известие об этом чрезвычайно встревожило Кассини, и ему уже казался неизбежным англо-американский союз.[5] «Весьма сочувственно» к американскому выступлению отнеслась и Япония, причем доктрина «открытых дверей» настолько

равьеву 22 XI 1899. Однако ни тот, ни другой документ не подтверждают сделанного вывода. Это не подтверждается и всей остальной документацией (см.: АВПР, Китайский стол, д. 1574; ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 148). Рассчитывать, что царизм уступит Соединенным Штатам или пойдет на раздел своей «сферы влияния», Маньчжурии, в Вашингтоне не могли, а согласие России на установление американской сферы в Собственном Китае, где преобладала Англия, не могло иметь никакого практического значения. И, наконец, такое предложение в корне противоречило бы самому замыслу политики «открытых дверей».

[1] Витте — Муравьеву 30 XI 1899: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 148, л. 12.

[2] Покотилов — Витте 8 I 1900: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 148, л. 26.

[3] Муравьев — Кассини 1 XII 1899: АВПР, Китайский стол, д. 1574, л. 37.

[4] В дальнейшем, в ноте от 30 XI, Англия подтвердила свое согласие. См. Приложение, IV, № 2.

[5] Кассини — Муравьеву 21 XI 1899: АВПР, Китайский стол, д. 1574, л. 43. Чтобы расстроить англо-американский союз, Кассини советовал ответить согласием на ноту США.

совпадала с установками японского империализма, что, по достоверным сведениям Кассини, правительство Японии «было бы само не прочь обратиться с подобным же запросом к державам, заинтересованным в Китае».[1] Таким образом, поддержка Англии и Японии была обеспечена.

Положение царизма осложнялось тем, что положительную позицию в отношении к американскому демаршу заняли Франция и Германия. Франция, несмотря на благоприятное отношение к России, не хотела в силу уже изложенных выше соображений, чтобы ее русский союзник входил в осложнения на Дальнем Востоке. Кроме того, Франция едва оправилась от неудачи в африканских делах, конфликта с Англией из-за Фашоды и ввязываться в новые осложнения вовсе не собиралась. Германия же не хотела становиться на сторону России и тем самым противопоставлять себя другой группировке. Бюлов так прямо и заявил, что Германия «не хотела бы попасть в такое положение, где она должна была бы принять одну из сторон».[2] Вместе с тем немцы были заинтересованы в проникновении в английскую «сферу влияния», долину Янцзы, и надеялись, что доктрина «открытых дверей» будет этому способствовать.[3]

Ситуация для России складывалась неблагоприятно. «При таких условиях, я полагаю,— писал министр иностранных дел Муравьев Витте,— для нас не представляется возможности итти наперекор общепринятому державами политико-экономическому началу и, подорвав существующие между Россией и Северо-Американскими Соединенными Штатами дружественные отношения, дать повод к образованию весьма опасной для интересов наших коалиции держав на Дальнем Востоке». Муравьев просил Витте сообщить, какие, по его мнению, можно было бы «поставить американцам условия в видах проектируемого соглашения с Россией».[4] Витте не стал возражать. Он готов был пойти «навстречу желаниям правительства США», но с условием, что это будет «без особого риска для экономических интересов России». Витте принял 1-й и 2-й пункты американского предложения относительно договорных портов и таможенного обложения, однако еще раз подчеркнул, что считает «совершенно невозможным» согласиться на уравнение

---

[1] Кассини — Муравьеву 21 XI 1899: АВПР, Китайский стол, д. 1574, л. 43.

[2] Уайт (посол США в Берлине) — Хэю 25 I 1900: Rockhill papers (цит. по: P. Varg, ук. соч., стр. 35). Формальный ответ на американскую ноту Германия дала в феврале 1900 г., но ее позиция была известна царскому правительству уже в декабре 1899 г. (см. телеграмму Кассини 20 XII 1899: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 148, л. 14).

[3] Канторович, стр. 119.

[4] Муравьев — Витте 22 XII 1899: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 148, л. 13.

железнодорожных тарифов на маньчжурских железных дорогах. Витте отмечал «несоответствие в сравнительном значении проектируемых американцами обязательств России и других держав в отношении железнодорожных тарифов». В то время как другие державы, согласившись на равные железнодорожные тарифы, ничего не теряли, так как в Собственном Китае, через который проходили эти дороги, было чрезвычайно развито речное сообщение и главные перевозки производились водой, России предстояло итти на крупные жертвы. К тому же едва ли можно было рассчитывать, что русский ввоз сможет получить в ближайшее время большое развитие в Собственном Китае, наводненном изделиями Западной Европы, Америки и Японии. И, наконец, нельзя было пройти мимо того факта, что постройка Китайской Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог близилась к завершению, а «американцы и англичане,— как отмечал Витте,— еще лишь проектируют в Китае железные дороги, причем даже остается неизвестным, будет ли в действительности приступлено к их сооружению».[1] Потерпев неудачу в попытке захватить в свои руки строительство маньчжурских железных дорог, американцы хотели теперь дипломатическим путем добиться равных условий со строившей эти дороги Россией в пользовании ими (тарифы). Но как и прежде, эта новая американская попытка натолкнулась на решительное противодействие Витте.

Отрицательное отношение Витте к американской ноте усугублялось несомненно тем обстоятельством, что замыслы США не ограничивались Маньчжурией, а простирались на русский Дальний Восток и Сибирь. На протяжении предшествующих лет Министерству финансов неоднократно приходилось сталкиваться с этим в области железнодорожных дел, а самым последним тому подтверждением могла служить имевшая место буквально за месяц до провозглашения доктрины «открытых дверей» попытка синдиката «Американ оушен навигейшен энд констракшен компани» организовать кругосветное сообщение при помощи Трансатлантической и Транстихоокеанской линий с прямой ссылкой на то, что организация подобного сообщения потребовала бы соглашения с соответствующими железными дорогами и должна быть приурочена к пуску первого сквозного поезда по Сибирскому пути.[2] Таким образом, снова,

[1] Витте — Муравьеву 26 XII 1899: Приложение, IV, № 4.

[2] Указанный синдикат обладал капиталом в 100 млн долларов. Данный проект получил поддержку правительства США и был передан через официальные каналы Министерству финансов. Предложение синдиката было признано несоответствующим интересам России и отклонено (см.: ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 3, д. 1025).

теперь уже с совсем другой стороны, путем организации указанных морских линий, американский капитал пытался реализовать проект «космополитического» пути и получить контроль над Сибирской железной дорогой. Этот интерес к Сибири и русскому Дальнему Востоку полностью подтвердился и во время переговоров о доктрине «открытых дверей». Как указывалось, в качестве повода для выступления с доктриной «открытых дверей» был использован указ царского правительства об открытии Дальнего. «Согласились открыть двери Дальнего,— откройте их и во всех других местах Маньчжурии»,— такова была логика американского обращения. «Джорнал оф Коммерс» пошел в этом отношении еще дальше: «Если русское правительство признает „открытые двери" на Дальнем Востоке, пусть оно откроет дверь Владивостока»,— писал этот рупор деловых кругов, еще не дождавшись ответа России на американскую ноту.[1] А несколько позже, когда Россия в ответ на принятый в 1897 г. в США протекционистский «тариф Дингли» подняла вопрос о пересмотре тарифных ставок на американские товары, ввозимые в ее пределы, и зашла речь о заключении новой русско-американской торговой конвенции, Соединенные Штаты поставили условием, чтобы им были предоставлены равные с другими державами возможности на русском рынке, особенно акцентировав это в отношении Сибири.[2] Так уже при самом рождении доктрины «открытых дверей» налицо была тенденция к ее распространению на новые территории. Все это, равно как и факты настойчивых попыток проникновения американского капитала на Дальний Восток и в Сибирь, не могло ускользнуть от внимания Витте и несомненно сыграло свою роль в определении его позиции.[3]

---

[1] Journal of Commerce, 2 XI 1899, передовая статья (цит. по: North China Herald, 11 XII 1899). Данное выступление связано с отменой Россией порто-франко во Владивостоке в 1898 г.

[2] См. американские поправки к русскому проекту торговой конвенции 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 4, д. 538, л. 8.

[3] На протяжении 1895—1900 гг. правительство США неоднократно обращалось к России с просьбой разрешить американцам вести разведку и добычу полезных ископаемых в Сибири и на Дальнем Востоке (см.: АВПР, фонд посольства в Вашингтоне 1898—1900 гг., д. 142, л.л. 115, 187, 236, 556, 690, 695; см. также обращение «Пэсифик коуст инвестмент компани» в мае 1899 г. с просьбой предоставить ей монопольное право разработки залежей каменного угля в окрестностях Владивостока и его вывоза на пароходах данной компании: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 795, л.л. 195—207). Кроме того, Америка стала «важнейшим фактором привоза», и американский торговый мир «стал сильно интересоваться Владивостоком» (см. записку о торговле Владивостока: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 795, л. 194). Управляющий Морским пароходством КВЖД Бостельман, побывавший в 1900 г. в США, отмечал, что он встречался с лицами, имеющими «большое значение в тор-

Получение заключения Витте совпало со знаменательным визитом американского посланника в Петербурге Тоуэра в Министерство иностранных дел. В Соединенных Штатах к этому времени поняли, что безоговорочного согласия на применение принципа «открытых дверей» в Маньчжурии от России не добиться,[1] и для предотвращения возможности формального отказа, что могло неблагоприятно отразиться на престиже США в международных делах и повредить позициям правящей республиканской партии на президентских выборах 1900 г., в Вашингтоне решили просить Россию дать «безотлагательный ответ» на американскую ноту, «хотя бы в самой уклончивой форме». Об этом «настоятельно» просил посетивший Министерство иностранных дел Тоуэр.[2]

Теперь положение было облегчено. Отвечать отказом на американскую ноту в России не хотели, но и согласиться с ней целиком не могли. После визита Тоуэра появилась твердая гарантия, что всякий формально положительный ответ, «хотя бы в самой уклончивой форме», не будет истолкован как отказ. Поэтому по получении заключения Витте, на основе его положительной части,[3] «не касаясь вопроса о железнодорожных тарифах»,[4] в Министерстве иностранных дел составили ответ американскому правительству, и, после того как убедились, что у Витте на этот раз «не имеется возражений», Муравьев вызвал Тоуэра и вручил ему просимый ответ.[5]

«Теперь наша цель,— писал Хэй по получении ноты от России,— придать русскому ответу насколько возможно самое широкое толкование».[6] Государственный департамент соответствующим образом инструктировал прессу, и последняя, «вдох-

---

гово-промышленном мире Соединенных Штатов», и что его «поразил интерес, который они проявляют к развитию своих дел на восточной окраине азиатского материка» (Бостельман — Конкевичу 23 VI 1901: ЦГИАЛ, фонд КВЖД, д. 1135, л. 27).

[1] Государственный департамент располагал даже информацией о том, что «Россия вовсе не хочет отвечать» на американский запрос, что было равносильно отказу [см.: F. R. Dulles. The road to Teheran. The story of Russia and America (1781—1943). N. Y., 1944, стр. 84, цитируется недатированное письмо Тоуэра Хэю].

[2] Муравьев — Витте 28 XII 1899: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 148, л. 23. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[3] См.: Б. А. Романов. Витте как дипломат. Вестн. ЛГУ, 1946, № 4—5, стр. 116.

[4] Этими словами начиналось письмо Муравьева Кассини 30 XII 1899 с информацией об ответе на ноту США (АВПР, Китайский стол, д. 1574, л. 73).

[5] См.: Витте — Муравьеву 28 XII 1899: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 148, л 24. Ноту Тоуэру Муравьев вручил 30 XII 1899. Ответную ноту России см.: Приложение, IV, № 5.

[6] Хэй — Тоуэру 22 I 1900 (цит. по: H. Zabriskie, ук. соч., стр. 60).

новленная и направленная,— по словам Кассини,— Федеральным правительством», утверждала, что ответы держав «обеспечивают за американцами все права без исключения, приобретенные европейскими правительствами, владеющими в Китае арендными участками или имеющими в этой стране сферы влияния». Такая трактовка никак не соответствовала смыслу русского ответа, и Кассини при очередном посещении Хэя посоветовал ему «внушить официозной прессе сбавить тон преувеличенных ожиданий».[1] Хэй же, напротив, воспользовавшись тем, что ответы на ноту об «открытых дверях» теперь были получены от всех держав,[2] поспешил заявить соответствующим правительствам, что считает их согласие «окончательным и решительным».[3] «Несносная поспешность Хэя»,— пометил Николай II на телеграмме Кассини об этом «преждевременном», по выражению посланника, заявлении государственного секретаря. Кассини полагал, что так как ответы держав «существенно различны», «прежде принятия американского циркуляра необходимо соглашение между заинтересованными державами».[4] Однако практически никаких шагов в этом направлении предпринято не было.

В Америке полным ходом шла подготовка к выборам 1900 г., и правящая республиканская партия использовала «успех» доктрины «открытых дверей» как средство предвыборной агитации. «Лондон энд Чайна экспресс» сообщала, что правительство США старается представить обмен нотами по поводу «открытых дверей» в Китае «как один из великих триумфов современной дипломатии».[5] Еще ранее Кассини указывал, что американский запрос об «открытых дверях» рассчитан на то, чтобы «произвести известное впечатление на конгресс и американский народ» в целях обеспечения республиканцам успеха на выборах 1900 г.[6]

И нужно признать, что цели своей правительство республиканской партии достигло: провозглашение доктрины «открытых дверей» нашло в Америке самую широкую поддержку. «Даже антиимпериалисты,— писал «Таймс»,— приветствуют политику

---

[1] Кассини — Муравьеву 13 III 1900: АВПР, Канцелярия МИД, 1900, д. 109, л. 87.

[2] Формальные ответы держав были получены: Англии — 30 XI, Франции — 16, Японии — 26, России — 30 XII 1899, Италии — 7 I, Германии — 19 II 1900.

[3] Циркуляр Хэя 20 III 1900: USFR, 1899, стр. 142.

[4] Телеграмма Кассини 27 III 1900: АВПР, Канцелярия МИД, 1900, д. 109, л. 359.

[5] London and China Express, 5 I 1900.

[6] Кассини — Муравьеву 21 XII 1899: АВПР, Китайский стол, д. 1574, л. 42. — Канторович, стр. 141.

(«открытых дверей»,— *А. Ф.*), которая не предполагает никаких завоеваний, кроме торговых».[1] Так оправдывался расчет авторов доктрины «открытых дверей» на то, что ее провозглашение станет «козырем в руках администрации и вышибет дух из антиимпериалистической агитации Брайана, Крокера и К°»,[2] а это, понятно, было как нельзя кстати в условиях предвыборной борьбы. Не менее важной для американского правительства была позиция деловых кругов, заинтересованных в эксплуатации Китая, кругов, которые привели Мак Кинли к власти в 1896 г. и без поддержки которых нельзя было рассчитывать на переизбрание. И здесь доктрина «открытых дверей» была встречена с удовлетворением. Акция американского правительства была одобрена Национальной ассоциацией промышленников и Национальной торговой палатой в специально принятых резолюциях.[3] Как крупный успех на предпринятом ею пути отмечала провозглашение доктрины «открытых дверей» Американо-Азиатская ассоциация. В Шанхае на специально устроенном банкете президент Китайского отделения Ассоциации в присутствии посланника США Конжера выразил удовлетворение действиями американского правительства. Ноты демонстрируют, заявил он, что «наше мнение принято во внимание и что мы можем сделать хорошее дело в продвижении интересов наших коммерческих... корпораций».[4] «Путем личного контакта и переписки мы поддерживали доброе согласие с президентом Мак Кинли и членами его кабинета...,— писал Фрэзер в журнале «Эйша»,— наши предложения и резолюции... всегда встречали теплый прием». Политика «открытых дверей» «усилит и будет стимулировать нашу торговлю с этой огромной империей (Китаем,— *А. Ф.*)».[5] Плантаторы Юга и фабриканты хлопчатобумажных тканей обратились к правительству США с благодарностью за предпринятые им действия.[6] Аналогичной была реакция и миссионеров.[7]

Вместе с тем было совершенно ясно, что ближайшей своей цели — «открыть двери» Маньчжурии, более всего интересовавшей в то время американский капитал, США не удалось. Россия не взяла в этом отношении на себя никаких обяза-

[1] Times, 6 I 1900 (цит. по: A. Dennis, ук. соч., стр. 195).

[2] Хиппсли — Рокхиллу 21 VIII 1899 (цит. по: A. W. Griswold, ук. соч., стр. 71).

[3] Campbell, Special, стр. 56.

[4] Там же, стр. 57. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[5] Там же, стр. 56.

[6] Благодарственная петиция за 38 подписями была представлена в сенат через сенатора Г. К. Лоджа (Senate executive documents, 56 congress, 2 session, v. 5, № 79, стр. 1).

[7] См.: Chinese Recorder, January, 1900, стр. 49.

тельств. Не могло быть у Соединенных Штатов уверенности и в том, что им будет обеспечен успех в остальных частях Китая. Ответы других держав, исключая Италию, содержали много оговорок. Даже «дружественная» Англия изъяла из сферы действия американской доктрины принадлежавший ей Гонконг.[1] С другой стороны, нельзя не признать, что хоть и неполное согласие с предложениями американской ноты закрепляло за США равное с другими державами право на эксплуатацию Китая.

В деловых кругах отдавали себе отчет в том, что сама по себе доктрина «открытых дверей» еще не дает достаточной гарантии того, что двери для американского капитала в Китае будут открыты. Поэтому, одобряя провозглашение доктрины, фабриканты хлопчатобумажных тканей в упомянутой благодарственной петиции правительству США просили, чтобы «это положение было з а к р е п л е н о».[2] Американо-Азиатская ассоциация указывала, что она рассматривает провозглашение доктрины «только как п е р в ы й шаг на пути претворения принципа открытых дверей в жизнь» и высказывалась за дальнейшую активизацию политики США в Китае.[3] Ассоциация текстильных фабрикантов Юга, выступая за «сохранение политики „открытых дверей" в Китае», призывала правительство США консолидировать свои позиции на Филиппинах, а также немедленно приступить к сооружению важного для перемещения военно-морских сил канала между Атлантическим и Тихим океанами.[4] Таким образом, при проведении доктрины «открытых дверей» в жизнь известный расчет возлагался и на военные средства.

Между тем в Китае продолжался рост национально-освободительного движения, и в 1900 г. здесь вспыхнуло антиимпериалистическое восстание Ихэтуань. Расчет Соединенных Штатов на то, что удастся использовать доктрину «открытых дверей» в качестве громоотвода в назревавшем народном выступлении,

---

[1] Характеризуя позицию Англии, Кассини писал, что она согласилась с доктриной «открытых дверей» «без принесения ... со своей стороны каких-либо жертв» и что положительный ответ на ноту США Англия дала, «будучи вполне убежденной, что принятая ею роль не будет ей стоить ровно ничего» (депеша Кассини 16 XII 1899: АВПР, Китайский стол, д. 1574, л.л. 69—70). Ответные ноты Англии см.: Приложение, IV, № 2.

[2] См.: Senate executive documents, 56 congress, 2 session, v. 5, № 79, стр. 1. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[3] Ежегодник «The American Asiatic association», 1900, стр. 20 (цит. по: C a m p b e l l, Special, стр. 59). (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

[4] C a m p b e l l, Special, стр. 60. Ср.: F. R. D u l l e s. China and America, стр. 112—113.

не оправдался. Наоборот, провозглашение доктрины стимулировало усиление национально-освободительной борьбы. Современник событий 1900 г. известный русский юрист Мартенс, говоря о причинах восстания, указывал, что «в силу политики открытых дверей» и формулы «наиболее благоприятствуемой нации» в китайском народе усиливалась ненависть ко всем иностранцам.[1]

Восстание 1900 г. было подготовлено освободительной борьбой предшествовавших лет и имело много общего с повстанческим движением после японо-китайской войны. Попрежнему видную роль играли тайные общества. Руководство антиимпериалистическим восстанием находилось в руках общества «Ихэцюань» («Кулак, поднятый во имя мира и справедливости»), переименованного затем в «Ихэтуань» («Полки мира и справедливости»), которое в свою очередь было ответвлением старого и популярного в стране общества «Белой лилии». Как это было и в 1895 г., основная масса участников восстания 1900 г. состояла из крестьянства и городской бедноты, положение которых с ростом иностранного проникновения становилось все более и более нестерпимым. Борьба народных масс против иностранного капитала попрежнему сочеталась с антифеодальными выступлениями. Но как и раньше, китайская феодальная верхушка приложила все силы к тому, чтобы отвести удар от себя, направив негодование масс в антииностранное русло. В результате антифеодальное направление в значительной мере было сведено на нет, а напуганное подъемом народного движения Цинское правительство пошло даже на объявление войны империалистическим державам.

Антиимпериалистическое восстание 1900 г. было всенародной войной против «рыжих дьяволов», как называли китайцы иностранных колонизаторов. Повстанцы нападали на резиденции миссионеров и коммерсантов, убивали их, жгли их жилища и уничтожали иностранные товары. Повстанческие отряды совершали нападения на иностранные консульства и осадили посольский квартал в Пекине. Они сражались с исключительным упорством и самоотверженностью. «Если те же китайцы,— писал Мартенс,— которые в войнах с европейскими державами и с Японией обнаруживали полную военную несостоятельность и „прирожденную" трусость, в настоящее время сражаются с изумительной стойкостью, уменьем и храбростью, то этот факт раскрывает всю бездну, отделяющую прежние войны от нынешнего восстания».[2]

---

[1] Ф. Мартенс. Европа и Китай. Красный архив, т. 20, стр. 179

[2] Там же, стр. 183.

Восстание в Китае угрожало положить конец системе иностранного господства и для борьбы с ним державы послали экспедиционный корпус, учинив жестокую расправу над повстанцами.

Современник восстания Ихэтуань В. И. Ленин заклеймил позором деяния международного империализма. «Могли ли китайцы,— писал Ленин в первом номере «Искры» в декабре 1900 г.,— не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия... которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства?». От имени революционной социал-демократии России Ленин гневно протестовал против зверств и насилий, творимых империалистами. «Они,— писал он,— принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, — они бросились на него, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и подымая на штыки безоружных жителей, их жен и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных европейцев».[1]

В подавлении восстания Ихэтуань приняли участие и Соединенные Штаты. Как сообщал из Вашингтона русский поверенный в делах Де Воллан, события в Китае «страшно взволновали здешнее общество» и «приковывают к себе всеобщее внимание».[2] Страницы американских газет были полны сообщений о событиях в Китае. «Никогда,— писал Де Воллан,— не было столько статей, известий о Китае».[3] В характерной для американской печати шумной манере пресса требовала карательных экспедиций в Китай и «примерного наказания» повстанцев.

Особенно тревожились заинтересованные в Китае деловые круги. Де Воллан сообщал, что «железнодорожники, пароходовладельцы и вообще весь промышленный и торговый мир, дорожащий китайским рынком», «оказывает сильное давление на нынешнюю администрацию».[4] С началом восстания резко сократилась американская торговля текстилем, и «Джорнал оф Коммерс», отстаивавший интересы текстильной промышленно-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 348—349.

[2] Де Воллан — Ламздорфу 20 VI 1900: АВПР, Китайский стол, д. 764, л. 180.

[3] Де Воллан — Ламздорфу 3 VII 1900: АВПР, Канцелярия МИД, 1900, д. 109, л. 186.

[4] Де Воллан — Ламздорфу 25 IX 1900: АВПР, Канцелярия МИД, 1900, д. 109, л. 238.

сти, из номера в номер напоминал правительству США о необходимости решительных действий.[1] Забила тревогу и заинтересованная в китайских железнодорожных инвестициях «Американ Чайна дивелопмент компани». Она обратилась с письмом к государственному секретарю Хэю, настаивая на применении «политики силы», «для того чтобы защитить жизнь и собственность, а также обезопасить проектируемые крупные капиталовложения, значительная часть которых уже сделана через „Американ Чайна дивелопмент компани"».[2] Соответственно с этим энергичную деятельность развила Американо-Азиатская ассоциация. Она побуждала правительство США выступить совместно с другими державами и помешать Китаю свести на нет доктрину «открытых дверей». По этому поводу президент Ассоциации Фрэзер имел 16 марта 1900 г. конфиденциальную встречу с президентом США Мак Кинли.[3] Кроме того, руководство Ассоциации оказывало постоянное давление на Хэя, его заместителя Дэвида Хилла и поддерживало контакт с Рокхиллом. В июне 1900 г., когда восстание в Китае приняло особенно грозный оборот, Ассоциация обратилась к американскому правительству с петицией, требуя «быстрого и энергичного применения достаточной (для подавления восстания, — *А. Ф.*) силы».[4]

В политических кругах США восстание Ихэтуань оценивали как серьезный симптом, опасаясь как бы оно не послужило толчком к развитию революционного движения во всей Азии. Близкий к американскому правительству, друг и единомышленник Хэя Генри Адамс, с которым государственный секретарь поддерживал регулярную переписку и постоянно советовался по важнейшим политическим вопросам, отмечал, что «китайцы подражают бурам», и выражал опасение по поводу того, что «китайское восстание может воздействовать на Персию и Центральную Азию и возникнет общее магометанское восстание». «Падение существующего строя в Китае, Индии, Персии и Армении,— писал Адамс,— может расшатать устои цивилизации».[5]

Стремясь избежать подобного исхода, правительство США решило принять участие в коллективной интервенции держав

[1] См.: Campbell, Special, стр. 71.
[2] Баш — Хэю 15 VI 1900 (цит. по: Campbell, Special, стр. 71).
[3] Campbell, Special, стр. 68.
[4] Там же, стр. 70.
[5] См.: Генри Адамс — Хэю 26 VI 1900: Letters of Henry Adams, ed. by W. C. Ford. Boston—N. Y., 1938, стр. 289—290, а также Генри Адамс — Бруксу Адамсу: Henry Adams and his friends. A collection of his unpublished letters. Ed. by H. D. Cater. Boston, 1947, стр. 496. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).

для подавления восстания Ихэтуань. Соединенные Штаты в числе первых послали в Китай свои войска численностью около 5 тыс. человек[1] и усилили военно-морскую эскадру в китайских водах. Характеризуя роль США в интервенции против Китая, Де Воллан писал, что Соединенные Штаты приняли «самое деятельное участие в военных действиях» и стремятся фигурировать «всегда на первом месте».[2]

Параллельно вооруженной интервенции американская дипломатия приняла меры для того, чтобы предупредить другие державы в их покушениях на раздел Китая и гарантировать благоприятные условия Соединенным Штатам, заинтересованным в соблюдении принципа «открытых дверей». 3 июля 1900 г. Хэй обратился с новой нотой к державам, настаивая на соблюдении территориальной и административной целостности Китая.[3] Кроме того, после подавления восстания США высказались за смягчение предъявляемых Китаю требований по возмещению понесенных державами убытков и выдвинули лозунг «подчинения Китая руками китайцев».[4] США призывали не нарушать престижа китайского богдыхана и «не компрометировать будущность династии, призванной... управлять судьбой Китая».[5] Сохранение Цинской династии они попреж-

---

[1] Кроме этого, по решению американского правительства в середине июля 1900 г. в Китай были посланы еще 10 тыс. человек (депеша Де Воллана 18 VII 1900: АВПР, Китайский стол, д. 766, л. 77). Однако в Китай эти войска не попали. Они, повидимому, были задержаны на Филиппинах, где положение в это время стало довольно напряженным: национально-освободительная борьба на островах продолжалась, а часть войск пришлось отправить в Китай. Создалось такое положение, что, по словам командующего американской армией на Филиппинских островах генерала Мак Артура, «если бы еще хоть один полк был взят с Филиппин, Америка потеряла бы весь архипелаг». Однако правительство США считало подавление восстания в Китае вопросом первостепенной важности и, невзирая ни на что, решило «иметь свою квоту в Дагу» (Хэй — Г. Адамсу 8 VII 1900: Letters of Henry Adams, стр. 295). Но уже в начале августа с восстанием в Китае было в значительной степени покончено, и рисковать Филиппинами не было никакого смысла.

[2] Депеша Де Воллана 17 VIII 1900: АВПР, Китайский стол, д. 786, л. 54.

[3] См.: USFR, 1900, стр. 298—300. Знаменательно, что почти одновременно с этим США возобновили свои попытки получить военно-морскую базу на территории Китая. В июне—июле 1900 г. Морское министерство снова подымает вопрос о захвате о-вов Чжоушань. Осенью 1900 г. внимание Соединенных Штатов переключилось на бухту Самса в провинции Фуцзянь и на порт Циньвандао в Маньчжурии. Все эти попытки оказались безуспешными из-за противодействия Англии, Японии и России, в «сферах влияния» которых находились указанные пункты (см.: S. W. Livermore, ук. соч., стр. 123—125; АВПР, Китайский стол, д. 1484, л.л. 7—11).

[4] См.: Лю Да-нянь, ук. соч., стр. 97.

[5] Кассини — Ламздорфу 21 XI 1900: АВПР, Канцелярия МИД, 1900, д. 109, л. 278.

нему считали важнейшей задачей своей политики в Китае. Противопоставляя себя другим державам, США рассчитывали усилить свое влияние в Пекине и в то же время ограничить сферу вмешательства европейских держав и помешать осуществлению их планов, шедших вразрез с американскими интересами. Наконец, Соединенные Штаты не видели необходимости в крайних мерах, после того как восстание было подавлено, опасаясь вызвать излишнее недовольство. «Я имел несколько бесед с сэром Робертом Хартом,[1]— писал назначенный с июля 1900 г. специальным уполномоченным США в Пекине Рокхилл.— Его многолетний опыт жизни в Китае заставляет нас относиться с вниманием к его взглядам. Он смотрит на Боксерское восстание как на национальное и патриотическое движение за освобождение Китая от иностранцев, по вине которых прямо или косвенно происходили все несчастья страны за последние полвека. Хотя восстание сейчас и подавлено, он опасается, что мир вынужден будет снова столкнуться с восставшим вооруженным Китаем, но тогда уже не толпой с копьями и трезубцами». Рокхилл разделял опасения Харта и во избежание подобного исхода рекомендовал действовать осторожно.[2] Несомненно, что стремление предотвратить новое восстание в Китае и побуждало правительство Соединенных Штатов к подобному образу действий.[3] Впрочем это не помешало Соединенным Штатам вместе с другими державами принудить Китай подписать Заключительный протокол (1901 г.), налагавший на него крупную контрибуцию в 450 млн лан и содержавший целый ряд других унизительных условий.

Антиимпериалистическое восстание 1900 г. потерпело поражение. Несмотря на значительное увеличение масштабов движения и героизм его участников, это восстание все еще напоминало «старокитайский бунт» (Ленин). Подобно более ранним восстаниям в Китае 1870, 1891 и 1893 гг., восстание 1900 г., равно как и народное движение в целом за период 1895—

---

[1] Р. Харт — англичанин, генеральный инспектор Китайских морских таможен.

[2] Рокхилл — Хэю 1 X 1900: USFR, 1900, стр. 207.

[3] Это нужно было также и для того, чтобы отвлечь внимание американских «антиимпериалистов», выступавших против интервенции в Китае. «Многочисленный класс фермеров и большинство американской публики,— писал Де Воллан,— желают скорейшего отозвания войска не только из Пекина, но даже из Китая... президенту же ввиду предстоящих выборов приходится лавировать» (Де Воллан — Ламздорфу 25 IX 1900: АВПР, Канцелярия МИД, 1900, д. 109, л. 238).

1900 гг., было стихийным и крайне непоследовательным. Революционному развитию движения мешали «царистские» лозунги повстанцев, выступавших за перемену существовавшей Цинской династии на «лучшую» и за возвращение к «золотому веку» династии Мин. Непоследовательность движения сказалась и в том, что повстанцы дали себя легко уговорить, отказались от антифеодальных лозунгов и передали руководство в руки феодалов и правительственных деятелей, препятствовавших революционному развитию восстания. Правильному ходу борьбы с иностранным гнетом мешал и характерный для подобного рода движений, но мало эффективный поход против иностранных «усовершенствований»: повстанцы разбирали железные дороги, разрушали телеграфные линии и уничтожали иностранные товары. Во всем этом проявлялась крестьянская природа движения, в конечном итоге обусловившая и невозможность его победоносного исхода. В Китае в конце XIX в. еще не было революционного класса промышленных рабочих, который встал во главе движения позднее. Слабой, как это видно на примере «Общества возрождения Китая», была и революционная китайская буржуазия. В период восстания Ихэтуань это «Общество» снова попыталось поднять восстание на юге и в центре Китая, но и на этот раз потерпело неудачу.

И все же национально-освободительное движение в Китае 1895—1900 гг. имело большое историческое значение, ибо в китайском феодальном обществе «только эта классовая борьба крестьянства, только эти крестьянские восстания и войны и были истинными движущими силами исторического развития».[1] Выступая против иностранного засилия, китайский народ боролся за свободу и независимость своей страны. От конечного исхода этой борьбы зависело, станет ли Китай самостоятельным независимым государством или превратится в колонию. Хотя антиимпериалистическое восстание 1900 г. и не смогло еще стать победоносным, оно нанесло серьезный удар по планам колониальной политики держав в Китае.

---

[1] Мао Цзе-дун. Избранные произведения, т. 3. М., 1953, стр. 141.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторически сложившиеся особенности в развитии Соединенных Штатов и связанный с этим поздний выход Америки на международную арену обусловили специфический характер внешней политики США. Примером этому была доктрина «открытых дверей», при помощи которой Соединенные Штаты пробивали себе дорогу в Китай. Однако при всей своей специфике политика США не имела существенного различия по сравнению с политикой других империалистических держав. Как и в политике любой европейской державы, в политике Америки решающая роль принадлежала монополистическому капиталу. Представлявшие заинтересованные в Китае капиталистические круги «Американ Чайна дивелопмент компани» и Американо-Азиатская ассоциация оказали решающее влияние на дальневосточный курс Государственного департамента.

Политика США могла отличаться и действительно отличалась от политики других держав своими методами, но это различие нисколько не меняло ее империалистического смысла. Соединенные Штаты не уступали другим державам ни в притязаниях на железнодорожные концессии, ни в торговой экспансии. Достаточную настойчивость проявляли Соединенные Штаты и в поисках подходящей военно-морской базы на территории Китая. Если же Америке не удалось получить концессий на важнейшие железнодорожные пути, добиться первенства в торговле и «арендовать» у Китая военно-морскую базу, то это было лишь результатом того отпора, который она встретила со стороны более сильных в военно-политическом отношении держав. В. И. Ленин указывал, что капиталисты делят мир «по капиталу», «по силе», и что «иного способа дележа не может быть».[1] Захватить Филиппинские острова у слабой Испании — это было одно, а входить в конфликт с Англией из-за о-вов Чжоушань, с Германией из-за Чифу и с Россией из-за Циньвандао — это было совсем другое.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 241.

Что же касается специфики методов американской политики, то она, как мы видели, заключалась в акценте на экономическое завоевание Китая. Обладая промышленным превосходством по сравнению с другими державами, США стремились перенести центр тяжести борьбы за Китай в сферу экономическую и тем самым свести на нет преимущества других держав в военно-политическом отношении. В этом заключался смысл принципа «равных возможностей» в торговле с Китаем, выдвинутого доктриной «открытых дверей». По оценке американского публициста, а впоследствии посланника в Китае Рейнша, поддержание «равных возможностей» было «первостепенной необходимостью для американской торговли на Востоке», ибо «никакое территориальное приобретение, которое было бы возможно в настоящее время получить, не компенсировало бы Соединенным Штатам потерю в торговле».[1] Вместе с тем США преследовали в Китае вполне определенные политические цели. Принцип «территориальной и административной целостности», входивший составной частью в доктрину «открытых дверей», являлся средством утверждения полуколониального режима Китая. Соединенные Штаты выступили против сепаратных действий держав, противопоставив этому международный контроль над Китаем, но в конечном итоге стремились добиться усиления своего влияния на Пекинское правительство. И в этом был специфический прием американской политики: облечь свою собственную экспансию в форму международных мероприятий.

Наконец, не вовсе игнорировали Соединенные Штаты и военные методы. Недаром, перед тем как выступить с доктриной «открытых дверей», США создали на подступах к Китаю целую сеть военно-стратегических баз, что с лихвой возместило отсутствие военной базы у США на территории Китая. «Владея Гавайями, Тутуилой в группе островов Самоа, Гуамом в Марианских островах и Манилой,— писал Рейнш вскоре после провозглашения доктрины «открытых дверей»,— Соединенные Штаты будут иметь опорные пункты, достаточные для того, чтобы защитить пути, по которым будет проходить их торговля с Востоком». «Опорные пункты» и «поддержание политики „равных возможностей" во всем колониальном мире (скорее чем колониальные захваты)»,[2] — такова была установка Соединенных Штатов в борьбе за передел колониальных владений капиталистических держав, нашедшая свое воплощение в политике «открытых дверей».

[1] P. Reinsh, ук. соч., стр. 325. (Разрядка моя,— *А. Ф.*).
[2] Там же, стр. 324, 361. (Разрядка моя,— *А. Ф.*)

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

I. «План Денби» (к главе II).

II. «Американ Чайна дивелопмент компани» (к главе II).

№ 1. Письмо Джона У. Фостера Петику 20 XII 1895 (стр. 176).

№ 2. Письмо Петика Кассини 16 IV 1896 (стр. 177).

№ 3. Проект железнодорожной концессии «Американ Чайна дивелопмент компани» (стр. 180).

№ 4. Контракт «Американ Чайна дивелопмент компани» с Китаем на постройку железной дороги Ханькоу—Кантон 14 апреля 1898 г. (стр. 182).

№ 5. Секретное приложение к контракту на постройку железной дороги Ханькоу—Кантон 14 апреля 1898 г. (стр. 187).

№ 6. Доклад Чжан Чжи-дуна 22 июля 1900 г. (стр. 188).

III. Проект европейской торгово-политической коалиции против США (к главе III).

№ 1. Памятная записка Вильгельма II «О необходимости образовать против САСШ торгово-политическую коалицию европейских государств» (стр. 209).

№ 2. Письмо Витте Муравьеву 12 XI 1897 (стр. 213).

IV. Доктрина «открытых дверей» (к главе IV).

№ 1. Нота правительства Соединенных Штатов Америки правительству Англии 22 сентября 1899 г. (стр. 215).

№ 2. Ответные ноты правительства Англии 29 сентября и 30 ноября 1899 г. (стр. 218).

№ 3. Нота правительства Соединенных Штатов Америки правительству России 20 сентября 1899 г. (стр. 219).

№ 4. Письмо Витте Муравьеву 26 XII 1899 (стр. 220).

№ 5. Ответная нота правительства России 30 XII 1899 (стр. 223).

I. «ПЛАН ДЕНБИ»[1]

1. Во время войны консулы дружественной державы, действующие в интересах воюющей державы, должны обладать полной юрисдикцией, которой консул последней обладал во время мира.

2. Китай должен быть открыт для проживания иностранцев, так же как открыты страны Запада.

3. Независимо от того, будет ли принят пункт 2 или нет, миссионеры должны направляться туда, где им удобно, селиться, покупать землю и быть под защитой [китайского правительства].

4. Иностранные товары не должны подвергаться никакому обложению, исключая ввозную пошлину, до тех пор пока они не достигнут потребителя. Они не должны облагаться налогом, как это делается теперь, сразу по выгрузке.

5. Никакой внутренний налог или ликин, который дискриминирует иностранные товары, не должен налагаться на них. Никакой налог не должен быть запретительным, ни в коем случае не превышать 2%. Никакой внутренний налог не должен налагаться на иностранные товары до тех пор, пока подобный налог не будет наложен на туземные товары такого же характера.

6. Местные власти не будут иметь никакого права (power) вводить более низкие пошлины для товаров, перевозимых на туземных судах, по сравнению с товарами, перевозимыми на иностранных судах. Экспортная пошлина должна быть единой.

7. Каждый порт в Китае, постоянно используемый и часто посещаемый судами дальнего плавания, должен быть открыт всему миру.

8. Каботажная пошлина в 2.5% на товары, посылаемые вниз по Янцзы и предназначенные к экспорту, должна уплачиваться не в звонкой монете, а в бонах. Если же товары не будут вывезены через определенное время, каботажная пошлина должна быть уплачена.

9. Отменяются возвратные пошлины и принимаются боны в уплату таможенных пошлин, для того чтобы освободить коммерческие сношения от бесполезных расходов.

10. Правила судоходства по Янцзы должны быть изменены или отменены вовсе. Не следует требовать никаких таможенных закладных в случае, если товары, перевезенные из одного пункта, будут целиком (in toto) доставлены в другой. Существующие правила совершенно абсурдны.

---

[1] Перевод с английского. G. N. Steiger. China and the Occident. New Haven, 1927, стр. 50—52.

11. Частновладельческие яхты и неторговые суда могут подниматься по Янцзы и освобождаются от таможенных сборов в Чжэцзяне.

12. Провинциальные власти не должны иметь права облагать пошлинами иностранные товары с какой бы то ни было целью. Такое обложение будет вводить только Центральное правительство.

13. Машины могут ввозиться.

14. Иностранцы могут заниматься предпринимательством в Китае на тех же условиях, что и туземцы.

15. Бранные и скандальные публикации, задевающие иностранцев, должны решительно пресекаться.

16. Строгие меры должны быть предприняты для того, чтобы предотвратить антииностранные восстания, а если таковые произойдут, повстанцы должны быть достойно наказаны и, кроме того, должен быть возмещен нанесенный ущерб.

17. Все части Китая будут открыты для иностранной торговли. Это, в частности, будет относиться к Пекину, равно как и к любой другой столице.

18. Вице-королям, губернаторам и провинциальным властям вообще будет запрещено решать международные вопросы, исключая удовлетворение требований о возмещении ущерба, причиненного иностранцам. Все прочие вопросы, затрагивающие иностранцев, будут решаться в столице и будут подведомственны только Центральному правительству.

19. Никакой вице-король или губернатор не будет иметь права заключать с иностранцами контракты на покупку или поставки какого-либо материала. Любой подобный контракт будет заключаться, либо полномочие заключить его будет предоставляться императорским Центральным правительством.

II. «АМЕРИКАН ЧАЙНА ДИВЕЛОПМЕНТ КОМПАНИ»

№ 1

Письмо Джона У. Фостера из Вашингтона личному секретарю Ли Хун-чжана Петику 20 декабря 1895 г.[1]

Мой дорогой сэр!

Это письмо будет вручено Вам мистером А. В. Башем, с которым Вы знакомы по его предшествующему визиту в Китай и поэтому мне не нужно как-либо рекомендовать его. Скажу

[1] Перевод с английского. Вручено Кассини Башем. Приложено к депеше Кассини Лобанову-Ростовскому 22 IV 1896: АВПР, Китайский стол, д. 114, ч. 1, л.л. 57—58.

лишь, что знаю его в течение многих лет и считаю его джентльменом прямого характера и деловой честности.

М-р Баш подробно объяснит Вам цель своего нынешнего визита в Китай, который предпринят им в интересах заключения контрактов с китайским правительством на сооружение железных дорог в Империи. Я имею удовольствие заявить, что встречал некоторых из джентльменов, которые объединились в этом синдикате или компании, которую он представляет, и я могу заверить Вас, что они — персоны самого высокого положения в банковских, финансовых и железнодорожных кругах нашей страны. Штаб-квартира синдиката находится в Нью-Йорке, и я не сомневаюсь, что он сможет контролировать весь капитал, необходимый для выполнения любого предприятия в Китае, о котором он сможет договориться с китайским правительством.

Итак, я прошу Вас помочь м-ру Башу поставить этот вопрос перед его превосходительством вице-королем и, кроме того, сделать все, что Вы сможете, для того чтобы способствовать цели его миссии. Из всего, что я знаю об этой стране, я заключаю, что компания, которую он представляет, предоставит китайскому правительству наилучшую возможность заключить соглашения о строительстве железных дорог в Империи, и я уверен, что Вы не только окажете услугу тем лицам, которых представляет м-р Баш, но также и китайскому правительству, оказав помощь в заключении соглашения между ними.

Сердечно рекомендуя м-ра Баша Вашему всегда благосклонному вниманию, надеюсь, что это письмо застанет Вас в добром здравии.

Преданный Вам Джон У. Фостер

№ 2

Письмо личного секретаря Ли Хун-чжана Петика русскому посланнику в Пекине Кассини 16 апреля 1896 г.[1]

Пользуясь привилегией, данной мне Вашим превосходительством, писать Вам по любому важному вопросу, я позволю себе объяснить Вашему превосходительству цели Американского финансового синдиката, созданного недавно для вложения капитала в прибыльные предприятия для пользы Китая.

Этот синдикат представлен в Китае м-ром А. В. Башем, который находится в настоящее время в Пекине. Я прилагаю

[1] Перевод с английского. Приложено к депеше Кассини Лобанову-Ростовскому 22 IV 1896: АВПР, Китайский стол, д. 114, ч. 1, л.л. 52—58

список с указанием имен и положения некоторых из руководящих членов синдиката и копию рекомендательного письма, адресованного мне почтенным г. Джоном Фостером, бывшим государственным секретарем. Коротко говоря, синдикат состоит из людей самого высокого положения в банковских, финансовых и железнодорожных кругах Соединенных Штатов во главе с сенатором США К. С. Брайсом и эти люди в состоянии заключить финансовые соглашения любого масштаба, который потребуется, строить и эксплуатировать любые предприятия для развития этой страны на прочных и безопасных основах, но первостепенное внимание они хотят уделить железным дорогам.

Великий замысел русского правительства — Транссибирская железная дорога, энергия и способности, проявленные ныне при ее сооружении, естественно внушили синдикату мысль об увенчании сооружения в Сибири строительством линии через Маньчжурию, чтобы соединить существующие и будущие железные дороги в Северном Китае и способствовать таким образом финансовому успеху Сибирской линии, отвлекая частично поток торговли между Китаем и Европой от южного пути по морю к северному по суше. Выгода такой железной дороги для Маньчжурии несомненна; плодородные земли, минеральные ресурсы и леса этой страны — все это ожидает эксплуатации в интересах как государства, так и народа...[1]

Этот сжатый очерк покажет Вашему превосходительству, что настоящий план предназначен для усиления Транссибирской железной дороги, для разработки ресурсов Маньчжурии и предоставления дохода китайскому правительству, не вводя при этом какого-либо беспокойного политического элемента на данной территории; американский опыт и капитал будут применены для того, чтобы расширить мирные отрасли хозяйства, чтобы работать совместно с Россией в интересах процветания Северного Китая. Представляется целесообразным, чтобы Россия и Америка, располагающие самыми большими железнодорожными системами в мире, способствовали укреплению своей традиционной дружбы, сотрудничая в деле, которое они так хорошо знают.

Настоящий момент дает, кажется, благоприятную возможность продвинуть этот план. Китай делает слабую попытку взяться за строительство той же самой железной дороги, но он не располагает средствами; Россия сосредоточивает свои усилия на Транссибирской линии, и, повидимому, потребуется

[1] Опущено изложение условий проекта концессии «Американ Чайна дивелопмент компани», полный текст которого приводится ниже.

несколько лет, чтобы завершить эту огромную работу; поэтому, если строительство Маньчжурской линии будет начато вскоре американцами, обладающими энергией и деньгами, она будет готова для соединения с русской линией, и обе стороны получат от этого выгоду гораздо скорее, чем в ином случае.

Когда Маньчжурская линия будет построена, она должна поглотить существующие железные дороги Тяньцзин—Шаньхайгуань и Тяньцзин—Пекин, чтобы ввести единую систему эксплуатации. Нынешнее состояние линии Тяньцзин—Шаньхайгуань показывает, насколько невозможна нормальная эксплуатация железной дороги при неумелом управлении китайцев; китайские директора обнаруживают обычную чиновничью беспомощность и коррупцию, ссорятся друг с другом, нанимают бесполезных людей и не поощряют заслуг. Иностранная система управления — централизация ответственности и введение строгой дисциплины — есть единственный путь к успеху в эксплуатации железных дорог в Китае.

Я предлагаю этот вопрос вниманию Вашего превосходительства, признавая, что Маньчжурия и северные провинции собственно Китая входят в сферу русского влияния, и вследствие этого всякого рода обширные планы, в которых иностранцы заинтересованы в этой части Китая, должны осуществляться только с ведома и полного одобрения русского правительства и должны находиться в соответствии с политическим и торговым курсом России.

Я не прошу Ваше превосходительство выразить свое мнение по этому поводу в настоящее время, так как несомненно Вы выскажетесь об этом, когда это будет для Вас совершенно удобно, и до тех пор пока Ваша точка зрения не станет известна, этот вопрос не будет официально обсуждаться с представителями китайских властей. Я посоветовал синдикату всегда открыто и без ограничений сообщать представителям России любые проекты, которые они будут иметь в отношении предприятий в Северном Китае. Если осуществление Маньчжурского проекта пойдет дальше, будет необходимо проконсультироваться с русскими представителями относительно наилучшего способа обеспечить сотрудничество с Сибирской железной дорогой.

Я хотел разъяснить Вашему превосходительству, что моя позиция в этом вопросе — лишь позиция друга и доброжелателя компании почтенных и влиятельных американских капиталистов; я не имею никаких обязательств в отношении них, не нахожусь у них на службе и не получаю платы. Я рад помочь любому законному предприятию, которое может принести пользу обществу, и так как к моей помощи обратились,

моя первая забота разъяснить этот Маньчжурский проект Вашему превосходительству; я не буду предпринимать никаких дальнейших действий до тех пор, пока Вы не будете совершенно готовы высказать свое мнение по этому поводу.

Имею честь и т. д.

В. Н. Петик

№ 3

Проект железнодорожной концессии «Американ Чайна дивелопмент компани» [1]

«Американ Чайна дивелопмент компани», корпорация, организованная по законам штата Нью-Джерси, настоящим предлагает китайскому правительству заключить контракт на постройку железной дороги в Маньчжурии и Северном Китае на следующих условиях:

1. Главная линия начнется от какого-нибудь порта в Ляодунском заливе и будет продолжена на север через Ючжуан, Мукден и Гирин. От Гирина она будет продлена через Цицикар или иным способом к какому-нибудь пункту русской Транссибирской железной дороги и будет соединена с ней. Кроме того, от Мукдена она будет продолжена на юг, к корейской границе.[2]

2. Стоимость строительства этой дороги будет покрыта выпуском названной компанией облигаций из расчета...* годовых, которые будут оплачены через...** Основной капитал и проценты на облигации будут гарантированы китайским правительством.

3. Дорога будет строиться, эксплуатироваться и управляться вышеуказанной компанией. Она будет построена и будет эксплуатироваться по американской системе, либо с частичным отклонением от нее. При сооружении и эксплуатации

---

[1] Перевод с английского. Вручено Кассини Башем. Приложен к депеше Кассини Лобанову-Ростовскому 22 IV 1896: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 18, л.л. 145—146.

[2] Китайскому правительству был вручен и другой вариант «проекта», в котором излагались американские планы железнодорожного строительства во всем Китае. Пункт 1 другого варианта гласил: «Китайское правительство предоставит Американской компании право организовать железнодорожное общество, коему будет разрешено построить, оборудовать и эксплуатировать систему железных дорог в Китае, причем магистральная линия начнется от моста Лу-гоу-цзяо (близ Пекина) и пойдет в южном, одобренном ныне правительством направлении к Ханькоу, причем будут сделаны такие разветвления, какие правительство и компания найдут полезными» (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 597, л. 7).

* Предположено 6%.

** Предположено 35 лет.

железной дороги соблюдена будет такая экономия, которая может быть совместима с солидностью работы и безопасностью эксплуатации, но никакой гарантии в отношении сооружения железной дороги китайское правительство вперед требовать не будет.

4. За настоящей компанией будет закреплено 60% акций данной железной дороги, а остальные 40% акций могут быть приобретены подданными Китая или китайским правительством, либо другим правительством или частными лицами, которые будут избраны по соглашению между китайским правительством и «Американ Чайна дивелопмент компани».

5. Указанная железнодорожная компания будет иметь право приобретать земли, леса и шахты в любой части Маньчжурии и прилегающих частях Монголии и производить их разработку. Никакие ограничения не будут применяться и никакие налоги запретительного характера не будут введены на добычу этих шахт, и на продукцию этих земель и лесов ни по месту производства, ни в процессе их перевозки.

6. Ни имущество железной дороги, ни товары, ввозимые ею для собственного потребления, не будут облагаться никакими налогами.

7. Китайское правительство предоставит компании безвозмездно все казенные земли, нужные ей для проведения линии, и озаботится отчуждением частных земель после того, как будет уплачена действительная стоимость земли и сооружений на ней. Это условие будет применено ко всем землям вдоль пути, которые могут понадобиться для станций, конечных пунктов и всяких других целей. При определении места проведения железной дороги самое тщательное внимание будет обращено на то, чтобы не нарушать частных прав. В случае необходимости будут созданы условия для перемещения могил.

8. Никакая концессия на другую железную дорогу или ответвление железной дороги в Маньчжурии не будет предоставлена никакой компании и никакому лицу в течение 30-летнего срока без согласия «Американ Чайна дивелопмент компани».

9. Указанная компания обязуется выплачивать китайскому правительству половину всего дохода, полученного от эксплуатации данной железной дороги и всех ее частей, после уплаты 10% годовых на акции компании и отчисления известной суммы в год, чтобы создать запас для оплаты облигаций и выкупа акционерного капитала. Если бы правительство Китая пожелало впоследствии приобрести в свою собственность дорогу, построенную на предлагаемых ныне условиях, этот вопрос мог бы быть улажен по взаимному соглашению о сроках, способе и размерах уплаты.

10. Указанная компания обязуется далее платить китайскому правительству арендную плату в размере 25% прибыли со всей горной промышленности, лесоразработок, сельского хозяйства и других предприятий, которыми она будет владеть в Маньчжурии.

11. Китайское правительство издаст эдикт, утверждающий настоящий контракт, и возьмет под свою защиту собственность и служащих указанной компании.

№ 4

Контракт между «Американ Чайна дивелопмент компани» и Китаем 14 апреля 1898 г. о сооружении железной дороги Ханькоу—Кантон [1]

Поскольку его императорское величество император Китая издал указ, назначающий и уполномачивающий его превосходительство Шена как генерального директора Китайских императорских железных дорог на Юге соорудить, либо обеспечить строительство некоторых железнодорожных линий и, в особенности, железную дорогу от города Ханькоу в провинции Хубэй до города Кантона в провинции Гуандун, и

Поскольку образована Китайская компания для сооружения железных дорог в Китае, санкционированная императором, в дальнейшем именуемая здесь Китайская железнодорожная компания, генеральным директором которой является его превосходительство Шен, и

Поскольку его превосходительство Шен в указанном выше качестве назначил и уполномочил его превосходительство У Тин-фана, китайского посланника в Вашингтоне (Соединенные Штаты Америки), заключить контракт в изложенных ниже целях с американской корпорацией, известной под названием «Американ Чайна дивелопмент компани»,—

Постольку мы настоящим согласились о нижеследующем:

1. «Американ Чайна дивелопмент компани» настоящим соглашается предоставить заем для сооружения железнодорожной линии от города Ханькоу до города Кантона в сумме 4 млн фунтов стерлингов, либо ее эквивалент в американских золотых долларах, либо, в случае необходимости, больше. Указанные 4 млн фунтов стерлингов, или столько, сколько их может понадобиться для сооружения и оборудования упомянутой железной дороги, будут выплачены отдельными взносами

[1] Перевод с английского. Приложено к депеше Кассини 18 VIII 1898: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 597, л.л. 18—27.

по мере продвижения работ. Первый взнос будет сделан сразу, как только доклад главного инженера «Американ Чайна дивелопмент компани» будет одобрен генеральным директором, что предусмотрено ниже.

2. Для того чтобы гарантировать сумму займа, как это ниже предусмотрено, когда его действительный объем будет зафиксирован (во всяком случае он должен быть достаточным, чтобы чистая сумма займа составила не менее 4 млн фунтов стерлингов), будут выгравированы и полностью переданы «Американ Чайна дивелопмент компани» китайские императорские золотые облигации на английском и китайском языках. На указанных облигациях должны стоять подпись или факсимиле генерального директора Китайской железнодорожной компании, и они должны быть контрассигнованы китайским посланником в Вашингтоне (Соединенные Штаты Америки). Они будут приносить 5% годовых, выплачиваемых по полугодиям. Однако выплата указанного процента будет начата только на те облигации, средства от реализации которых по мере их поступления будут затребованы или израсходованы на приобретение земель для прокладки дороги, сооружение или оборудование ее. Причем образец облигации и гарантии или соответствующие им обязательства должны быть приняты на себя «Американ Чайна дивелопмент компани» и генеральным директором. Было условлено, что эти облигации будут одинакового образца с выпущенными недавно гарантированными облигациями Императорских таможен. Кроме того, они будут представлять собой первую закладную железной дороги и относящихся к ней сооружений и никак не будут зависеть от доходов таможен. Они будут переданы «Американ Чайна дивелопмент компани» и взяты ею, как выше указано, за 90% их номинальной стоимости. Общая сумма, на которую выпускаются облигации, должна соответствовать смете, составленной инженером «Американ Чайна дивелопмент компани», чтобы покрыть все статьи расхода и получить в указанных 90% чистую сумму, необходимую для завершения всех работ согласно картам и планам указанной компании, утвержденным генеральным директором. Упомянутая «Американ Чайна дивелопмент компани» настоящим соглашается строить железную дорогу в соответствии с планами, одобренными указанным образом. Подразумевается, что генеральный директор будет иметь необходимое время для рассмотрения всех указанных планов и спецификаций, представленных на его утверждение, и что его утверждение не будет иметь окончательной санкции до тех пор, пока он не поставит своей подписи. «Американ Чайна дивелопмент компани» свободна продавать полностью или частично

эти облигации публике, любые потери и прибыль несет или получает указанная компания.

3. «Американ Чайна дивелопмент компани» построит и оборудует по самому новому образцу и будет эксплуатировать, как здесь предусмотрено, железнодорожную линию от Ханькоу до Кантона со всеми необходимыми сооружениями, и, если будет сочтено целесообразным, она будет иметь право продолжить железную дорогу от Кантона к морю, либо к такому другому месту, о котором можно будет условиться с генеральным директором. Настоящим было условлено, что Китайская железнодорожная компания или генеральный директор приобретет необходимые права для прокладки дороги и другие необходимые льготы и привилегии в целях сооружения и эксплуатации указанной железнодорожной системы синдикатом «Американ Чайна дивелопмент компани». Далее было условлено, что концессия, предоставленная и полученная по настоящему контракту, будет включать право постройки коротких железнодорожных веток в целях развития торговли и связей. Все карты и планы для такого продолжения должны быть одобрены генеральным директором. Специально условлено, что во всех вопросах, относящихся к строительству и администрации железной дороги, как в начале строительства, так и в дальнейшем со стороны служащих «Американ Чайна дивелопмент компани» особое внимание будет обращено на нравы, привычки и настроения китайского населения. Их интересы будут приняты во внимание и их претензии будут удовлетворены по мере их возникновения, насколько это практически возможно, где бы и когда бы они не возникли. С согласия генерального директора китайцы могут использоваться «Американ Чайна дивелопмент компани» на ответственных постах в связи с сооружением и администрацией железнодорожной системы, предусмотренной настоящим соглашением. Контракты с китайцами на земляные работы должны заключаться с согласия генерального директора или по его полномочию. Сами по себе указанные работы должны находиться в соответствии с планами и спецификациями главного инженера «Американ Чайна дивелопмент компани» и под его наблюдением. В процессе сооружения и управления железной дорогой ни китайцам, ни иностранцам не будет разрешено вмешиваться или препятствовать строительству железной дороги. Не будет поставлено препятствий и затруднений также в отношении изыскательской партии.

4. В качестве вознаграждения за управление строительством и оказанные услуги «Американ Чайна дивелопмент компани» получит 5% всей стоимости сооружения, за исключением

стоимости земель. Условлено, что все материалы, необходимые для железной дороги, будут приобретаться на открытом рынке. Предпочтение должно отдаваться китайским материалам, в частности продукции Нанкинского железоделательного завода и др., в случае если она будет предложена на одинаково приемлемых условиях и одинаково хорошего качества. Никакие комиссионные не будут взиматься в пользу «Американ Чайна дивелопмент компани» за покупку материалов, кроме предусмотренных выше.

5. По завершении строительства железной дороги, либо такой ее части, которая будет пригодна для эксплуатации, она будет эксплуатироваться под управлением чиновников, назначаемых «Американ Чайна дивелопмент компани». Лица эти будут утверждаться генеральным директором, и будет образовано бюро или департамент наподобие Китайских императорских морских таможен. Этому департаменту будут подчинены главный инженер со штатом его служащих, равно как и все чиновники и рабочие. Неспособные, непокорные и ленивые служащие не будут оставляться на службе, все служащие обязаны подчиняться предусмотренному настоящим соглашением железнодорожному департаменту.

6. Условлено далее, что после выплаты жалованья служащим, платы рабочим и покрытия других расходов по эксплуатации и управлению железной дорогой, а также после уплаты процентов по займу указанная «Американ Чайна дивелопмент компани» получит 20% чистой прибыли в форме долговых обязательств, которые будут выпущены в виде, согласованном между генеральным директором и «Американ Чайна дивелопмент компани», одновременно с первыми закладными облигациями, предусмотренными настоящим соглашением. Китайская железнодорожная компания будет иметь право выкупить или погасить долговые обязательства в любое время по номинальной стоимости, т. е. по 100 за 100. Но указанные облигации, в случае если они не будут выкуплены, будут погашены без оплаты по истечении 43 лет со дня их выпуска, независимо от номинальной стоимости облигаций.

7. Сразу же после ратификации настоящего соглашения «Американ Чайна дивелопмент компани» в лице одного или нескольких агентов при участии компетентных инженеров, совместно с чинами Китайской железнодорожной компании, приступит к изыскательским работам по трассе вышеозначенной железной дороги, составит смету всех расходов по сооружению железной дороги со всеми необходимыми к ней пристройками, оборудованием, сигнальной аппаратурой и т. д. Указанная железная дорога будет построена «Американ Чайна дивелоп-

мент компани» в течение трех лет с начала работ, не считая непредвиденных обстоятельств и задержек, не зависящих от указанной компании. Расходы по изыскательским работам, предусмотренным настоящим соглашением, должны нести Китайская железнодорожная компания и «Американ Чайна дивелопмент компани», каждая в той части, в которой она будет принимать участие в этих работах.

8. Первая закладная золотых облигаций (предусмотренная выше настоящим соглашением), выпущенных согласно данному контракту, будет выкуплена в 50-летний срок со дня их выпуска. Условлено, что в случае, если бы Китайская железнодорожная компания пожелала выкупить частично или полностью указанные облигации, в течение первых 25 лет со времени их выпуска, указанная Китайская железнодорожная компания будет иметь право сделать это с уплатой 102.5 доллара за каждую 100-долларовую облигацию, однако после 25-летнего периода со времени выпуска указанных облигаций облигации будут погашены. Китайская железнодорожная компания будет иметь право выкупить все или часть указанных облигаций по номинальной стоимости, т. е. по 100 за 100. По наступлении срока погашения облигации будут выпущены по нарицательной стоимости, если срок займа не будет продлен.

9. После оплаты всех облигаций, как это предусмотрено выше, Китайская железнодорожная компания, если она этого захочет, сможет взять управление железной дорогой исключительно в свои руки и уволит частично или полностью иностранных инженеров и других служащих, назначенных «Американ Чайна дивелопмент компани».

10. В качестве гарантии исполнения настоящего контракта «Американ Чайна дивелопмент компани» внесет на счет китайского посланника в Вашингтоне сумму в 100 000 долларов сразу после того, как контракт будет должным образом ратифицирован обеими сторонами. Указанная сумма в 100 000 долларов будет помещена в банке или ином кредитном учреждении в Нью-Йорке или Вашингтоне в форме, одобренной обеими сторонами. Этот вклад будет оставаться в банке до тех пор, пока указанная сумма в 100 000 долларов не будет израсходована в соответствии с планом работ в Китае «Американ Чайна дивелопмент компани» или ее агентами. Когда станет ясно, что указанная сумма израсходована таким образом «Американ Чайна дивелопмент компани» или ее агентами, указанная сумма будет полностью возвращена «Американ Чайна дивелопмент компани». Но она будет конфискована и передана китайскому посланнику в Вашингтоне, в случае если будет доказано, что в течение шести месяцев с настоящего дня по

крайней мере сумма, равная указанной, не будет израсходована «Американ Чайна дивелопмент компани» или ее агентами.

11. Имея конечной целью научить китайцев строить и эксплуатировать железные дороги, «Американ Чайна дивелопмент компани» откроет на свой собственный счет школу практического обучения в области железнодорожного дела, в которой китайцы будут обучаться всем вопросам, относящимся к строительству, эксплуатации и управлению железных дорог.

12. Все материалы и инструменты, необходимые для сооружения железной дороги, предусмотренной настоящим соглашением, будут ввозиться в пределы Китайской империи беспошлинно, аналогично тому, как это сделано в отношении Императорской северной железной дороги.

13. Железная дорога будет предоставлять приоритет и право проезда правительственным войскам в случае войны или восстания. В этом случае эти войска вместе с вооружением и припасами будут перевозиться по железной дороге за половинную плату.

14. Настоящим специально обусловлено, что никогда ни одной из сторон не будет предпринято действий, затрагивающих в какой-либо степени обязательства, предусмотренные настоящим соглашением. Такие действия не будут допущены ни Китайской железнодорожной компанией, ни «Американ Чайна дивелопмент компани».

15. Условлено, что в отношении любых деталей, связанных с осуществлением настоящего контракта и не предусмотренных настоящим соглашением, будет приниматься совместное решение по согласованию между главным уполномоченным «Американ Чайна дивелопмент компани» в Китае и Китайской железнодорожной компанией.

Подписано: У Тин-фаном и Тмун Ен-чаном с китайской стороны и скреплено печатью китайской миссии в Вашингтоне; Турлоу Уид Бэрнсом и А. В. Башем с американской стороны и скреплено печатью «Американ Чайна дивелопмент компани».

№ 5

Секретное приложение к контракту 14 апреля 1898 г.[1]

В мае 1897 г. был заключен договор между его превосходительством Шеном, с одной стороны, и бельгийским синдикатом, с другой, было заключено соглашение о займе на строительство железной дороги от Люгоуцзяо[2] до Ханькоу.

[1] Перевод с английского. Приложено к депеше Кассини 18 VIII 1898: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 597, л. 16.

[2] Предместье Пекина.

Настоящим условлено, что, если бы указанное соглашение было аннулировано, генеральный директор уполномочит «Американ Чайна дивелопмент компани» предоставить и указанная компания предоставит заем в 5 млн фунтов стерлингов, а в случае необходимости и более, для сооружения указанной железной дороги и сделает это на условиях, упомянутых в соглашении, заключенном сегодня в отношении займа для сооружения железной дороги Ханькоу—Кантон (за исключением объема займа). Условия эти во всех отношениях будут распространяться на данный заем, где бы они не применялись, и будут обязательны для обеих сторон. Было условлено, что «Американ Чайна дивелопмент компани» использует все части железной дороги Люгоуцзяо—Ханькоу независимо от того, будет ли эта работа завершена полностью или частично. Издержки «Американ Чайна дивелопмент компани» будут действительными расходами на строительство, уже одобренными генеральным директором.

Подписано: Тмун Ен-чаном и У Тин-фаном с китайской стороны и скреплено печатью миссии Китая в Вашингтоне; Турлоу Уид Бэрнсом и А. В. Башем с американской стороны и скреплено печатью «Американ Чайна дивелопмент компани».

№ 6

Доклад Чжан Чжи-дуна трону 22 июля 1900 г. о дополнительном соглашении с «Американ Чайна дивелопмент компани» на предмет сооружения железной дороги Ханькоу—Кантон от 13 июля 1900 г.[1]

По внимательному рассмотрению соглашения о займе на предмет постройки Кантон-Ханькоуской железной дороги, заключенного между Главным управлением китайскими железными дорогами и «Американ Чайна дивелопмент компани», почтительнейше представляю оное на благосклонное рассмотрение Вашего величества.

26-го года правления Гуансюя, в 6 луне, 17 дня (13 июля 1900 г.) получили императорский указ с разрешением заключе-

[1] Документ воспроизводится по тексту перевода с китайского языка (машинописная копия): ЦГИАЛ, ф. 560, л.л. 80—114. В публикуемый текст внесены поправки по сверке с французским переводом (типографский экземпляр): ЦГИАЛ, ф. 630, Русско-Азиатский банк, оп. 11, д. 273, л.л. 6—12. По получении настоящего доклада император передал его на рассмотрение ведомства иностранных дел. Представление последнего было получено только 7 июля 1902 г., и в тот же день дополнительное соглашение с «Американ Чайна дивелопмент компани» было ратифицировано императором, резолюция которого гласила: «Быть по сему».

ния дополнительного соглашения о займе на постройку Кантон-Ханькоуской железной дороги.

Прим. 1. В дополнительном соглашении уполномоченный императором директор Главного управления китайскими железными дорогами сановник Шен называется просто главнозаведующим.

Прим. 2. Главное управление китайскими железными дорогами в дополнительном соглашении называется Главным управлением.

Прим. 3. «Американ Чайна дивелопмент компани» в дополнительном соглашении называется Американским синдикатом.

В 24-м году правления Гуансюя, 3 луны, 12 дня (12 апреля 1898 г.) китайский посланник У Тин-фан получил от Цзунли ямыня телеграмму с императорским указом заключить с управляющим Американским синдикатом Башем соглашение, что и было сделано несколько времени спустя, 14 апреля 1898 г., по получении согласия Американского синдиката.

Смета расходов и карты местностей, отводимых под железную дорогу, были представлены сановнику Шену, который их рассмотрел и одобрил. В настоящее время оказалось, что расходы, необходимые на постройку линии, гораздо значительнее тех, которые были показаны в названной смете. Поэтому представилось необходимым заключить еще добавочное соглашение на предмет пополнения недостающей суммы, каковое соглашение следует:

Статья 1

В 1-й и 2-й статьях старого соглашения сказано, что сумма займа определяется, по меньшей мере, в 4 000 000 фунтов стерлингов в переводе на американскую валюту, причем в случае недостаточности названной суммы и необходимости увеличить ее заем может быть увеличен.

На всю сумму займа китайское правительство должно выдать маленькие облигации, причем гарантией займа не могут служить доходы Морских таможен, а первым обеспечением будет сама железная дорога. Размер суммы, нужной для постройки, должен быть определен главным инженером дороги.

Существовал проект удлинить линию до Самшуя и провести ветку на Пинсян. Так как проведение железнодорожной линии к этим двум местностям сопряжено с большими трудностями ввиду неблагоприятных условий почвы, нельзя было тогда же определить размеры стоимости работ. Ныне выяснилось, что расходы на постройку значительно выше, чем предполагалось по ранее составленной смете, и нужно поэтому значительно увеличить количество выпускаемых облигаций. Предполагается, что сумма в 40 000 000 долларов золотом будет достаточна для оборудования линии.

Деньги эти должны быть готовы, но американцы имеют право выдавать их по частям по мере движения работ по постройке железной дороги и при условии хорошего курса на серебро. Согласно 1-й и 2-й статьям старого соглашения, должно уведомлять каждый раз о размере передаваемой суммы, и проценты на оную будут насчитываться со дня передачи.

Главнозаведующий сановник Шен совместно с Американским синдикатом должны приказать инженерам дороги сообщать сроки окончания работ по участкам для внесения американцами следующей суммы, необходимой на продолжение работ. Таким образом, вся сумма займа — 40 000 000 долларов золотом — будет передана Китаю в несколько приемов, по меньшей мере в четыре. Это устанавливается ввиду охранения Китая от убытков, которые иначе произошли бы от накопления процентов на полученные им до наступления необходимости в них суммы.

Статья 2

Заем должен быть употреблен на постройку Кантон-Ханькоуской железной дороги и на нужды последней.

По расчетам инженеров оказывается, что расстояние от Учана до Кантона с продолжением линии до Самшуя равняется 740 английским милям. Длина веток на Пинсян — 66 английских миль; на Юэчжоу — 25 английских миль; на Сянтань — 9 английских миль.

Общая длина разъездов на линии равняется 78 английским милям. В общем это составляет 918 английских миль. Сумма всех расходов на работы по постройке, материалы, подвижной состав и другие статьи вместе с процентами займа до открытия движения и непредвиденными расходами равняется по приблизительному подсчету 36 538 000 долларов золотом. Если по реализации облигаций и окончании постройки линии из условленной с Американским синдикатом суммы займа получится значительный остаток, то таковой следует отдать на хранение какому-нибудь банку до распоряжений китайского правительства или же употребить на погашение облигаций, уплату процентов по займу Американскому синдикату или улучшение железной дороги. Назначение этого остатка будет зависеть от главнозаведующего и Американского синдиката.

Статья 3

Первым обеспечением выпускаемых китайским правительством облигаций будет служить железная дорога со всем ее имуществом, согласно условиям старого соглашения и общим

американским законам, что и устанавливается настоящим дополнительным соглашением. Железная дорога вообще служит гарантией всех упомянутых в настоящем дополнительном соглашении обязательств. При этом должно поступать по законам и таким же образом, как было поступлено в иных подобных случаях.

Если американцы пожелают платить по займу курсами других мест или по более поздним курсам, то должно предварительно придти к соглашению по сему предмету для более полного обеспечения облигаций китайского правительства.

В случае необходимости сменить доверенное по делам займа лицо или назначить новое, дело это должно быть решено по вызвавшим его обстоятельствам совместно главнозаведующим и Американским синдикатом, причем последний несет расходы по подобного рода делам.

Статья 4

В старом соглашении, в 1-й статье, постановлено, что вся сумма займа должна быть передана в несколько приемов сообразно с продвижением работ по постройке. Американский синдикат имеет командировать в Китай инженеров для производства смет по постройке железной дороги. Сметы эти должны быть препровождены главнозаведующему, который по рассмотрении и определит размер первого взноса. Следующие платежи будут производиться американцами по мере надобности. При подписании сего дополнительного соглашения договаривающиеся стороны решили, что первый взнос для начала работ будет произведен. При этом предоставляется Американскому синдикату избрать способ реализации необходимых для этого сумм: путем ли продажи облигаций китайского правительства или же посредством займа. Размер вносимой суммы должен быть равен сумме, на которую выпущены китайские облигации.

Если по вступлении в силу условий настоящего соглашения в 12-м месяце еще не будет приступлено к работам по сооружению линии, то соглашение это следует считать недействительным, причем суммы, следуемые по займу, остаются в руках американцев, которые возмещают из этих денег расходы по приобретению материалов и орудий, нужных при постройке, согласно указаниям инженеров дороги.

Ниже в соглашении говорится об учреждении Главного управления, которое занимается проверкой представляемых участковыми начальниками по постройке счетов, которые затем

отправляются в избираемый заинтересованными сторонами банк. Отчеты по платежам, делаемым американцами, должны быть пересланы в Китай и переданы вместе с отчетами о расходах, произведенных при постройке, Главному управлению дороги, которое по рассмотрении и передаст их главнозаведующему сановнику Шену; сей последний же в свою очередь сообщит их Цзунли ямыню, Главному управлению горными и железнодорожными делами и Министерству финансов для сохранения.

Статья 5

Постановления в старом соглашении, во 2-й статье, относительно облигаций Китая, процентов и образа начета последних должны быть одинаковы с постановлениями на этот предмет в дополнительном соглашении. Проценты на облигации будут насчитываться покупателю со дня продажи облигации. Проценты на проданные в первый прием облигации будут выдаваться владельцам облигаций по расчету со дня продажи последних. Проценты будут насчитываться с 1-го числа месяца, если день продажи облигации случился в первых числах месяца, и с 15 числа — если день продажи ближе к этому последнему числу. Месяц делится, так сказать, на две половины: с 1-го и с 15-го числа. Если день продажи ближе к 1-му числу, например 3-й день месяца,то проценты будут считаться с 1-го числа. 8-е и 9-е же числа, например, не считаются в первой половине месяца. Если день продажи ближе к 15-му числу, например 20-е число, то проценты считаются с 15-го числа; 23-е и 24-е же, например, числа уже считаются принадлежащими к первой половине следующего месяца.

Если все число облигаций, назначенных в продажу зараз, не удастся сбыть и останутся некоторые непроданными и таким образом просроченными, таковые следует считать недействительными и передать китайскому посланнику в Вашингтоне для пересылки в Главное управление китайских железных дорог.

Что касается формы облигаций, то таковая должна быть установлена главнозаведующим совместно с китайским посланником в Вашингтоне одновременно с подписанием сего соглашения.

При продаже облигаций на финансовом рынке в Нью-Йорке или в других странах по мере необходимости и в видах лучшего курса текст их может быть изменен, за исключением, однако, постановлений о стоимости, процентах, сроках пога-

шения и гарантиях китайского правительства. Такие изменения могут быть сделаны по соглашению между собой Американского синдиката с китайским посланником в Вашингтоне. При этих изменениях предварительно должно уведомлять главнозаведующего для передачи им этого на рассмотрение Цзунли ямыня.

Облигации и купонные листы должны быть печатаемы на английском языке и снабжены подписью и печатью главнозаведующего, также печатными, так как было бы трудно за дальностью расстояния и многочисленностью названных бумаг собственноручно на каждой ставить подпись и печать. Зато китайский посланник в Вашингтоне должен собственноручно подписать и приложить печать к каждой облигации и купонному листу для удостоверения согласия китайского правительства на выпуск этих облигаций и уплату по ним процентов. Облигации должны быть занумерованы в текущем порядке. По мере надобности Американский синдикат имеет отпечатывать соответственное количество облигаций и купонных листов. Эти облигации приносят 5% с означенной на них суммы, и проценты эти насчитываются со дня, установляемого в настоящем соглашении, в американской валюте. По отпечатании и подписании китайским посланником этих облигаций, выпущенных на предмет сооружения дороги и служащих гарантией займа, и одобрении их Американским синдикатом, китайским посланником совместно с Американским синдикатом избирается какой-либо надежный Ньюйоркский банк или казначейство для депозирования облигаций ввиду облегчения Американскому синдикату пользования ими по мере надобности. По наступлении срока уплаты облигации эти будут выпущены в продажу или же будет изыскан американцами какой-либо другой способ для реализации нужной для постройки того или другого участка магистрали или ветки, разрешенной к постройке главнозаведующим, суммы.

Установляется, что расходы по хранению облигаций падают на железную дорогу, расходы же по продаже облигаций несутся исключительно Американским синдикатом.

Для реализации нужных на сооружение дороги сумм Американский синдикат обращается к месту хранения облигаций, уведомляя о нужном ему количестве облигаций, каковое количество и имеет быть ему передано, причем предварительно уведомляется китайский посланник в Вашингтоне. Если бы посланник отлучился по делам службы, то сообщение о взятом количестве облигаций следует послать в его канцелярию. Кроме того, об этом должно сообщать также и главнозаве-

дующему, который в свою очередь пошлет уведомление в Цзунли ямынь, Главное управление горными и железнодорожными делами и Министерству финансов.

Облигации служат гарантией займа в 40 000 000 долларов, заключенного на предмет постройки Ханькоу-Кантонской дороги, по сметам Строительного управления дороги, каковые сметы одобрены главнозаведующим. Если на постройку веток или удлинений дороги потребуются добавочные средства, то главнозаведующий, по соглашению с Американским синдикатом, имеет представить китайскому правительству доклад и по получении согласия его можно добавочно выпустить нужное количество облигаций. Смета расходов на постройку названных веток или удлинений должна быть представлена Правлением дороги на рассмотрение главнозаведующего.

На лицевой стороне облигаций будет обозначена определенная их стоимость в 500 или 1000 долларов. Изменения в цене будут разрешаться китайским посланником. Во всех странах китайские посланники имеют удостоверять подлинность облигаций и давать необходимые сведения относительно их для ознакомления публики с ними и облегчения продажи их.

Во второй статье старого соглашения установляется, что если при наступлении срока погашения капитала и уплаты процентов по суммам, употребленным на постройку дороги, окажется, что облигация или купонный лист утеряны или уничтожены, то следует заменить их новыми, причем стоимость их должна быть равна стоимости утраченных. При этом владельцы утраченной облигации или купонного листа должны представить Американскому синдикату и китайскому посланнику удовлетворительные доказательства того, что документы эти действительно утрачены, и, кроме того, указать поручителя.

Дополнительный выпуск облигаций не должен превышать сумму в 2 500 000 долларов. Из этой же суммы должно купить нужные на дополнительные постройки земли. Цена земель, потребных на постройку станций в провинциях Гуандун и Хубэй, уже указана в сметах, составленных строительной администрацией дороги. Если Главное управление китайских железных дорог сочтет нужным построить еще дополнительно несколько станций, то расходы, потребные на покупку нужных земель, не будут считаться включенными в прежнюю смету.

Дополнительно выпускаемые облигации, о которых говорится в настоящей статье, имеют считаться на тех же основаниях и правилах и в одинаковой силе с теми, о которых говорится в статье 1 этого соглашения.

Статья 6

Если месторасположение Главного управления китайских железных дорог окажется удобным, то главнозаведующий переведет туда же строительную администрацию дороги. При открытии работы по постройке главнозаведующий учредит по образцу Морской таможни канцелярию, заведующую делами по постройке и движению поездов, которая будет называться Главным правлением. Если будет удобно, то и Правление дороги переведется к Главному управлению китайских железных дорог. Членами Правления дороги будет назначено пять лиц, из которых два директора будут китайцы, имеющие назначаться по выбору главнозаведующего. Жалованье членам Правления, за исключением двух чиновников иностранцев в строительной администрации, командируемых американским банком, будет установлено по соглашению между главнозаведующим и Американским синдикатом и выдаваемо железной дорогой. Если между китайскими и иностранными членами Правления возникнут несогласия, то таковые имеют быть решены главнозаведующим совместно с представителем Американского синдиката в Китае.

Служащие на дороге, как китайцы, так и иностранцы, за исключением лиц, служащих в строительной администрации, которые назначаются Американским синдикатом с согласия главнозаведующего, их должности, жалованья, а также жалованье нижеприведенных важных чиновников,— все это будет назначаться и определяться Правлением дороги, которое будет докладывать об этом главнозаведующему для подтверждения. При назначениях на более важные должности следует предварительно заручиться согласием главнозаведующего.

По мере достижения линии той или другой провинции от сей последней главнозаведующим назначается чиновник достаточно высокого ранга для заведывания делами, связанными с постройкой дороги. Это лицо должно иметь соответственно высокую должность и имеет быть назначаемо главнозаведующим по указанию Правления дороги.

Для заведывания важнейшими делами железной дороги должны быть привлечены опытные и способные иностранцы. Для заведывания же работами по постройке, движением поездов и пр. можно употреблять опытных китайцев. Служащие, безразлично — иностранцы ли или китайцы, могут быть увольняемы во всякое время Правлением дороги, если они окажутся неспособными или их репутация небезупречна, для чего следует снестись с главнозаведующим.

Если один из китайских или иностранных членов Правления должен по болезни или по необходимости отлучки оставить занятия, то его обязанности могут быть поручены для временного исполнения другому лицу, причем таковая передача обязанностей должна быть утверждаема,— если оставляющий занятия китаец — главнозаведующим, если же иностранец — то Американским синдикатом.

При железной дороге должно быть учреждено училище для обучения китайцев железнодорожному делу. Это дело имеет обсудиться Правлением дороги и быть решенным окончательно главнозаведующим.

Все счета по расходам и доходам железной дороги должны вестись в особо учреждаемом казначействе, подлежащем контролю Правления дороги. Все денежные расчеты, производимые в Китае, должны вестись по шанхайским обычаям в денежном обращении.* Счета должны вестись на китайском и английском языках и на них должны быть подписи как китайских, так и иностранных чиновников казначейства. В казначейство имеют назначаться опытные и достойные доверия китайцы и иностранцы.

Статья 7

Во 2-й статье старого соглашения, равно как и в настоящем договоре, установлено, что первым обеспечением займа будет служить сама дорога, подвижной состав ее и все ее имущество, причем должно быть поступаемо согласно 1-му и 2-му отделам 3-й статьи настоящего дополнительного соглашения. Несмотря на это, однако, железная дорога составляет имущество Китая.

Строительное управление дороги должно своевременно составить подробные карты с обозначением местностей, по которым будут пролегать магистраль, удлинения, ветки, и с указанием месторасположений разъездов, станций, механических мастерских, депо и пр., каковую карту должно передать на рассмотрение главнозаведующему, после чего Главное управление китайских железных дорог будет иметь возможность определить суммы, нужные на приобретение этих земель, всех или части их по настоящим их ценам. Из документов на владение землями должны быть исключены всякие неясности. Все приобретаемые участки по мере покупки их приписываются к имуществу дороги.

Главное управление китайских железных дорог имеет озаботиться приисканием средств на покупку нужных для по-

* По шанхайскому курсу (А. Ф.).

стройки линии и на ее потребности земель. Эти деньги, равно как и суммы, израсходованные на приведение земель в должный вид, должны быть впоследствии возмещены Главному управлению из сумм, поступающих на постройку дороги по займу, причем будут насчитываться на них 5% годовых.

Главное управление имеет по мере надобности приобретать земли и уплачивать за них справедливые цены. Количество покупаемых земель определяется нуждами дороги и согласно указаниям Строительного управления или инженеров его, но следует перед покупкой заручиться разрешением на то главнозаведующего. По мере совершения покупок должно уведомлять главнозаведующего, который в свою очередь прикажет Главному управлению китайских железных дорог переслать документы на владение землями Американскому синдикату или его представителю в Шанхае, как обеспечение займа. Об этом еще будет говориться ниже в настоящем соглашении.

По истечении срока настоящего соглашения все документы, переданные американцам, должны быть возвращены в архив Главного управления китайских железных дорог.

Если покупаемый участок значительной величины, то вопрос о покупке его должен быть решен по соглашению между главнозаведующим и представителем Американского синдиката в Китае. Вопросы о покупке земель, не входящих в состав указанных строительной администрацией дороги, также должны быть решены подобным образом (см. выше).

Если Главное управление китайских железных дорог не в состоянии будет найти средства на покупку нужных земель, то Американский синдикат сам выяснит нужное количество земель и даст нужные средства на покупку всего или части. Однако, если покупаемые земли окажутся вне границ, указанных строительной администрацией или инженерами, или документы на владение их не окажутся налицо при покупке или доставятся лишь после совершения покупки, или ширина линии на участке между двумя значительными станциями превысит 100 чи, или, наконец, если Главное управление или китайское правительство по совершении покупки не представит Американскому синдикату документы на владение — Американский синдикат не несет расходы за такие участки.

Расходы, производимые Главным управлением китайских железных дорог на покупку земель, не должны превышать сметы, составленной строительной администрацией, больше чем на 2 500 000 долларов, которые возместятся Главному управлению из сумм, имеющих впоследствии поступать в доход дороги, с начетом 6% годовых.

На сумму, израсходованную на покупку земель, имеют выпускаться облигации, которые будут приносить 6% годовых. По мере выпуска этих облигаций должны ясно быть записаны статьи, на которые они выпущены. Эта запись хранится в Главном управлении китайских железных дорог, и Правление дороги всегда имеет право контролировать содержание ее. При этом должно также изыскать способ для записи процентов, имеющих быть уплачиваемыми по облигациям.

Если Американский синдикат пожелает дать сам средства на покупку участков, то нужные на это суммы он может реализовать или из продажи названных облигаций или дать Китаю взаймы нужную сумму.

Китайское правительство должно дать разрешение на покупку этих земель и обещать охрану их при постройке дороги с обоих концов.

По приобретении участков, указанных в составленной Строительным управлением карте, документы на владение ими должны быть вписаны в книги дороги и переданы, согласно постановлениям этого соглашения, представителю Американского синдиката на хранение.

При покупке участка, будет ли то на средства Главного управления китайских железных дорог или Американского синдиката, все обстоятельства, могущие привести к недоразумениям, как то, вопрос о кладбищах или «фын-шуйе»,[1] должны быть удалены.

По совершении акта покупки земель все документы, требующиеся по китайским законам для этого, должны быть переданы для соответственной записи и хранения представителю Американского синдиката в Шанхае как обеспечение займа и по погашении всего капитала, уплате процентов и исполнении Китаем всех взятых на себя денежных обязательств все эти документы имеют быть возвращены Главному управлению китайских железных дорог.

Для того чтобы была действительная гарантия займа, китайское правительство обязывается, что, до погашения капитала займа, уплаты процентов и причитающегося Американскому синдикату дивиденда, оно не будет иметь права продать или передать служащую гарантией займа дорогу и ее имущество. Также Китай не может противодействовать, если американцы по праву вступят во владение дорогой.

---

[1] Фын-шуй (Fengshui) — так называемые «мемориальные места», своеобразия рельефа и местности, являющиеся предметом поклонения местных жителей.

Также устанавливается, что и по погашении капитала займа, уплате процентов и исполнения прочих денежных обязательств и признании за Китаем освобождения от всяких обязательств американцами китайское правительство или главнозаведующий не имеют права затем воспользоваться дорогой как гарантией обязательств, могущих быть заключенными с другими лицами, безразлично — китайцами или иностранцами.

Во все время действия настоящего соглашения китайское правительство не имеет права взимать сборы с пересылаемых железнодорожной администрацией собственных сумм из одного места в другое, с денег, приготовленных к оплате облигаций и процентов, и средств, потребных железной дороге на свои нужды в больших центрах.

Постановляется, что если в установленные сроки проценты или капитал займа не будут уплачены, то все держатели облигаций, гарантией каковых облигаций служит дорога и ее имущество, должны передать их в Американский синдикат, который и поступает по общенародным законам, ввиду обеспечения интересов покупателей облигаций. Если же Китай несколько времени спустя все-таки может исполнить свои обязательства, то железная дорога с ее имуществом, служившие до тех пор гарантией уплат на основаниях старого и настоящего соглашений, передается опять в ведение Китая, причем она должна быть во вполне пригодном для эксплуатации виде, и Китай попрежнему поступает по всем постановлениям старого и нынешнего соглашений.

Статья 8

Утвержденные заинтересованными сторонами карты, составленные строительной администрацией, суть лишь приблизительные и могут подлежать изменению по более тщательном исследовании при открытии работ на том или другом участке. Если на каком-либо участке магистрали, удлинений или веток окажется необходимым изменить первоначальный план работ, то предварительно начала работ следует составить точные карты с нужными объяснениями подлежащего участка, а равно и сметы расходов, согласно ранее произведенным изысканиям. Эти документы передаются участковой строительной администрацией главнозаведующему на рассмотрение, и по получении его разрешения можно приступить к работам.

Статья 9

В 4-й статье старого соглашения постановлено, что материалы всякого рода, нужные при постройке дороги, приобретаются по самым дешевым ценам в складе Минчан или в Хубэй-

ских складах. Материалам китайского производства должно давать преимущество при покупке. Кроме комиссионных, лицам, имеющим покупать названные материалы, из сумм, назначенных на этот предмет, не должно ничего удерживать. По всем вопросам, касающимся этих дел, следует поступать согласно постановлениям старого соглашения. При покупке материалов в Минчанском складе главнозаведующий имеет выбирать лишь хорошие, годные к употреблению материалы. Комиссионные имеют уплачиваться согласно торговым обычаям или по совершении покупки или заключаться в выдаваемой на предмет покупки сумме и должны быть вносимы в книги железной дороги.

Статья 10

В 3-й статье старого соглашения говорится, что в дела сооружения дороги, движения поездов и прочие важные статьи железнодорожного дела не имеют вмешиваться посторонние лица, как китайского, так равно и иностранного происхождения. Должно просить китайское правительство, чтобы оно не только в этом отношении оказывало содействие, но также чтобы служащие дороги, как китайцы, так и иностранцы, во время постройки и после окончания таковой были охраняемы гражданскими и военными властями пересекаемых железной дорогой провинций от нападений злоумышленников и враждебных отношений жителей местностей, прилегающих к линии. Кроме того, надлежит разрешить Правлению дороги организовать полицейский отряд из китайцев, командирами коих назначить частью китайцев, частью иностранцев. Этот отряд имеет быть расположен вдоль линии для охраны дороги и ее имущества. Содержание этого отряда падает на железную дорогу. Если понадобится в целях охраны дороги дополнительно командировать солдат, то главнозаведующий имеет представить ходатайство об этом, каковое ходатайство затем и будет уважено. Такие отряды должны перевозиться по железной дороге к месту своего назначения безвозмездно. Жалованье им будет уплачиваться казной.

Статья 11

В 7-й статье старого соглашения говорится относительно сигналировки флагами, телефонном, телеграфном и прочем сигнальном деле линии. Оно должно относиться исключительно к движению поездов и прочим железнодорожным делам и не должно приносить ущерб телеграфному делу.

Если впоследствии окажется выгодным для Китая и необходимым для железной дороги устраивать дополнительно, кроме необходимейших, механические и прочие мастерские, перевозы, склады и другие приспособления, то это можно сделать по соглашению между главнозаведующим и Американским синдикатом и по получении разрешения правительства.

Статья 12

В соответствии со статьей 6 основного соглашения форма облигаций, принимающих участие в прибылях, имеет быть согласована между главнозаведующим или посланником Китая в Вашингтоне и Американским синдикатом.

Эти американские облигации не приносят фиксированной прибыли. Они будут выпущены сроком на 50 лет, объявленная номинальная стоимость каждой облигации будет 500 или 1000 долларов. Облигации будут выпущены Американским синдикатом одновременно с долговыми обязательствами первой закладной и их сумма будет каждый раз пропорциональна соответствующим выпускам этих закладных в отношении пятой части. Условлено, что если впоследствии выпустят долговые обязательства первой закладной, превышающей потребности железной дороги, и если подобное превышение будет устранено или аннулировано, равное количество американских облигаций будет подлежать изъятию таким же способом.

До истечения 50-летнего срока Главное управление китайских железных дорог будет иметь право выкупить американские облигации по их номинальной цене. По истечении 50-летнего срока американские облигации будут аннулированы и утратят ценность. Но если на эти облигации полагалась какая-то прибыль до выкупа или до истечения срока, то эта прибыль будет уплачена до аннулирования указанных облигаций.

Главное управление китайских железных дорог уполномочено выпускать, а также и принимать облигации, участвующие в прибылях (которые будут выпущены в форме, приспособленной для их использования в Китае, бессрочные и без упоминания о выкупе), сумма которых будет равна остающимся $^4/_5$ суммы займа долговых обязательств первой закладной. Эти китайские облигации могут быть выпущены, полностью или частично, по желанию главнозаведующего, но прибыли будут удержаны и использованы Главным управлением китайских железных дорог в целях накопления капитала, который будет складываться из раздела прибылей, причитающихся на эти облигации. Этот капитал будет служить для оплаты долговых обязательств по первой закладной, которые будут время от времени выкупаться в соответствии с условиями настоящего

соглашения, либо для сокращения долговых обязательств обычным способом, либо для погашения обязательств по железнодорожному займу всякий раз, когда это будет желательно, из прибылей железной дороги, в случае необходимости, для приобретения земель для прокладки дороги, либо для покупки других важных для железной дороги земель, которые не могут быть приобретены ею иначе.

Из ежегодного дохода железной дороги будут вычитаться все расходы по эксплуатации, издержки по обслуживанию и ремонту железной дороги, усовершенствованию железной дороги, по поставкам материалов и подвижного состава и все расходы, которые пошли на дела железной дороги, а также расходы по оплате 5 процентов годовых на долговые обязательства (и 6 процентов годовых на стоимость земель, представляемых Главным управлением). Все то, что останется от общего дохода, будет рассматриваться как чистая прибыль, из которой $^1/_5$ имеет быть разделена соответственно между владельцами американских облигаций.

Американский синдикат настоящим признается ответственным за выпуск долговых обязательств и американских акций и осуществление регистрации выкупа ценных бумаг, так же как за уплату годовых по долговым обязательствам и распределение прибылей и другие подобного рода обязанности, которые вытекают из компетенции ответственного.

В случае, если долговые обязательства в золоте первой закладной оказались бы полностью выкупленными, как это предусмотрено настоящим контрактом, прежде чем будут выкуплены акции Американского синдиката, участвующие в прибылях, или оказались бы просроченными по истечении срока действия, Американский синдикат будет иметь право назначить своего представителя в управление железной дороги для того, чтобы проверить счета указанной железной дороги. Жалованье ему будет выплачиваться администрацией железной дороги.

Обязанности должностного лица будут обязанностями счетовода; ему поручается защищать интересы владельцев американских облигаций до того времени, пока эти облигации не будут выкуплены или пока не истечет срок их действия. После этого можно будет отказаться от его услуг.

Статья 13

Облигации китайского правительства могут покупаться ньюйоркскими купцами с правом перепродажи. Равным образом они могут быть выпускаемы в продажу и в Лондоне и других важных центрах стран. Устанавливается, что держатели облигаций имеют право по собственному усмотрению получать

полагающиеся им проценты в американской, английской и других валютах, но китайское правительство погашает заем американскими деньгами.

Китайское правительство не касается прибыли или убытков, могущих произойти при размене держателями облигаций их стоимости на денежные знаки других стран.

Статья 14

Материалы, необходимые для постройки и починки линии, движения поездов и прочих надобностей железной дороги, освобождаются при ввозе из-за границы или другой провинции от всяких пошлин и внутренних сборов, согласно тому, как было поступлено в таких случаях по отношению к Северным железным дорогам. С облигаций, купонных листов, дивидендных свидетельств, равно как и с сумм, поступающих железной дороге, китайское правительство не имеет взимать никаких сборов. С частных товаров, перевозимых по дороге, имеет взиматься установленный сбор, причем главнозаведующим совместно с Главным горным и железнодорожным управлением и Министерством финансов должен быть изыскан способ для охраны купцов от вымогательств и незаконных сборов. Если на какой-либо другой китайской железной дороге сбор внутренних пошлин окажется лучше постановлен, нежели на линии, о которой говорится в настоящем соглашении, то следует применить эти правила и на этой линии для одинаковой пользы купцам, перевозящим свои товары по этой линии.

Статья 15

Во все время течения работ по постройке Китай имеет уплачивать ежегодно 5% по займу и 6% на суммы, расходованные на покупку потребных для линии земель. Эти проценты должны уплачиваться из получаемых Китаем по займу сумм. Если сумма, назначенная на предмет постройки какого-либо участка, к сроку окончания работ на этом участке не будет вся израсходована, то остаток следует отдать в рост, и проценты, получаемые с этого остатка, вместе с доходами, поступающими от эксплуатации законченного участка, могут быть употребляемы на уплату вышеуказанных процентов. Если же эти суммы будут недостаточны для этого, то недостаток имеет пополняться из сумм, получаемых по займу.

По объявлении железной дороги оконченной вышеуказанные проценты имеют уплачиваться из сумм, получаемых в доход от эксплуатации дороги, и имеют быть вносимы полугодично: 1 мая и 1 ноября, к срокам уплаты процентов по облига-

циям. Нужные суммы должны быть приготовлены Главным управлением китайских железных дорог за 21 день до наступления срока уплаты, по шанхайскому весу. Они передаются представителю Американского синдиката в Шанхае по курсу на один золотой доллар, и он переводит эти суммы в Нью-Йорк или в какое-нибудь другое место по собственному усмотрению.

По дивидендным свидетельствам будет уплачиваться по выяснению дивиденда и согласно правилам, установленным относительно уплаты по ним, тому же представителю для перевода им этих денег заведующему этим делом в Американский синдикат.

Расходы по переводам представитель Американского синдиката имеет взыскивать с железнодорожного казначейства в наименьших размерах, причем он не должен требовать больше, нежели законно.

Китайское правительство обязалось уплачивать к срокам капитал и проценты по займу. Если доходы дороги и суммы, получаемые по займу, будут недостаточны для производства уплат в срок, то Главное управление китайских железных дорог должно изыскать способ покрытия недостающей суммы. Если и Главное управление китайских железных дорог не найдет средств для этого, то главнозаведующий имеет ходатайствовать перед императором о назначении им нужных средств из других статей доходов Китая для обеспечения уплаты надлежащей суммы американскому представителю в Шанхае за 21 день до наступления срока взноса.

Статья 16

До открытия Американским синдикатом в местностях, по которым пролегает железная дорога, касс, заведующих денежными делами дороги, следует придти к соглашению относительно этих дел с ближайшим местным казначейством. То же надлежит сделать в местностях, где и впоследствии не будет учреждено специальных железнодорожных касс. Американский синдикат не будет ничего иметь против, если денежные дела дороги будут вестись китайскими казначействами, если таковые казначейства окажутся удобными для этого.

Статья 17

В старом, равно как и в настоящем дополнительном соглашении, устанавливается, что назначаемые Американским синдикатом управляющие и заведующие могут быть заинтересованы в деле железной дороги. Американцы, однако, не могут передать свои обязательства по отношению к Китаю лицам

других подданств. Кроме обязательств, подписанных главнозаведующим и Американским синдикатом, устанавливается также, что в районе железной дороги и веток ее нельзя допустить постройку другой железнодорожной линии, которая могла бы вредить интересам дороги, или линии, направляющейся параллельно Кантон-Ханькоуской, что также принесло бы ущерб доходам означенной дороги.

Статья 18

Американский синдикат предполагает выпустить объявления для облегчения приискания средств к периодическим уплатам Китая по заключенному займу.

Если до уплаты всей суммы займа случится война, или в Китае либо в какой другой стране произойдет государственный переворот, вследствие чего курсы будут подвергаться сильным колебаниям и железной дороге невозможно будет начать или окончить начатые уже работы по постройке, вообще при всех непредвиденных случаях такого рода и «форс мажор» сроки взносов Американским синдикатом сумм по займу, равно как и срок окончания работ по постройке, могут быть отдалены по справедливости.

Если часть облигаций уже продана и проценты уже насчитываются, то, за исключением вышеуказанных случаев, никоим образом нельзя прекратить или замедлить исполнение взятых на себя обязательств.

Для обязательного окончания всех работ по сооружению линии установлен трехлетний срок. В непредвидимых случаях, равно как и в случае войны или других находящихся вне власти Американского синдиката случаях, сроки работ следует увеличить. В настоящем же соглашении устанавливается пятилетний срок для окончания работ по постройке, считая со дня подписания соглашения, причем не принимаются во внимание исключительные случаи, вроде вышеуказанных.

В статье 8 старого соглашения сказано, что сроком для погашения займа устанавливается 50 лет, считая со дня подписания этого соглашения. Если облигации будут погашаться ранее наступления этого срока, то и проценты прекращаются сообразно этому (см. нижеприведенные постановления).

Статья 19

Ныне Американским синдикатом передано, согласно 10-й статье старого соглашения, 100 000 долларов золотом в виде залога избранному для ведения денежных дел железной доро-

ги банку в Нью-Йорке. Главнозаведующий имеет телеграфировать китайскому посланнику в Вашингтоне, чтобы последний предписал этому банку возвратить залог Американскому синдикату для употребления этой суммы на предмет постройки железной дороги.

Относительно порядка постройки дороги устанавливается, что сначала имеют приступить к сооружению Пинсянской ветки. Если понадобится, то главнозаведующий имеет телеграфировать банку, ведающему денежные дела дороги, о начале работ.

Статья 20

Заведующий движением на дороге должен представить Правлению подробный доклад относительно тарифа, предполагаемого ввести на этой дороге для перевозки пассажиров и товаров. При этом должно поступать на основании правил уже эксплуатирующихся китайских железных дорог и установить возможно низкие цены. По одобрении этого тарифа Правлением можно придти к соглашению с другими железными дорогами относительно платы за пересадочную с одной дороги на другую перевозку пассажиров и грузов.

Если случится война и Китаю представится необходимым перевозить по этой дороге войска или деньги, оружие и вообще вещи, потребные на военные цели, а равно если в видах прекращения голода в неурожайных местностях понадобится перевозить по означенной дороге хлеб, то по получении инструкций главнозаведующего железная дорога должна немедленно же приступить к таковой перевозке, причем она будет производиться по половинной цене. Вещи, могущие принести вред Китаю, не должно перевозить по этой дороге.

Статья 21

По получении Главным управлением китайских железных дорог от китайского правительства уведомления о желании его погасить часть облигаций и купонных листов до истечения полного их срока главнозаведующий должен заблаговременно, по крайней мере за 4 месяца до установленного для такого выкупа облигаций срока, письменно уведомить представителя Американского синдиката в Шанхае о количестве облигаций, которое китайское правительство предполагает погасить. Представитель Американского синдиката немедленно принимает к этому меры. В надлежащее время в Нью-Йорке происходит тираж соответственного количества облигаций и купонных листов.

После этого, по получении оповещения от китайского правительства, Главное управление китайских железных дорог возвращает Американскому синдикату стоимость погашаемых облигаций и купонных листов, проценты, которые надлежит уплатить по этим облигациям, и соответствующий дивиденд.

Об этом объявляется в Нью-Йорке и других значительных центрах в двух наиболее распространенных газетах, по соглашению с китайским посланником в Вашингтоне. Затем, через 4-недельный срок, погашенное Китаем число облигаций передается американскому представителю в Шанхае или китайскому посланнику для пересылки главнозаведующему, который и лишает их силы.

На всех облигациях и купонных листах должно быть напечатано о возможности погашения их во всякое время по вышеуказанному способу. Уплата процентов и дивиденда по погашаемым облигациям прекращается со дня объявления Американским синдикатом о погашении таковых облигаций и купонных листов. При этом надлежит, однако, предварительно выплатить всю следуемую по облигациям сумму Американскому синдикату, и лишь после сего возвращаются погашенные облигации Китаю.

Если облигации будут погашаться в течение первых 25 лет срока займа, то устанавливается, что на каждые погашаемые 100 лан должно приплатить Китаем 2 с половиной лана или на 100 долларов золотом 2 с половиной доллара. За погашаемые во второй половине 50-летнего срока облигации ничего не имеет приплачиваться. Однако при погашении должно вполне выплатить могущие еще быть не уплаченные проценты. За дивидендные свидетельства при выкупе их до наступления срока их действительности следует выплатить полную их стоимость, по истечении же этого срока по ним очевидно не должно уплачивать что-либо, причем, конечно, имеет быть выдан могущий еще причитаться с них по истечении их срока дивиденд.

Статья 22

Если назначенные на постройку дороги суммы не будут все израсходованы, то остаток следует отдать в рост и внести в счета Главного управления китайских железных дорог, ему же будут вноситься доходы с этих сумм. Устанавляется также, что, если деньги, вносимые Американским синдикатом по займу Китаю, будут выручены не из продажи облигаций, а путем другого займа или каким-либо другим способом, то проценты, комиссионные и прочие расходы не должны превышать 6% годовых. Если вырученных от продажи облигаций денег окажется

больше, нежели требуется в настоящий момент на предмет постройки дороги, то излишек следует отдать в рост и получаемый с него доход следует употребить на погашение и уплату процентов по займу. Также можно уплачивать погашение и проценты прямо из реализованных от продажи облигаций сумм ввиду уменьшения расходов по переводам и пр.

Статья 23

Если при приближении 50-летнего срока облигаций не окажется средств для оплаты их, то главнозаведующий должен за два года до наступления срока придти к соглашению с Американским синдикатом касательно отдаления срока. Если же и через шесть месяцев по истечении 50-летнего срока не найдутся деньги, то уже китайское правительство изыскивает способ покрытия долга из других статей доходов Китая для окончательного погашения облигаций и освобождения железной дороги от принятых ею на себя обязательств.

Статья 24

Устанавливается, что относительно всех вопросов, изложенных в старом соглашении, но не разработанных в настоящем дополнительном соглашении, следует поступать согласно постановлениям старого соглашения.

Статья 25

В старом соглашении не упоминается о постройке ветки на Пинсян. Однако, так как в названной местности ныне открыты Китаем каменноугольные копи, то нужно немедленно соорудить ветку от Пинсяна до Лукоу, каковое место находится вблизи от водного сообщения. Постройка вызывается важностью названных копей. Кроме того, эта ветка включена в карты и сметы строительного управления, разрешена к постройке главнозаведующим и о ней говорится в 1-й, 2-й и других статьях настоящего дополнительного соглашения. Строительным отделом Главного управления китайских железных дорог уже командирован для производства работ в Пинсяне чиновник Личжи. Средства на постройку будут изысканы главнозаведующим. Если средства на постройку не будут взяты до 1 декабря 1900 г. из сумм займа, а будут изысканы другими способами, то постройка этой линии, равно как и оконченные уже чиновником Личжи участки и все счета расходов, передаются железной дороге, а все постановления относительно этой ветки в настоя-

щем соглашении теряют силу. Главнозаведующий уже сам тогда устанавливает способ продолжения работ по постройке этой ветки. Если будет поступлено так, то все правила настоящего соглашения относительно постройки Пинсянской ветки считаются уничтоженными, как уже было сказано выше. Если же Американский синдикат до 1 декабря 1900 г. возьмется за оборудование этой ветки, то он имеет возвратить произведенные уже по постройке оконченных чиновником Личжи участков расходы и продолжать работы.

Статья 26

Настоящее дополнительное соглашение следует изготовить на английском и китайском языках, по пяти экземпляров, из коих один передается Министерству иностранных дел, один — Главному горному и железнодорожному управлению; один — китайскому посланнику в Вашингтоне и по одному экземпляру — установившим это соглашение сторонам. Если в английском и китайском текстах будут противоречия, то английский текст будет считаться верным.

Подписали и приложили печати: китайский посланник в Вашингтоне, по поручению главнозаведующего, и доверенный Американского синдиката.

III. ПРОЕКТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРГОВО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОАЛИЦИИ ПРОТИВ США

№ 1

Перевод памятной записки «О необходимости образовать против САСШ торгово-политическую коалицию европейских государств», врученной германским императором Вильгельмом II русскому царю Николаю II 20 октября 1897 г. в Висбадене [1]

Ввиду уже давно проявляющихся усилий Соединенных Штатов Северной Америки, направленных к закрытию их внутреннего рынка для европейских изделий, неоднократно был возбужден вопрос о создании торгово-политической коалиции наиболее заинтересованных в вывозе в Северную Америку государств, с целью противодействия подобной политике Штатов. Объяснение того, что такая коалиция до сих пор не создалась,

[1] ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 6, д. 992, л.л. 107—111.

лежит прежде всего в особенностях товарного обмена между Европой и Соединенными Штатами.

В течение 1895/96 г. Штаты ввезли товаров круглым счетом на 760 млн долларов, а именно: [1] пищевых продуктов и животных на 229 млн (30% ввоза), сырых продуктов для дальнейшей их обработки на 202 млн (27%), полуобработанных продуктов на 79 млн (10%), изделий на 160 млн (21%) и предметов роскоши на 89 млн (12%). Вывоз Соединенных Штатов за данный год достиг 863 млн долларов, в том числе сельскохозяйственных продуктов на 570 млн (66% вывоза), продуктов горной и лесной промышленности и рыболовства на 61 млн (7%), изделий на 233 млн (27%). В общей сумме ввоза и вывоза (1662 млн долларов) участие Европы выразилось 1092 млн (66%). Европа ввезла в Соединенные Штаты товаров на 419 млн (54% всего ввоза) и вывезла оттуда на 673 млн (76% всего ввоза). Превышение вывоза над ввозом равняется 255 млн долларов.

В указанной сумме ввоза в Северную Америку (419 млн долларов) участие Великобритании выразилось в 170 млн, Германии — 94 млн, Франции — 66 млн, Италии — 22 млн, Швейцарии — 14 млн, Голландии — 13 млн, Бельгии — 14 млн и прочих европейских государств — 25 млн.

Ввоз отдельных стран из Штатов достиг следующих цифр: Великобритании — 406 млн, Германии — 98 млн, Франции — 47 млн, Италии — 19 млн, Голландии — 39 млн, Бельгии — 27 млн и прочих европейских стран 37 млн — всего 673 млн долларов. В процентном отношении ввоз Англии из Соединенных Штатов равнялся 46, Германии — 11, Франции — 5, Голландии — 4, Бельгии — 3 и прочих государств Европы — 6%.

В Северную Америку ввозятся из Европы преимущественно следующие продукты: химические изделия, краски, фарфор, гончарные и стеклянные изделия, стальные и железные изделия, шерстяные, бумажные, шелковые и льняные ткани, готовое платье, кожаный и писчебумажный товар и сахар. Главные предметы вывоза из Соединенных Штатов в Европу следующие: хлопчатая бумага, пшеница и пшеничная мука, пищевые продукты (как то: мясо, жир, молочные продукты и т. п.), живой скот и керосин. Названные продукты дали в среднем 70% вывоза Соединенных Штатов.

В 1895/96 г. было вывезено из Штатов на 190 млн долларов хлопчатой бумаги — преимущественно в Европу, $^3/_5$ годовой потребности которой удовлетворяется хлопчатой бумагой аме-

[1] Все дальнейшие цифры округлены до миллиона и до 1%.

риканского происхождения. Кроме Соединенных Штатов, заслуживающее упоминания производство хлопчатой бумаги существует в Британской Индии, Средней и Восточной Азии и в Египте. Азиатская хлопчатая бумага перерабатывается в значительных размерах на местах производства и подчас неудовлетворительна по своему качеству; вследствие этого заменить американскую хлопчатую бумагу в настоящее время невозможно.

Американская пшеница, которой в 1895/96 г. было вывезено на 141 млн долларов (вместе с пшеничной мукой и кукурузой), из коих 101 млн падает на Европу, идет преимущественно в Великобританию, равно как и пшеничная мука. За последние 20 лет вывоз пшеницы из Штатов (без муки) колебался между 109 и 225 млн бушелей.[1] В 1895/96 г. Великобритания ввезла 5 млн, Германия около 4, Франция 1.5 и остальные государства Европы около 11 млн бушелей американской пшеницы.

Всемирное производство пшеницы в 1896 г. определяется в 825 млн гектолитров,[2] из которых на страны ввоза падает 272 млн и на страны вывоза 553 млн гектолитров. Не покрытая внутренним производством потребность в пшенице стран ввоза равняется 159 млн гектолитров, причем на Великобританию падает 66 млн гектолитров. Вследствие неурожая в некоторых важных центрах производства, страны вывоза пшеницы располагали свободным количеством таковой лишь в размере 113 млн гектолитров; из этого количества 38 млн гектолитров падает на долю Соединенных Штатов Северной Америки. В нормальные годы, к которым никоим образом не может быть причтен 1897 г., потребность континента Европы в пшенице может быть удовлетворена помимо обращения к американскому производству. Но покрыть всю годовую потребность Англии помимо Америки остальным производящим пшеницу странам не под силу.

Пищевых продуктов (мяса, жиров, молочных продуктов) было в 1895/96 г. вывезено из Соединенных Штатов на 124 млн долларов, в том числе в Европу на 90 млн долларов, главнейшим покупателем явилась снова Англия, ввоз в которую достиг 80 млн долларов.

Общая цифра ввоза пищевых продуктов в Англию в 1895 г. выразилась в 216 млн долларов.

Вывоз живого скота в 1895/96 г. достиг суммы в 33 млн долларов. И для этого предмета вывоза важнейшим рынком

---

[1] 1 бушель = 25 кг = около 57 фунтов (1 пуд 17 фунтов).

[2] 1 гектолитр = 2.75 бушеля.

явилась Англия, тогда как в остальные страны Европы было вывезено скота всего на 2 млн долларов.

Производство керосина в Соединенных Штатах в 1895/96 г. равнялось круглым счетом 53 млн баррилям по 42 галлона;[1] вывезено было 17 млн баррилей (= 21 млн двойных центнеров) на сумму 49 млн долларов, из коих в Англию 12 млн баррилей (= 15 млн дв. цент.) на сумму 31 млн долларов, Англия и Германия являются здесь главнейшими рынками сбыта для американского керосина.

Россия вывезла в 1896 г. (при производстве около 387 млн пудов) всего 48 млн пудов керосина (= 8 млн дв. цент.); из этого количества 24 млн пудов вывезено в Европу.

Остальные районы производства керосина (Галиция, Румыния, Канада, Британская Индия, Япония, Австралия) едва ли могут до настоящего времени быть приняты во внимание в отношении снабжения европейского рынка. Таким образом, удовлетворение $^2/_3$ потребности Европы в керосине лежит на производстве Соединенных Штатов. Помимо вышеуказанных главнейших предметов вывоза есть еще несколько продуктов, которые ввозятся в Европу из Соединенных Штатов и добыча которых в надлежащем количестве и качестве недоступна ни путем местного производства, ни путем вывоза из других стран. Такими продуктами являются табак, мед и скипидарная смола, ввезенные в Европу в 1895/96 г. на сумму 23, 15 и 3 млн долларов из Соединенных Штатов.

При таком положении дела европейская коалиция должна была бы удовольствоваться применением ограничительных мер главнейше к продуктам североамериканской промышленности, т. е. к бумажным тканям, машинам, коже, деревянным изделиям, искусственному удобрению, хлопчато-бумажному маслу, парафину, алкоголю, а также к некоторым другим товарам, как то: к свежим, сушеным и консервированным фруктам, мехам, кожам, шкурам, идущим на выделку кож, хмелю, жмыхам, семенам клевера и лесу. Поименованные продукты вывезены из Соединенных Штатов в Европу в 1895/96 г. на сумму 79 млн долларов, в том числе в Великобританию на 65 млн и в прочие страны на 14 млн долларов.

Читал и вполне согласен
Вильгельм

На полях помета министра финансов С. Ю. Витте: Его величество повелел препроводить подлинное министру иностранных дел с заключением 7 ноября 1897 г. Царское Село.

---

[1] 1 галлон керосина равен 3.75 л.

№ 2

Письмо министра финансов С. Ю. Витте министру иностранных дел М. Н. Муравьеву 12 ноября 1897 г. по поводу предложения германского императора Вильгельма II создать торгово-политическую коалицию европейских государств против Соединенных Штатов Америки [1]

Милостивый государь граф Михаил Николаевич!

Императором германским вручена была его императорскому величеству прилагаемая при сем памятная записка, которую его высочество по всеподданнейшему докладу моему в 7-й день ноября высочайше повелеть соизволил передать Вашему сиятельству с моим заключением. Во исполнение таковой высочайшей воли имею честь изложить следующие мои соображения по содержанию этой записки.

В записке высказывается мысль о необходимости образовать из всех государств, наиболее заинтересованных в вывозе в Соединенные Штаты, торгово-политическую коалицию с целью противодействовать усилиям Штатов, направленным к закрытию их внутреннего рынка для европейских изделий. Деятельность предлагаемой коалиции, по словам записки, могла бы выразиться в применении ограничительных мер к тем из американских продуктов, в которых Европа менее всего нуждается, имея возможность удовлетворять спросу собственным внутренним производством. Таковы: хлопчатобумажные ткани, машины, кожи, деревянные изделия, искусственные удобрения, хлопчатниковое масло, парафин, алкоголь, хмель, жмыхи и пр.

Предложение это, по мнению моему, совершенно не соответствует экономическим интересам России и тем задачам, какие она имеет в виду при заключении с иностранными государствами торговых договоров и соглашений. Соединенные Штаты являются конкурентом России по производству сельскохозяйственного сырья, а потому в интересах нашего отечества было бы ослабить конкуренцию наших соперников на международном рынке именно по сбыту этого рода произведений. Между тем в перечне товаров, которые по предложениям записки подлежали бы ограничительным мерам, продукты сельского хозяйства не упомянуты, очевидно, потому (как это и объяснено в самой записке), что интересы европейского потребления идут в разрез с теми интересами, которые имеют важнейшее значение для России как производительницы однородных с Соединенными Штатами продуктов.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 6, д. 992, л.л. 105—106.

Перечень товаров, к которым по изложенным в записке соображениям, признается желательным применить ограничительные меры, касается главнейше фабрично-заводских произведений, которыми Россия не конкурирует с Соединенными Штатами на международном рынке. При такой постановке дела ограничительные меры послужили бы на пользу прежде всего Германии, ибо она продолжала бы получать сельскохозяйственное сырье на ныне существующих условиях, а в отношении фабрикатов выиграла бы всю разницу между предлагаемыми повышенными и ныне существующими пошлинами на товары, в которых между прочим нуждается и Россия (как, например, сельскохозяйственные машины, выделанные кожи и пр.), а следовательно явилась бы нашим поставщиком этих товаров взамен Соединенных Штатов при очень выгодных для нее условиях конкуренции. С другой стороны, торговые сношения наши с Соединенными Штатами, если исключить хлопок, служащий главным предметом привоза к нам из Америки, ограничиваются лишь небольшим итогом по ввозу и вывозу. Сношения эти, в смысле взаимного наибольшего благоприятствования, гарантированы трактатом 1832 г., который, за исключением известного Вашему сиятельству инцидента с Гавайскими островами (исчерпанного предшествовавшей перепиской, причем федеральное правительство обещало держаться постановления о наибольшем благоприятствовании как твердой основы дальнейших наших торговых отношений), до сих пор ни в чем не нарушался и не представлял для нас никаких неудобных сторон. В принятом недавно конгрессом тарифном билле Динглея предусмотрена возможность репрессии по отношению к тем государствам, которые не будут предоставлять Соединенным Штатам прав наиболее благоприятствуемой нации, но вместе с тем предусмотрена также и возможность заключения торговых договоров на основе взаимных уступок в таможенных пошлинах, чем я и предполагаю воспользоваться, предложив Соединенным Штатам предоставить нам некоторые тарифные меры взамен предполагаемого у нас понижения пошлин на некоторые сельскохозяйственные машины и орудия, о чем я буду иметь честь своевременно сообщить Вашему сиятельству.

Не говоря уже о невозможности принятия изложенного в записке проекта по существу, исполнение его с формальной стороны являлось бы возможным не иначе, как после отказа нашего от договора 1832 г., последствием чего было бы, по всей вероятности, применение к нашему ввозу в Соединенные Штаты повышенных тарифных ставок, между тем как по действующему в настоящее время динглеевскому тарифу 52% всего нашего ввоза в Соединенные Штаты пропускается беспошлинно.

Наконец и общий дружественный характер наших политических отношений к Соединенным Штатам, по мнению моему, едва ли соответствовал бы присоединению нашему к коалиции, направленной против экономических интересов этой страны, притом — без достаточного повода и прямых выгод для России.

Прошу Ваше сиятельство принять сведение и пр.

С. Витте

IV. ДОКТРИНА «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ»

№ 1

Нота правительства Соединенных Штатов Америки правительству Англии 22 сентября 1899 г. по поводу политики «открытых дверей» в Китае [1]

Милорд! Мне поручено государственным секретарем изложить Вашему лордству вопрос, который президент считает имеющим большую и равную для Великобритании и Соединенных Штатов важность — в отношении поддержания торговли и коммерции на Востоке, в чем интересы двух наций отличаются, но не по существу, а только по степени (заинтересованности,— *А. Ф.*), и просить правительство ее величества предпринять акцию, каковая, по мнению президента, будет находиться в полном согласии с его постоянными заявлениями о его политике и его традициями и будет сильно содействовать процветанию торговли.

Он полагает, что установившаяся политика и цели Великобритании заключаются в том, чтобы не пользоваться никакими привилегиями, которые могут быть предоставлены ей в Китае в качестве средства устранения каких-либо торговых конкурентов, и что свобода торговли в этой империи означает для нее равным образом и свободу торговли для всего мира. Заключив соглашения с Германией и Россией, правительство ее величества признало за ними «сферы влияния или интересов», в которых последние пользуются специальными правами и привилегиями, в частности в отношении железных дорог и горнопромышленных предприятий. Вместе с тем правительство ее величества имело в виду поддержать то, что обычно называется политикой «открытых дверей», и обеспечить торговле и мореплаванию всех наций одинаковые права в пределах таких «сфер». Поддержание этой политики составляет настойчивое требование ком-

[1] Перевод с английского. Вручена американским послом в Лондоне Чотом на имя министра иностранных дел Англии Солсбери (USFR, 1899, стр. 133—135).

мерческих объединений наших двух стран и справедливо рассматривается ими как единственное средство, которое способно улучшить существующее положение, позволит удержать свои позиции на китайском рынке и расширить в будущем свои операции на нем.

Не желая каким-либо образом идти на признание исключительных прав какой-либо державы над какой-либо частью Китайской империи или на контроль над таковой, полученных по недавним соглашениям, правительство Соединенных Штатов не может скрыть своей тревоги по поводу существующей опасности осложнений, возникающих между договорными державами, которые могут причинить вред правам Соединенных Штатов, обеспеченным их договорами с Китаем.

Искреннее желание моего правительства заключается в том, чтобы интересам его граждан в пределах соответствующих «сфер интересов» в Китае не было причинено ущерба исключительными мерами любой из контролирующих держав. Мое правительство надеется сохранить в них открытый рынок для торговли всего мира, устранить опасные источники международного раздражения и тем самым ускорить объединенные действия держав в Пекине, чтобы провести административные реформы, столь настоятельно необходимые для усиления императорского правительства и сохранения целостности Китая, в чем, по его мнению, весь западный мир одинаково заинтересован. Оно полагает, что достижение этого результата может быть в значительной степени продвинуто и обеспечено декларациями различных держав, претендующих на «сферы интересов» в Китае, об их намерениях в отношении прав иностранной торговли и коммерции в их пределах и что настоящий момент весьма благоприятен, чтобы сообщить правительству ее величества о желании Соединенных Штатов, чтобы оно заявило само и оказало свою могущественную поддержку для того, чтобы получить от различных держав, претендующих на «сферы интересов» в Китае, декларации следующего по существу содержания:

1) Что она не будет никоим образом затрагивать прав договорных портов или узаконенных интересов в пределах так называемой «сферы интересов» или арендованной территории, которые она может иметь в Китае.

2) Что действующий китайский договорный тариф будет одинаково применяться во всех портах, находящихся в пределах упомянутой «сферы интересов» (за исключением портофранко), ко всем товарам независимо от национальной принадлежности. Что взимаемые таким образом пошлины должны взыскиваться китайским правительством.

3) Что в портах, находящихся в пределах этой «сферы», она будет взимать не более высокие портовые сборы с судов иной национальности, чем с судов своей собственной, и что на железных дорогах, построенных, контролируемых или эксплуатируемых в пределах ее «сферы», не будут установлены более высокие тарифные ставки на товары, принадлежащие подданным или гражданам других национальностей, чем те, которые взимаются за подобные же товары, принадлежащие собственным гражданам данной державы и перевозимые на равные расстояния.

Президент имеет серьезные основания думать, что правительства как России, так и Германии присоединятся к предложенному здесь соглашению. Недавний указ его величества императора России, объявляющий порт Далянвань (Дальний,— *А. Ф.*) открытым для торговых судов всех наций на весь срок аренды, на началах которой он будет находиться в руках России, устраняет всякую неуверенность в отношении либеральной и примирительной политики этой державы и вселяет уверенность в том, что его величество присоединится к аналогичному запросу Соединенных Штатов, представленному ему ныне, и сделает желаемое заявление.

Недавняя акция Германии, объявившей порт Цзяочжоу «свободным портом», и содействие, оказанное ее правительством Китаю в устройстве там китайской таможни, в соединении с устными заверениями, данными Соединенным Штатам Германией в том, что интересы Соединенных Штатов и их подданных в пределах ее «сферы» никоим образом не будут задеты оккупацией ею этой части провинции Шаньдун, вселяют уверенность в том, что со стороны этой державы запрос президента встретит незначительную оппозицию.

Нет также необходимости добавлять, что следующая наиболее заинтересованная в торговле с Китаем держава — Япония должна полностью симпатизировать изложенным здесь взглядам и что предложенное соглашение хорошо послужит ее интересам; заявления ее государственных деятелей, сделанные за последний год, находятся в таком соответствии с ним, что можно полностью положиться на содействие этой державы.

Именно поэтому я предлагаю этот вопрос с величайшим удовольствием вниманию Вашего лордства и настаиваю на скорейшем рассмотрении его правительством ее величества, полагая, что данная акция находится в полном соответствии с его последовательными взглядами и целями и что она будет в значительной мере способствовать успеху и выгоде всех коммерческих наций в равной степени. Энергичное и дружеское содей-

ствие правительства ее величества Соединенным Штатам в этом важном вопросе сильно поможет для того, чтобы обеспечить согласие всех заинтересованных держав.

Имею честь и т. д.

Джозеф Чот

№ 2

Ответные ноты правительства Англии правительству Соединенных Штатов Америки по поводу американского запроса о политике «открытых дверей» в Китае [1]
29 сентября 1899 г.

Ваше превосходительство! Я прочел с большим интересом сообщение, которое Вы вручили мне 23 сентября, в котором Вы сообщаете о желании правительства Соединенных Штатов получить от различных держав, претендующих на сферы интересов в Китае, заявления об их намерениях по отношению к правам иностранной торговли и коммерции в пределах этих сфер.

Я имею честь сообщить Вашему превосходительству, что я поспешу посоветоваться с моими коллегами относительно заявления правительства ее величества и по поводу предложения о совместных с правительством Соединенных Штатов действий для того, чтобы получить аналогичные заявления от других заинтересованных держав.

Пока я могу заверить Ваше превосходительство, что политика, последовательно отстаиваемая этой страной,— это политика гарантии равных возможностей для подданных и граждан всех наций в отношении коммерческого предпринимательства в Китае и что отступать от этой политики правительство ее величества не имеет ни намерения, ни желания.

Имею честь и т. д.

Солсбери

30 ноября 1899 г.

Ваше превосходительство! Ссылаясь на мою ноту 29 сентября истекающего года, я имею честь констатировать, что я внимательно обсудил совместно с моими коллегами предложение, содержащееся в ноте Вашего превосходительства от 22 сентября о том, что должно быть сделано заявление со стороны иностранных держав, претендующих на «сферы интересов» в Китае, в отношении их намерений к правам иностранной торговли и интересам в пределах «сфер интересов».

---

[1] Перевод с английского, USFR, 1899, стр. 135—136.

Мне весьма приятно довести до сведения Вашего превосходительства, что правительство ее величества готово сделать заявление в том смысле, как желает Ваше правительство, в отношении арендованной территории Вейхайвей и всякой территории в Китае, которая впоследствии может быть приобретена Великобританией путем аренды или каким-либо другим образом, и всех сфер интересов, принадлежащих ей в настоящее время или тех, которые будут ей принадлежать в будущем в Китае, имея в виду, что аналогичные заявления будут сделаны другими заинтересованными державами.

Имею честь и т. д.

Солсбери

№ 3

Нота правительства Соединенных Штатов Америки правительству России 20 сентября 1899 г. по поводу политики «открытых дверей» в Китае [1]

Я получил от моего правительства инструкцию представить Вам некоторые предположения, которые имеет это правительство относительно торговых интересов граждан Соединенных Штатов в Китае, в надежде, что принципы, заключающиеся в них, как согласные с либеральным и примирительным направлением торговой политики, объявленным его величеством императором в его недавнем указе относительно части Китая, занятой и управляемой правительством его величества, могут быть приняты во внимание его императорским величеством.

Мое правительство полагает, что, если бы благотворное и успокоительное объявление о территории, уже занятой и управляемой Россией, было дополнено более формальным и ясным определением условий, которые будут отныне применяться в так называемой «сфере русских интересов» в Китае по отношению к коммерческим правам иностранцев, то это сильно способствовало бы восстановлению доверия и сознания обеспеченности в деловом мире касательно торговых интересов в Китае, удалило бы опасные поводы к возможным недоразумениям и столкновениям между державами и в то же время прибавило бы весу совместным представлениям, которые эти державы могли бы делать его величеству китайскому императору относительно административных реформ в Китае.

Принципы, которые мое правительство желало бы видеть формально объявленными его императорским величеством и всеми великими державами в Китае и которые, по его мнению,

[1] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 148, л.л. 2—7.

были бы в высшей степени благотворны для торговых интересов всего мира, суть следующие:

1. Признание, что никакая держава никоим образом не будет вмешиваться в дела какого-либо открытого для иностранной торговли китайского порта или в интересы, основанные на правах, приобретенных в пределах какой бы то ни было арендованной территории или какой бы то ни было сферы интересов, которые могли бы принадлежать ей в Китае.

2. Что существующий в данное время таможенный китайский тариф, основанный на международных договорах, будет применяться во всех помянутых портах помянутой «сферы интересов» (если они не «порто-франко») ко всем выгружаемым и нагружаемым товарам, какой бы национальности они не принадлежали, и что таможенные сборы будут взимаемы китайским правительством.

3. Что с судов другой национальности, посещающих порты в помянутой «сфере», не будут взимаемы более высокие портовые сборы, чем с судов своей национальности, и что тарифы на перевозку через такую «сферу» товаров, принадлежащих гражданам или подданным другой национальности по железнодорожным линиям, построенным, контролируемым или эксплуатируемым в такой «сфере», будут те же, что и тарифы на подобные же товары своих подданных, перевозимые на одинаковые расстояния.

Полагая, что формальное принятие этих принципов его императорским величеством должно неизбежно повести к признанию их всеми остальными державами, мое правительство поручило мне представить их Вашему сиятельству с просьбой, чтобы правительство его императорского величества вошло в обсуждение их в непродолжительном времени.

Имею честь и т. д.

Герберт Пирс

(поверенный в делах США в Петербурге).

№ 4

Письмо министра финансов С. Ю. Витте министру иностранных дел М. Н. Муравьеву 26 декабря 1899 г. в ответ на запрос последнего по поводу переговоров с Соединенными Штатами Америки о политике «открытых дверей» в Китае [1]

Милостивый государь граф Михаил Николаевич!

В письмах от 10 и 11 сего декабря за №№ 744 и 747 Вашему сиятельству угодно было просить моего отзыва по поводу усло-

[1] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 148, л.л. 18—21.

вий соглашения, которое правительство Соединенных Штатов Северной Америки желает заключить с европейскими державами, имеющими интересы в Китае. В частности, во втором из этих писем Вы изволили спрашивать, не встретится ли с моей стороны препятствий к тому, чтобы американскому посланнику было сделано заявление в смысле отзыва французского министра иностранных дел, упомянутого в приложенной к сему письму телеграмме.

Долгом считаю ввиду сего сообщить Вашему сиятельству следующие мои соображения:

Проект упомянутого соглашения, выработанный правительством Соединенных Штатов и доставленный мне при письме графа Ламздорфа от 12 сентября с. г., за № 4720, не вполне ясен и содержит в себе недостаточно определенные выражения. Эта неясность американского проекта сохранилась, повидимому, и в отзывах, сообщенных правительству Соединенных Штатов Францией, Германией и Англией, насколько можно судить об этих отзывах в телеграфной передаче их графом Кассини. Равным образом из телеграфной передачи отзывов недостаточно ясно, какие именно из условий, выработанных правительством Соединенных Штатов, готовы принять правительства названных трех стран.

Ввиду этого я не имею возможности высказать определенный взгляд, насколько было бы в интересах России присоединиться к тому или другому из упомянутых отзывов. Но не считая себя в праве ограничиться таким ответом на вопрос Вашего сиятельства, позволю себе передать на Ваше усмотрение, что буде признается необходимым идти навстречу желанию правительства Соединенных Штатов, то это, по моему мнению, могло бы быть сделано без особого риска для экономических интересов России путем заявления в проектируемом соглашении о следующем: 1) что в отношении территории, находящейся в арендном пользовании русского правительства, русская торговая политика на деле является политикой «открытой двери», как это видно из предоставления городу Дальнему прав портофранко; 2) что в случае, если в будущем город Дальний будет отделен от остальной арендуемой территории таможенной чертой, таможенные пошлины имеют быть взимаемы на этой последней в одинаковом размере для всех чужестранных товаров и 3) что в портах, открытых китайским правительством для иностранной торговли, расположенных в тех частях Китая, которые не находятся в арендном содержании России,— вопрос о таможенных пошлинах и портовых сборах регулируется китайским правительством, и что русское правительство не имеет в виду добиваться в сем отношении для своих подданных ка-

ких-либо исключительных льгот по сравнению с другими иностранцами.

Само собой разумеется, что подобное заявление могло бы быть сделано Россией только при условии, если такие же заявления последуют со стороны других держав, имеющих интересы в Китае.

Останавливаясь, в частности, на вопросе о железнодорожных тарифах, считаю необходимым, ввиду важности дела, еще раз засвидетельствовать Вашему сиятельству, в дополнение к письму моему от 18 минувшего ноября, за № 441, что признаю совершенно невозможным согласиться на предположения правительства Соединенных Штатов касательно помянутых тарифов в применении их к Китайской Восточной железной дороге и Южноманьчжурской ее ветви, по крайней мере, насколько эти предположения касаются уравнения в отношении тарифов русских товаров с иностранными. Согласно контракту Русско-Китайского банка с китайским правительством от 27 августа 1896 г. (§ 11) и соглашению России с Китаем от 15 марта 1898 г. (ст. VIII), тарифы на перевозку пассажиров и товаров по упомянутым линиям, равно как и на нагрузку и сгрузку товаров на конечных пунктах их, имеют быть устанавливаемы обществом Китайской Восточной железной дороги. Отказ от этого права, законным образом нами приобретенного, лишит нас льготы, представляющей для наших экономических интересов на Дальнем Востоке существенное значение и в то же время не даст нам никаких новых выгод. В самом деле, отказ других держав от подобного же права в отношении проектированных ими железных дорог в Китае с точки зрения экономических интересов России не имеет никакой существенной цены, так как, во-первых, в Собственном Китае (где пролегают эти железные дороги), чрезвычайно богатом речными системами, главные перевозки всегда будут производиться по преимуществу водою, и, во-вторых, так как даже и при равных условиях перевозки по железным дорогам русская ввозная торговля едва ли получит в близком будущем большое развитие в Собственном Китае, который всегда будет наводнен изделиями Западной Европы, Америки и Японии.

Несоответствие в сравнительном значении проектируемых американцами обязательств России и других держав в отношении железнодорожных тарифов усугубляется в весьма сильной степени еще и тем обстоятельством, что в то время как сооружение Китайской Восточной железной дороги уже идет вперед быстрыми шагами и будет закончено через два-три года, американцы и англичане еще лишь проектируют в Китае желез-

ные дороги, причем даже остается неизвестным, будет ли в действительности приступлено к их сооружению.

Не могу не привлечь внимания Вашего сиятельства также и на то, что с политической точки зрения, по моему мнению, представилось бы совершенно недопустимым, чтобы одно из условий концессии на Китайскую Восточную железную дорогу и Южноманьчжурскую ее ветвь, представляющей собою договор русских частных людей с китайским правительством, было нарушено или изменено по соглашению русского правительства с другими державами. Если бы, однако, под давлением крайней необходимости Россия была вынуждена сделать столь несовместимый с ее достоинством шаг, то было бы лишь согласным с принципом справедливости, чтобы державы, не довольствующиеся участием в том развитии всемирной торговли, которое будет вызвано сооружением новых дорог в Маньчжурии, и желающие воспользоваться еще теми особенными выгодами, которые выговорены в пользу строителя этих дорог, общества Китайской Восточной железной дороги, чтобы эти державы приняли участие также и в несении тех громадных материальных затрат, которые уже сделаны и еще предстоят на сооружение упомянутых выше железнодорожных линий, а равно в тех приплатах, которые предусмотрены § 16 устава общества Китайской Восточной железной дороги и несомненно будут производиться русским правительством на покрытие расходов эксплуатации и ежегодных платежей по облигационным займам.

Примите милостивый государь и пр.

С. Витте

№ 5

Ответная нота правительства России правительству Соединенных Штатов Америки 30 декабря 1899 г. по поводу американского запроса о политике «открытых дверей» в Китае [1]

Господин посол! Я имел честь получить ноту Вашего превосходительства, датированную 8—20 сентября истекшего года, относящуюся к принципам, которые правительство Соединенных Штатов хотело бы видеть одобренными в отношении вопросов торговли со стороны держав, заинтересованных в Китае.

Поскольку это касается арендованной территории, предоставленной Китаем России, императорское правительство уже продемонстрировало твердое намерение следовать политике «открытых дверей» созданием в Дальнем (Далянвань) открытого

[1] Перевод с английского. USFR, 1899, стр. 141—142.

порта. Если же в будущем этот порт хотя и останется сам по себе свободным, будет отделен таможенной чертой от других частей спорной территории, таможенные пошлины будут взиматься в данной зоне в соответствии с тарифом со всех иностранных товаров без различия национальной принадлежности.

В отношении портов, ныне открытых, или тех, которые будут открыты впоследствии китайским правительством для иностранной торговли и которые находятся вне пределов территории, арендованной Россией, решение вопроса о таможенном обложении принадлежит самому Китаю. Императорское правительство не имеет абсолютно никаких намерений требовать какие-либо привилегии для своих подданных в ущерб другим иностранцам. Должно быть понятно, однако, что данное заверение императорского правительства дано при условии, что аналогичные заявления будут сделаны другими державами, имеющими интересы в Китае.

Будучи убеждено, что настоящий ответ удовлетворяет запрос, сделанный в вышеупомянутой ноте, императорское правительство радо согласиться с пожеланиями американского правительства, так как оно придает особое значение всему, что может способствовать укреплению традиционных дружественных отношений, существующих между двумя странами.

Прошу Вас принять и т. д.

Граф Муравьев

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. и Ф. Энгельс. Революция в Китае и в Европе. Соч., т. IX, стр. 311—318.

Маркс К. Китайские дела. Соч., т. XII, ч. II, стр. 360—362.

Энгельс Ф. Роль насилия в истории. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 495.

Ленин В. И. Китайская война. Соч., т. 4, стр. 347—352.

Ленин В. И. Проект программы нашей партии. Соч., т. 4, стр. 207—233.

Ленин В. И. Уроки кризиса. Соч., т. 5, стр. 73—77.

Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике. Соч., т. 15, стр. 156—165.

Ленин В. И. Демократия и народничество в Китае. Соч., т. 18, стр. 143—149.

Ленин В. И. Пробуждение Азии. Соч., т. 19, стр. 65—66.

Ленин В. И. Отсталая Европа и передовая Азия. Соч., т. 19, стр. 77—78.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Соч., т. 20, стр. 365—424.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. Соч., т. 21, стр. 84—88.

Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22, стр. 173—290.

Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Соч., т. 22, стр. 1—89.

Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Соч., т. 23, стр. 16—64.

Ленин В. И. Империализм и раскол социализма. Соч., т. 23, стр. 94—109.

Ленин В. И. Война и революция. Соч., т. 24, стр. 362—385.

Ленин В. И. Письмо к американским рабочим. Соч., т. 28, стр. 44—57.

Ленин В. И. Речь на митинге на заводе бывш. Ф. Михельсона 30 VIII 1918. Соч., т. 28, стр. 71—73.

Ленин В. И. О государстве. Соч., т. 29, стр. 433—451.

Ленин В. И. Тетради по империализму. М., 1939.

Мао Цзе-дун. О классах китайского общества. Избр. произведения, т. 1. М., 1952, стр. 15—31.

Мао Цзе-дун. Китайская революция и коммунистическая партия Китая. Избр. произведения, т. 3. М., 1953, стр. 133—186.

Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1953.

Foster W. Z. History of the Communist party of the United States. N. Y., 1952.

Источники

А. Неопубликованные документы

Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР, фонды:
Китайский стол,
Японский стол,
Канцелярия министра иностранных дел.
Центральный Государственный архив Военно-Морского Флота СССР, фонд:
Главный морской штаб (ф. 417).
Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде, фонды:
Общая канцелярия министра финансов (ф. 560),
Китайская Восточная железная дорога (ф. 423),
Департамент торговли и мануфактур (ф. 20),
Учреждения по торговле и промышленности Министерства финансов (ф. 22),
Русско-Китайский банк (ф. 632),
Нефтепромышленное товарищество бр. Нобель (ф. 1458),
Отдел торгового мореплавания и торговых портов Департамента торговли и мануфактур (ф. 95).

Б. Опубликованные документы

Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927.
Красный архив, т.т. 14, 20, 50—51, 52 (публикации по делам Дальнего Востока).
Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока (1895—1905). СПб., 1906.
Сборник консульских донесений. СПб., 1898—1900.
British documents on the origins of the War (1898—1914), v. I.
British Parliamentary Papers, 1897—1900 („Blue books").
Commercial relations of the United States (1895—1900), Washington.
Congress House documents, Miscelanneous (1894—1900), Washington (отдельные публикации Палаты представителей США).
Congressional record, v. 27—33, Washington (стенографический отчет о заседаниях конгресса США за 1894—1900 гг.).
Consular reports, v. v. XLVIII—LXII, Washington (донесения американских консулов за 1895—1900 гг.).
Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, Bd. XIII—XVI. Berlin.
Documents diplomatiques français, I serie, t. t. XI—XII, XIII, Paris, 1947—1951.
Li Hung-chang. Verbal discussions during peace negotiations between the Chinese plenipotentiaries count Ito and viscount Mutsu at Simonoseki. March—April, 1895, Translated from the original Chinese records oficially revised, Tientsin, 1895.
Mac Murray J. Treaties and Agreements with and concerning China (1894—1919), v. I. N. Y., 1921.
Navy Departament annual report (1894—1900), Washington.

Papers relating to the foreign relations of the United States (1894—1900), Washington.
Royaume de Belgique. Recueil consulair. Bruxelles, 1895—1900. t. t. 89—104.
Senate executive documents (1894—1901), Washington (отдельные публикации Сената США).

В. Справочные издания, мемуары, автобиографии, переписка

Витте С. Ю. Воспоминания, т. I. Л., 1924.
Дипломатический словарь, под ред. А. Я. Вышинского, тт. I—II.
Ландберг Ф. 60 семейств Америки. М., 1948.
Мировые экономические кризисы (1848—1935). Под ред. Е. Варга, т. I. М., 1937.
Петтигру Р. Ф. Торжествующая плутократия. М., 1922.
Соединенные Штаты Америки. М., 1946.
Соловьев Ю. 25 лет моей дипломатической службы (1893—1917). М., 1927.
Стимсон Г. Дальневосточный кризис. М., 1938.
The American secretaries of state and their diplomacy, ed. by S. F. Bemis and oth., v. v. VIII—IX.
Beresford Ch. The break-up of China. N. Y.—London, 1899.
Beresford Ch. The memoirs of admiral, v. II. London, 1914.
Brassey's Naval and shipping Annual, London, 1894—1900.
Commercial China, Washington, 1899.
Davidson J. W. The island of Formosa, Past and Present. Yokogama, 1903.
Dewey G. Autobiography. London, 1913.
Dictionary of American Biography, v. I—XX. N. Y., 1928—1937.
Foreign Commerce and Navigation, 1894—1900. Washington (издание Статистического бюро Министерства финансов США).
Foster J. W. Diplomatic memoirs, v. v. I—II. London, 1910.
Henry Adams and his friends. A collection of his unpublished letters ed. H. D. Carter. Boston, 1947.
Letters of Henry Adams, ed. W. C. Ford. Boston—N. Y., 1938.
Memoirs of Li Hung-chang. London, 1913.
Mulhall J. The dictionary of statistics. 4-th ed., 1909.

Монографии и другие работы

История дипломатии, т. II. М., 1945.
Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945). Под общ. ред. Е. М. Жукова, М., 1951.
Аварин В. Я. Империализм в Маньчжурии, т. I. М.—Л., 1931.
Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. М., 1947.
Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М., 1952.
Бакунин М. М. Тропическая Голландия. СПб., 1902.
Бимба А. История американского рабочего класса. М., 1930.
Богарт Э. Л. Экономическая история Соединенных Штатов. М., 1927.
Брукс М. Нефть и внешняя политика. М., 1949.

Веснин А. Северо-Американские тресты. СПб., 1906.
Гальперин А. Л. Англо-японский союз (1902—1921). М., 1947.
Ганелин Р. Ш. «Доктрина Олни» и ее фальсификация в американской историографии. Вопросы истории, № 7, 1951.
Глушаков П. И. Маньчжурия. Экономико-географическое описание. Географгиз, М., 1948.
Горелик С. Б. Экспансия американского капитала в Маньчжурии. Кратк. сообщ. Инст. востоковедения, т. X. М., 1953.
Гофман К. Нефтяная политика и англо-саксонский империализм. М., 1930.
Гримм Э. Д. Доктрина «открытых дверей» и американская политика в Китае (от 1899 до 1921—1922 гг.). Международная жизнь, № 4—5, 1924.
Губер А. А. Международные отношения на Дальнем Востоке (1894—1904). Уч. зап. Тихоокеанск. инст. АН СССР, т. I, 1947.
Губер А. А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М.—Л., 1948.
Гулишамбаров С. Нефтяная промышленность США. СПб., 1894.
Деннн Л. Борьба за нефтяную монополию. М.—Л., 1934.
Добров А. Ф. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952.
Добрынин А. Ф. США и независимость Кореи (1904—1905 гг.). Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. IV, № 4. М., 1947.
Драйзер Т. Трагическая Америка. Соч., т. II. М., 1944.
Дэвис Д. Капитализм и его культура. М., 1949.
Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М.—Л., 1948.
Ерусалимский А. С. Из истории империалистической политики Англии на Дальнем Востоке в конце XIX в. (Миссия лорда Бересфорда). Вопросы истории, № 5, 1951.
Ефимов Г. В. Германский империализм в Китае (1894—1902). Уч. зап. Тихоокеанск. инст. АН СССР, т. I, 1947.
Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951.
Жуков Е. История Японии. М., 1939.
Зорина А. М. Испано-американская война 1898 г. Истор. журнал, № 12, 1940.
Зубок Л. И. Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна (1900—1939). М.—Л., 1948.
Канторович А. Америка в борьбе за Китай. М., 1935.
Корей Л. Дом Морганов. М., 1933.
Кутаков Л. Н. К истории Портсмутского мира 1905 г. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. IX, № 2, М., 1952.
Кучинский Ю. История условий труда в США. М., 1948.
Лан В. Классы и партии в США. М., 1937.
Лафарг П. Американские тресты. СПб., 1906.
Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. М., 1953.
Марион Дж. Базы и империя. М., 1948.
Масленников В. Китай. Политико-экономический очерк. Госполитиздат, М., 1946.
Мендельсон Л. Экономические кризисы и циклы XIX в. М., 1949.
Нарочницкий А. Л. Соединенные Штаты Америки и японская агрессия в Корее и Китае в 1894—1895 гг. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. 7, № 3, 1950.
Нарочницкий А. Л. Британский империализм и японо-китайская война 1894—1895 годов. Уч. зап. Моск. городск. пед. инст. им. В. П. Потемкина, т. XIV, вып. I, 1951.

Нуринг С. и Д. Фримэн. Дипломатия доллара. М., 1926.
Озеров И. Х. Америка идет на Европу. СПб., 1903.
Озеров И. Х. Отчего Америка идет так быстро вперед. СПб., 1903.
Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л., 1928.
Романов Б. А. Витте как дипломат. Вестн. Лен. Гос. унив., 1946, № 4—5.
Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907 гг. М.—Л., 1955.
Семенов Ю. Н. Фашистская геополитика на службе американского империализма. М., 1952.
Сладковский М. И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953.
Сурнин В. И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае. Харбин, 1932.
Тягай Г. Д. Крестьянское восстание в Корее 1893—1895 гг. М., 1953.
У Сю-цюань. О вооруженной агрессии США против Китая. Выступление представителя Центрального народного правительства Китайской народной республики на заседании Совета безопасности 28 ноября 1950 г. М., 1950.
Федоров М. П. Соперничество торговых интересов на Востоке. СПб., 1903.
Фолькнер Г. А. История народного хозяйства САСШ. М.—Л., 1932.
Ходоров А. Е. Мировой империализм и Китай. Шанхай, 1922.
Ху Шэн. Агрессия империалистических держав в Китае. М., 1951.
Цинь Бень-ли. История экономической агрессии американского империализма в Китае. М., 1951.
Энгельбрехт Ханиген. Торговцы смертью. Международная военная промышленность. М., 1935.
Яутихара Тадао. Формоза под властью японского империализма. М., 1934.

Babey A. Americans in Russia. London—N. Y., 1937.
Bashford B. China an Interpretation. N. Y., 1916.
Beards Ch. and M. The Rise of American Civilisation, v. I—II. N. Y., 1947.
Bemis S. F. A diplomatic history of the United State. 3-d ed., N. Y., 1951.
Beveridge A. J. The Russian advance. N. Y., 1903.
Bishop J. B. The Roosevelt and his time, v. I. N. Y., 1920.
Bisson T. A. American's Far Eastern policy. N. Y., 1945.
Campbell Ch. S. American business interests and the open door in China. The Far Eastern Quarterly, v. I, № 1, November, 1941.
Campbell Ch. S. Special business interests and the open door policy. New Haven, 1951.
Chitoshy Janaga. Japan since Perry. N. Y., 1949.
Clinard O. J. Japan's influence on American Naval power 1897—1917. Berkley—Los-Angeles, 1947.
Colomb P. H. The lessons of the Spanish American war. 1899 (отд. оттиск).
Colquhoun A. R. China in transformation. London—N. Y., 1898.
Dennett T. Americans in Eastern Asia. N. Y., 1941.

Dennis A. Adventures in American diplomacy (1896—1906). N. Y., 1928.
Dulles F. R. America in the Pacific. Boston—N. Y., 1932.
Dulles F. R. Forty years of American-Japanese relations. N. Y.—London, 1937.
Dulles F. R. The road to Teheran. N. Y., 1944.
Dulles F. R. Twentieth century America. N. Y., 1945.
Dulles F. R. China and America. Princeton, 1946.
Dumond D. L. America in our time (1896—1946). Ann Arbor, 1947.
Eyre J. K. Japan and the American annexation of the Philippines. Pacific Historical Review, March, 1942.
Gelber L. M. The Rise of Anglo-American Friendship. A study in world politics (1898—1906). London—N. Y., 1938.
Griswold A. W. The Far Eastern Policy of the United States. N. Y., 1938.
Hardy M. The influence of organized labor on the foreign policy of the United States. Liege, 1936.
Hsu Shuhsi. China and her Political Entity. London, 1926.
Jernigan T. R. China in law and Commerce. N. Y.—London, 1905.
Joseph Ph. Foreign diplomacy in China (1894—1900). A study in political and economic relations with China. London, 1928.
Josephson M. The Robber barons. The great American capitalists (1861—1901). N. Y., 1934.
Josephson M. The Politicos. N. Y., 1938.
Kent P. H. The railway enterprise in China. N. Y.—London, 1907.
Lippincot J. Economic development of the United States. N. Y., 1931.
Livermore S. W. American Naval Base Policy in the Far East (1850—1914). Pacific Historical Review, June, 1944.
Mahan A. T. The problem of Asia and its effect upon international Policies. London, 1900.
Martin A. History of the United States, v. II. Boston—N. Y., 1938.
Mc Kenzie A. R. Church and Missions in Manchuria. London, 1928.
Minor H. The story of the democratic party, N. Y., 1928.
Moody J. The truth about trusts. N. Y., 1904.
Morse H. B. The international relations of the Chinese Empire, v. III. London, 1918.
Noyes A. D. Forty years of American finance. N. Y., 1909.
Ocuma S. Fifty years of new Japan, v. I. London, 1909.
Overlach T. W. Foreign financial control in China. N. Y., 1919.
Pan S. C. American diplomacy concerning Manchuria. Boston, 1938.
Pan Shu-lun. The trade of the United States with China. N. Y. 1924.
Pratt J. Expansionists of 1898. Baltimor, 1935.
Pringle H. Theodore Roosevelt. A Biography. N. Y., 1931.
Reinsh P. World Politics at the end of 19 century, as influensed by the Oriental situation. N. Y., 1901.
Remer Ch. F. Foreign investments in China. N. Y., 1933.
Rhodes J. E. The Mc Kinley and Roosevelt Administration (1897—1909). N. Y., 1923.
Rochester A. Rulers of America. N. Y., 1936.
Rochester A. The populist movement in the United States. N. Y., 1943.

Seitz D. C. Joseph Pulitzer, his life and letters. N. Y., 1924.
Shannon F. A. America's economic growth. N. Y., 1947.
Shlesinger A. M. Political and social Growth of the American People (1865—1900). N. Y., 1941.
Sprout H. and M. The Rise of American naval Power (1776—1918). Princeton, 1946.
Spykmen N. J. America's strategy in World Politics. The United States and Balance of Power. N. Y., 1942.
Stead W. T. Americanisation of the world. London, 1902.
Steiger G. N. China and the Occident. The origin and development of the Boxer movement. New Haven, 1927.
Stringer H. The Chinese Railway system. Tientsin—Peking, 1925.
Strong J. Our country. N. Y., 1891.
Takekoshi Y. Japanese rule in Formosa. London—N. Y., 1907.
Taylor G. America in the Pacific. N. Y., 1943.
Tompkins P. American-Russian relations in the Far East. N. Y., 1949.
Treat P. J. Japan and the United States 1853—1921. Boston—N. Y., 1921.
Treat P. J. The Good Offices of the United States during the Sino-Japanese War. Political Science Quarterly, December, 1932.
Treat P. J. Diplomatic relations between the United States and Japan (1895—1905). Stanf. univ., 1938.
Turner F. J. The frontier in American History. N. Y., 1920.
Vagts A. Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd. II. N. Y. — London, 1935.
Varg P. Open door diplomat. The life of W. W. Rockhill. Urbana, 1952.
Vinacke H. M. A history of the Far East in modern times. N. Y., 1950.
Vince A. La doctrine Americaine de la Porte ouverte en Chine et son Application dans la Politique Internationale. Besançon, 1946.
Weinberg A. K. Manifest destiny. A study of nationalist expansionism in American history. Baltimor, 1935.
Wen Hwan-ma. American policy toward China. Shanghai.
Williams B. H. Economic foreign policy of the United States. N. Y., 1929.
Willoughby W. W. Foreign rights and interests in China, v. 1—2. Baltimor, 1927.
Wish H. Contemporary America. N. Y.—London, 1943.
Zabriskie E. H. American-Russian rivalry in the Far East. Study in diplomacy and power politics (1895—1914). Oxford, 1946.

Периодическая печать

Вестник финансов, промышленности и торговли, СПб., 1894—1900.
Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, СПб., 1894—1900 (вып. 55—75).
Современная летопись Дальнего Востока. Владивосток, 1901—1903.
American monthly Review of Reviews, N. Y., 1894, 1895, 1898.
Atlantic monthly. N. Y., 1898, 1899.
Army and Navy Journal, Washington, 1894—1900.
Century magazin, N. Y., 1900.
China Mail, Hongkong, 1895—1897.

Chinese Recorder and Missionary Journal, Peking, 1894—1900.
The Far East, Tokio, 1895.
Forum, N. Y., 1895—1899.
Harper's magazin (monthly), N. Y. (отдельные номера за 1895—1900 гг.).
Mesny's Chinese Miscellany, Shanghai, 1896.
Munsey's magazin, N. Y., 1899.
Nation, N. Y., 1897.
North American Review, Concord, New Hempshire, 1894—1900.
North China Herald, Shanghai, 1894—1900.
Orient, Tokio, 1899—1900.
Overland China Mail, Hongkong, 1895—1897.
Railroad gazette, N. Y., 1895—1900.
Review of Reviews, London, 1894—1900.
Scribner's magazin (monthly), N. Y. (отдельные номера за 1895—1900 гг.).
United States Naval Institute Proceedings, Annapolis, 1894—1953.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПР	— Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР.
ЦГАВМФ	— Центральный Государственный архив Военно-морского флота СССР.
ЦГИАЛ	— Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.
Ерусалимский	— А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, М., 1948.
Канторович	— А. Канторович. Америка в борьбе за Китай. М., 1935.
Международные отношения	— Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945). М., 1951.
Нарочницкий, Британский империализм	— А. Л. Нарочницкий. Британский империализм и японо-китайская война 1894—1895 годов. Уч. зап. Моск. городск. пед. инст. им. В. П. Потемкина, т. XIV, вып. I, 1951.
Нарочницкий, США	— А. Л. Нарочницкий. Соединенные Штаты Америки и японская агрессия в Корее и Китае в 1894—1895 гг. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. VII, № 3, 1950.
Б. А. Романов, Очерки	— Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.—Л., 1955.
Россия в Маньчжурии	Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии. Л., 1928.
Campbell, American business	— Ch. S. Campbell. American business interests and the open door in China. The Far Eastern Quarterly, v. I, № 1, November, 1941.
Campbell, Special	— Ch. S. Campbell. Special business interests and the open door policy. New Haven, 1951.
Recueil consulair	— Recueil consulair contenant les rapports, commerciaux des agents Belges à l'etranger publie le Ministere des affaires etrangeres, Bruxelles.
USFR	— Papers relating to the Foreign Relations of the United States, Washington.
Vagts	— A. Vagts. Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd. II. N. Y.—London, 1935.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аварин В. Я. 3.
Адамс Г. 168.
Арман 34.
Аткинсон 121—122.
Ашмор 90.

Бакунин 76.
Бари 74.
Баррет Джон 108, 117, 139, 141.
Баттерфилд Даниел 45.
Баш 44, 46, 57—58, 62, 176, 177, 181, 190.
Беверидж 13, 81.
Бенедикт Д. Х. 44.
Бересфорд Ч. 136—137.
Бидло 84.
Блисс Корнелиус 109.
Богуславский 126.
Бостельман 161.
Боткин 18.
Брайан У. Д. 116, 164.
Брайс Кальвин 42—43, 56, 108, 177.
Брекенридж 31—32, 46, 49.
Бронзарт фон Шеллендорф 126.
Броун Б. 81.
Брэди А. 43.
Брэдфорд 119.
Брюстер С. Д. 106.
Бутвелл 122.
Бутчард 53.
Бэкер Джордж 43.
Бэрнс Т. У. 56, 60—61.
Бюлов 159.
Бюр 53.

Вандербильт 44, 46.
Вандерлип 115.
Варг П. 147.
Вейнер 73.
Верт 76.
Вильгельм II 56, 96, 101—103, 209, 212.
Витте 31, 101—102, 113, 143, 156—162, 212, 220.

Гальперин А. Л. 3.
Гарриман Аверелл 43—44.
Гаррисон 43.
Гацфельд 130.
Гейкинг 55.
Гейль-цу-Геррнсгейм 101.
Гелинджер 112.
Гильпин 44.
Голуховский 103.
Гомперс С. 124.
Горелик С. Б. 4, 157.
Гофман К. 69.
Грегори 96.
Грехем 44.
Грешэм 21, 24—25, 35.
Гримм Э. Д. 3.
Грисуолд 4, 147.
Гуансюй 100.
Гудноу 65—66.

Дан 22, 29, 33—35.
Дебс 11, 123.
Де Воллан 167, 169—170.
Де Леон 123.
Денби-младший 40, 52, 56.
Денби-старший 23—24, 26—28, 35—39, 41, 47, 51—53, 61—62, 64, 83, 95—96, 104, 108, 116—118, 131, 139, 152, 155.
Деннет 144.
Деннисон 29—30.
Дерсналь 149.
Детринг 26.
Джерниган 39—40, 52, 90.
Джессеп Морис 108.
Джозеф 65.

Джонсон 45.
Джордан Старр 121.
Добров А. Ф. 3.
Дингли 101.
Дьюи Д. 113, 115, 141.
Дэй Д. 110, 135.

Ерусалимский А. С. 136.

Жерар 26.

Залинский Е. Л. 106.

Ито 36.

Каменский 72.
Кантакузин 49.
Канторович А. 3, 147.
Кан Ю-вей 100.
Карнеги 10, 43, 82, 108, 121—122.
Кассини 23, 47—49, 57, 62, 91, 121, 135, 140, 143, 155, 157—159, 163, 165, 176—177, 181, 220.
Кашинг К. 148.
Кемпбелл 4, 111.
Керзон 135.
Кимберлей 33.
Коломб 127.
Конжер 61, 111, 118—119, 164.
Корей 63.
Костер Чарльз 43.
Крокер 164.
Курино 24—25, 27.
Курсель 33.
Кэри Кларенс 44, 106, 108, 147.

Ламздорф 220.
Ламонт 85.
Ленин В. И. 7, 9, 10, 13, 17, 50, 64, 88, 113, 155, 167, 172.
Лессар 133.
Либби У. 71—72.
Ливермор 4.
Ли Хун-чжан 27, 29—33, 51, 53—54, 176—177.
Ли Юн-фу 93.
Ли Цзын-фан 29.
Лодж Г. К. 13, 112, 164.
Лонг 142.
Лоури 57, 90, 153—154.
Лун Куан-ен 78—79.
Лу Хао-тун 87.
Лю Да-нянь 4.

Майлз 117, 126, 142.
Мак Артур 169.
Мак Ги 106.
Мак Кинли 106—107, 109, 124, 148, 164, 168, 170.
Мак Лорин 112.
Макдональд К. 146.
Манташов 70, 72.
Мао Цзе-дун 171.
Марат 11.
Маркс Карл 12, 86, 88, 99.
Мартенс Ф. 166.
Мартино 145—146.
Маршалль 34.
Мерилл 92.
Мертваго 20.
Миши 26.
Монаген 45.
Морган 8—9, 28, 41—43.
Мортон Л. П. 43.
Муди В. 121.
Муди Д. 9.
Мур 44.
Муравьев 103, 157, 159, 162, 212, 220.
Муцу 24, 27, 29.
Мэхэн 13—14.
Мюнстер 13.

Невелл 96.
Николай II 46, 56, 102—103, 163, 209, 212.
Нобель Э. 70—73.

Олкотт Ф. П. 44.
Олни 51, 56, 104.

Павлов 54.
Парсонс 100.
Паунсефот 133—134, 138.
Пейн Оливер 42.
Перри 19.
Петик 29, 51, 176—177.
Петтигру 122.
Пирс Г. 156.
Платт Томас 43.
Позднеев 146.
Покотилов 48—49, 52—53, 58—59, 157—158.
Попов Б. Н. 97.
Попов Н. 89, 93, 96—97.
Пратт 4.

Радолин 52, 113, 143.
Райан Т. Ф. 44.
Рейд Д. 149.
Рейнш П. 173.
Ренделл Ф. Е. 43.

Рид 39, 57, 91.
Рид Д. (Read J.) 139.
Рид Т. (Reed T. B.) 122.
Рич 53.
Робеспьер 12.
Розбери 33.
Рокфеллер 8—9, 42, 43, 64, 69, 71—73, 75—78, 82, 90, 105, 109—110, 153.
Рокхилл 146—148, 150—151, 153, 168, 170.
Романов Б. А. 3.
Ротшильд 70, 72, 77.
Рочестер А. 8.
Рузвельт Т. 12—14, 146
Рутковский 46, 146.

Сегюр 103.
Сеймур 98.
Солсбери 149, 215.
Сомов 140.
Стиллмен Джеймс 43, 108.
Стронг 12.
Стэд 60.
Сунь Ят-сен 86—87.
Сэмпсон 117.

Тагиев 73.
Тан Гуэ 94.
Твен Марк 121.
Тейлор 26.
Теплов 126—127.
Тильман 72.
Тимирязев 72.
Тион Чиао 94.
Томас Самюэль 43.
Тоуэр 162.
Трит 29.

Уайт Э. 109.
У Инь-сун 58.
Уитни Уильям 42.
Уошберн 51, 53, 108.
У Тин-фан 60, 183, 190.
Уэбб 45—46.

Фагтс 4.
Фаулер 66, 83—85, 113, 115, 118.
Флинт 28, 41.
Форд 99.
Фостер 26—36, 51, 60, 176—177.
Фрай 112, 146.
Франки 54.
Фрер 67.
Фрэзер Э. 106, 108, 147, 164, 168.
Фурд Джон 106—108, 147.

Хагеман 14, 81.
Ханна Маркус Алонзо 105, 112.
Харт Р. 170.
Хартли 44.
Хаскелл 109.
Хаяси 29.
Хиксон 96.
Хилл 154.
Хилл Дэвид 168.
Хиппсли 147, 150—151.
Хитрово 30—31.
Хитчкок 112.
Хоуэллс 121.
Ху Шен 4.
Хэвмейер Генри 43.
Хэй Джон 3, 110—112, 124, 135—137, 148, 158, 162—163, 168.
Хэпберн 112.

Цыси 100.

Чайлд 53.
Чемберлен Джозеф 130, 135—136.
Чжан Чжи-дун 54—55.
Чин Нен-тиа 94.
Чот Д. 149, 216.

Шелдон Г. Р. 44.
Шен 52, 54, 182, 187, 189, 191.
Шерман 104—107, 109—110, 134—135.
Шифф Джекоб 43.
Шлей 44.
Шоу Альберт 18.
Шуйский 79.

Энгельс Ф. 88.
Эрбет 20, 34.

Юн Вин 58—59.

ПРЕДМЕТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Австралия 212.
Австро-Венгрия 146.
Азиатская эскадра США 91, 95, 113.
Азия 23, 81, 107, 113—116, 168, 210.
Акционерные общества и компании:
«Американ оушен навигейшн энд констракшн компани» («American Ocean Navigation and Construction Co») 160.
«Американ трейдинг компани» («American Trading Co») 41, 52, 53, 106.
«Американ Чайна дивелопмент компани» («American China Development Co») 42—44, 46—49, 51—53, 56—64, 90—100, 104, 106, 108, 125, 129, 136, 147, 152, 168, 172, 177, 180—209.
«Американ Шугар рефайнинг компани» («American Sugar Refining Co») 43.

«Балтимор энд Огайо» («Baltimor and Ohio») 63.
«Баттерфилд энд Свайр» («Butterfield and Swire») 83.
Бельгийский синдикат 54—56, 58, 62, 63, 187.
«Бетлехем Айрон Уоркс» («Bethlehem Iron Works») 106.
«Блисс, Фабиан энд компани» («Bliss, Fabian and Co») 109.
«Болдуин Локомотив Уоркс» («Baldwin Locomotive Works») 39, 82.
«Брайс Чайниз синдикат» («Brice Chinese Syndicate»), см. «Американ Чайна дивелопмент компани».
«Бритиш энд Чайниз корпорейшн» («British and Chinese Corporation») 61, 136.

«Вестингауз электрик компани оф Питтсбург» («Westingouse Electric Co of Pittsburg») 39.

«Джардин Мэтисон энд компани» («Jardin Matison and Co») 83.
«Дом Астора» 73.

«Икуитэбл лайф иншуренс компани» («Equitable Life Insurance Co») 39, 43, 44.

«Карнеги стил энд айрон компани» («Carnegie Steel and Iron Co») 82.
«Каспийско-Черноморское общество» 70, 78.
«Крэмп Шипбилдинг компани» («Cramp Shipbuilding Co») 28, 39.
«Кун и Леб» 43.

«Лейн энд Мак Эндрю» («Lane and Mac Andrew») 78—80.

«Манхэттен ойл компани оф Лима» («Manhatten Oil Co of Lima») 43.
«Миссури Пэсифик» («Missouri Pacific») 63.
«Моера Энним» («Moera Enim») 76.
Моргана и Флинта синдикат 28, 41.
«Мючюэл лайф иншуренс компани» («Mutual Life Insurence Co») 43.

«Нефтепромышленное товарищество братьев Нобель» 70.
«Норзерн Пэсифик» («Northern Pacific») 63.
«Нью-Йорк лайф иншуренс компани» («New York Life Insurence Co») 43.
«Нью-Йорк сентрал» («New York Central») 63.

«Пэсифик коуст инвестмент компани» («Pacific Coast Investment Co») 161.
«Пэсифик мейл стимшип компани» («Pacific Mail Steamship Co») 42.

«Рашен петролеум энд ликвид фюел компани лимитед» («Russian Petroleum and Liquid Fuel Co Limited») 73.
«Роджерс локомотив компани» («Rogers Locomotive Co») 82.
«Ройал Датч» («Royal Dutch») 75, 77.

«Саузерн Пэсифик» («Southern Pacific») 63.
«Саузерн траст компани» («Southern Trust Co») 43.
«Сентрал траст компани оф Нью-Йорк («Central Trust Co of New-York») 44.
«Союз бакинских керосинозаводчиков» 71—73.
«Стандарт ойл» («Standart Oil Co») 8, 28—29, 43, 69—74, 76—79, 83, 106.

«Фергюсон энд компани» («Ferguson and Co») 83.
«Фирон, Даниел энд компани» («Fearon, Daniel and Co») 106.
«Фрэзер энд компани» («Frazar and Co») 106.

«Хауторн Лесли энд Компани» («Houthorn Leslie and Co») 81.

«Шелл транспорт энд трейдинг компани» («Shell Transport and Trading Co») 77, 79.

«Юнион айрон уоркс» («Union Iron Works») 28, 39.
«Юнион Пэсифик» («Union Pacific») 63.

«Айрон эйдж» («Iron Age») 114.
«Американ бэнкер» («American Banker») 114.
«Американ мансли Ревью оф Ревьюз» («American monthly Review of Reviews») 18.
«Американизация мира» 14.
«Американо-Азиатская ассоциация» 108—112, 114, 116—117, 137, 146—147, 150, 155, 164—165, 168, 172.
«Американская империя» 12.
«Американская опасность» 14, 101.
Американская Федерация Труда (АФТ) 123—124.
Американское казначейство 65—66, 114—115.
Амой 83.
Амур р. 167.
Англия 4, 7, 15, 17—19, 22—23, 25, 33—34, 55—56, 60—61, 63, 67—69, 79—83, 89, 91—92, 95—96, 102, 105, 108, 113, 118—119, 121, 128—144, 146—147, 150—151, 155, 158—159, 163, 165, 169, 172, 210—212, 215, 218, 221.
Англо-американо-японская «коалиция» 128—129, 141, 143—145.
«Антиимпериалистическая лига» 121, 123.
«Антиимпериалисты» 116, 121—125, 128, 145, 163, 170.
Антитрестовский закон 1890 г. 12.
Аньхуэй 98.
Армения 168.
«Арми энд Нэви джорнал» («Army and Navy Journal») 18—19, 30, 95—96, 107, 117, 119.
«Армия всеобщего блага» см. Поход безработных в Вашингтон 1894 г.

Банки:
«Нейшенл Сити бэнк оф Нью-Йорк» («National City bank of New York») 43.
Русско-Китайский банк 56, 58—59, 129, 131, 222.
«Ферст Нейшенл бэнк оф Нью-Йорк» («First National bank of New York») 43.
«Чейз нейшенл бэнк» («Chase National bank») 42.
Балтимор 103, 107.
«Балтимор», крейсер 25.
Баптистская богословская семинария 90.

Баптистский союз миссионеров 90.
«Белой лилии» общество 166.
Белый дом 135, 146.
Бельгия 210.
Берлин 55, 96, 143, 148.
Биржа:
  американская 27, 114.
  европейская 64
«Битва за концессии» 98—99.
Ближний Восток 130.
Богословское общество баптистов 90.
Боксерское восстание, см. Восстания в Китае (антиимпериалистическое 1900 г. Ихэтуань).
Борнео о. 70.
Бостон 84, 107, 117, 121.
«Бостон», крейсер 95.
Британская Гвиана 129.
Британская Индия 67, 210—211.
Британское адмиралтейство 127, 136.
«Брэдстритс» («Bradstreet's») 114.
Буффало 137.

Ванкувер 45.
Ватерлоо 80.
Вашингтон 11, 27, 60, 91, 96, 103, 107, 110—111, 121, 130—131, 134, 136—137, 142, 158, 162, 167.
«Вашингтон пост» («Washington Post») 45, 132.
«Вегетарианцы» 93—94.
Вейхайвей 108, 113, 118, 218.
Венесуэла 129.
Верхнее оз. 82.
«Вестник финансов промышленности и торговли» 76—77.
Висбаден 102, 209.
Владивосток 161.
Внутренний рынок США 114, 116.
Военно-морская база в Китае, американские проекты 61, 118, 169, 172.
Войны:
  Испано-американская 1898 г. 8, 110, 113—114, 118—119, 124—127, 134, 141, 143.
  Русско-японская 1904—1905 гг. 130.
  Японо-китайская 1894—1895 гг. 17—26, 38—39, 86—87, 98, **128, 140, 166.**
Вооруженные силы (морские):
  американские 25, 117—118, 122, 127, 169.
  английские 25, 122.
  германские 25, 96, 122.
  испанские 127.
  русские 25, 122.
  французские 25, 122.
  японские 28, 30, 122, 141—142.
Вооруженные силы (сухопутные):
  американские 113, 117, 122, 124—127.
  германские 122.
  китайские 97—98, 137.
  русские 122.
  французские 122.
  японские 30, 122.
Восстания в Китае:
  антиимпериалистическое 1900 г. Ихэтуань 93, 165—170.
  в Гутяне 1895 г. 92—97.
  в Сватоу 97.
  в Чэнду 91—92, 95.
Восток, см. Дальний Восток.
Вывоз капитала из США 14—15, 37, 39, 63, 64.

Гаагская конференция 1899 г. 14.
Гавайи 18, 119, 173, 214.
Галиция 212.
Гватемала 45.
Генеральный штаб японский 20, 21.
Германия 5, 7, 15, 17, 19, 22, 25, 31—34, 54, 59, 63, 85, 102, 104, 107—108, 113, 128—131, 134—136, 143—144, 159, 163, 172, 210—211, 213, 215—217, 221.
Гирин 46, 180.
Голландия 210.
Гомстэдская стачка 10, 82.
Гонконг 60, 65, 67, 68, 83, 108, 164.
Гонконгская торговая палата 79.
Государственный департамент 22, 26—27, 29, 36, 41, 64, 91, 95, 105, 107, 111—112, 117—118, 124, 135, 147, 152, 162, 172.
Гражданская война в США 1861—1865 гг. 7, 138.
«Граница колонизации» 14.
Гуам о. 119, 173.
Гуандун 97—98, 182, 194.
Гуаньси 77—78, 98.
Гучньсюй 32, 33.
Гуаньчжоувань 108, 113.
Гутян 92—97.

Дагу 169.
Дакота 10.
Дальний (Далянь) — 57, 113, 156, 161, 216, 221, 223.

Дальний Восток 4, 15, 17, 18, 20, 22, 26, 31, 33, 45, 60, 70—71, 96, 104, 107, 114—116, 121, 128—131, 135, 138, 140, 142—143, 145, 156, 159—161, 173, 215, 222.
Демпинг американский 74—75, 82.
«Детройт», крейсер 95.
«Джорнал оф Коммерс» («Journal of Commerce») 14, 103, 106—107, 110, 114, 117, 142, 145, 147, 161, 167.
Дипломатические акты (и их проекты) в порядке хронологии:
Американо-китайский договор 1844 г. 148.
Тяньцзинский договор между США и Китаем 1858 г. 21.
Тяньцзинская японо-китайская конвенция 1885 г. 18.
Соглашение русско-китайское о КВЖД 1896 г. 49, 56, 84.
Русско-китайское соглашение об аренде Порт-Артура 15/27 марта 1898 г. 131.
Англо-германский союз, его проект (1898) 130.
Парижский испано-американский договор 12 декабря 1898 г. 119.
Англо-американский союз (его проекты 1898—1899 гг.) 60, 61, 130—131, 135—138, 158.
Англо-русское соглашение о разделе сфер железнодорожного строительства в Китае 28 апреля 1899 г. 139, 146.
Русско-американская торговая конвенция 1900 г. (проект) 161.
Заключительный протокол (1901 г.) 170.
Англо-японский союз 1902 г. 129.
Дипломатия:
американская 21, 23, 34, 105, 141, 148.
английская 18, 20, 22, 60, 129—130, 132, 134—135.
германская 55, 143.
европейская 13, 23—25.
китайская 30—31, 53, 59.
русская 48, 156, 158.
французская 20.
японская 19, 141—142.
«Добрые услуги» США 20, 21, 34, 35.
Доктрина «открытых дверей», см. «Открытых дверей» доктрина.
Европа 70—72, 91, 101, 122, 128—129, 160, 178, 209, 211—213.
Европейские державы 19, 23, 28, 60, 86, 101, 122, 127, 134—135, 142, 144, 163, 169, 220.
Египет 130, 139, 210.

Железо 80, 110.
Железнодорожное оборудование 80, 82, 210.
Железнодорожное строительство в Америке 41.
Железные дороги:
Великая Сибирская 19, 31, 44—50, 56, 103, 160—161, 178—180.
Кантон—Коулун 60, 61.
Китайская Восточная (КВЖД) 49, 56—57, 129, 131, 158, 160, 221—223.
Кругосветного пути, американский проект 44, 161.
Пекин—Тяньцзин 46, 52, 179.
Пекин—Ханькоу 46, 49, 52—56, 58, 61—62, 152, 216.
Пекин—Ханьчжоу (проект) 52.
Транскитайская магистраль (американский проект) 42, 46, 47, 49, 56, 63, 161.
Тяньцзин—Чжэцзян 58—59, 152.
Тяньцзин—Шаньхайгуань 46, 57, 179.
Ханькоу—Кантон 59—61, 63, 100, 182—183, 190, 204.
Шаньхайгуань — Мукден — Гирин (американский проект) 57.
Шаньхайгуань — Нючжуан — Мукден — Гирин — Цицикар (американский проект) 46—48.
Южно-Маньчжурская (ЮМЖД) 57, 158, 160, 221—222.
Займы американские:
Англии 1900—1901 гг. 14.
Китаю 63.
Мексике 1899 г. 14.
на постройку железной дороги Ханькоу — Кантон 182—187, 189—190, 193.
Западное полушарие 14, 105.
Запад США 10, 14, 45, 116.
Зарплата американского рабочего, 9, 40, 82.
Зарплата китайского рабочего 40.

«Ивнинг сан» («Evening Sun») 138.
«Ивнинг стар» («Evening Star») 132.
Изоляционизм 134, 138.
Импорт американский 64, 65, 68, 209—212.
Индия 114, 139, 168.
Индо-Китай 115.
Индонезия 115.
Иокогама 29, 108.
«Искра» 167.
Испания 106, 115, 117—119, 124, 126—127, 134, 141, 145, 172.
Италия 17, 145—146, 148, 156, 163, 165, 210.
«Ихэцюань», общество 166.
«Йорктаун» 25.

Кавите 119.
Калифорния 39.
Каменный уголь 7, 70, 82, 110, 161, 208.
Канада 65, 212.
Канадская Тихоокеанская линия 65.
Канал между Тихим и Атлантическим океанами (американский проект) 138, 165.
Канзас 10.
Кантон 44, 46, 98, 182, 184, 190.
Капитал:
английский 16, 52, 59.
бельгийский 55.
германский 55.
русский 129.
французский 54—55, 129.
«Касаги», крейсер 142.
Квантунская область 157.
Керосин 64, 69—70, 72—75, 77, 84, 210—211.
Китай 3—6, 15—28, 30—42, 44, 48, 50—51, 53, 55—57, 59—69, 74—75, 77—101, 104, 106—119, 124—126, 128—133, 136—142, 144—160, 163—165, 167—173, 175—181, 187, 191—192, 198—201, 203—208, 215—224.
Китайская железнодорожная администрация 57, 60.
Китайские морские таможни 65—68, 84, 133, 146—147, 185, 189.
Китайский император 32, 59, 87, 100.
Клейтона—Бульвера договор 1850 г., переговоры о пересмотре 138.
Кобе 108.
«Коллективный меморандум» 32, 87.
Колониальная политика 6, 14—16, 37, 64, 90, 139, 155, 171, 173.
Комиссия англо-американская 96—97.
«Комитет по американским интересам в Азии» 106, 108.
«Коммершел Чайна» («Commercial China») 115.
«Конгресс», фрегат 148.
Конгресс США 110, 112, 136, 140, 163.
«Конкорд», канонерка 25.
Контрибуция китайская (Японии) 27, 28, 34, 41, 55.
Корея 17, 20—22, 47, 96, 115.
Крестьянское восстание в Корее 1893—1895 гг. 17, 18.
Кризис экономический 1893 г. в США 8, 15, 45.
Куба о. 126.

Латинская Америка 14, 195.
Ликин 78, 153, 175.
Лондон 22, 65, 81, 134, 148.
«Лондон энд Чайна экспресс» («London and China Express») 163.
Лос-Анжелос 121.
Люгоуцзяо 180, 187.
Ляодунский залив 180.
Ляодунский п-ов 31, 33—34, 41, 128, 132, 141.

Малайя 115.
Манила 118—114, 141, 173.
«Мансейс мэгезин» («Munsey's magazine») 116.
Манчестер 79.
«Манчестер гардиан» («Manchester guardian») 39.
Машины 64, 176, 212—214.
Маньчжурия 15, 30—31, 44, 46—47, 49—50, 57—58, 80, 82, 84, 105, 108, 111, 118, 131—132, 152, 156—158, 160—162, 164, 169, 178, 180—182, 223.
Марианские о-ва 173.
«Мачиас» 25, 91.
Медь 110.
Министерство иностранных дел русское 78, 143, 156—159, 162.
Министерство финансов русское 46, 71, 78, 160.
Минчан 199.
Миссионеры американские 19, 36, 57, 63, 88—92, 95, 114, 153, 164, 166, 175.

Монголия 47, 181.
«Монокаси». канонерка 25.
Морское министерство США 118—119, 169.
Морской колледж в Нью-Порте 20.
Мука 84—85, 210—211.
Мукден 46—47, 57, 180.
Мяодао о-ва 118.

«Наиболее благоприятствуемой нации» принцип 17, 36, 78, 109, 148—149, 166, 214.
Национальная ассоциация промышленников США 103, 115, 164.
Национальная торговая палата 164.
Национально-освободительная война на Филиппинах 123, 127, 169.
Национально-освободительное движение в Китае 26, 37, 38, 86, 88, 93, 96—98, 111, 118, 144, 151, 153, 165, 176.
Небраска 10.
Негритянская демократическая лига 121.
«Нейшн» («Nation») 154.
Нидерландская Индия 70, 75—77.
Никарагуа 18.
Нил р. 130.
«Норз Чайна Геральд» («North China Herald») 42, 152.
Нью-Джерси 180.
Нью-Йорк 28, 44, 46, 84, 121, 137, 177, 192, 203, 205—206.
«Нью-Йорк Геральд» («New York Herald») 71, 107.
«Нью-Йорк Таймс» («New York Times», 107.
«Нью-Йорк Трибюн» («New York Tribun») 59, 131.
«Нью-Йорк Уорлд» («New York World») 27.
Нью-Йоркская торговая палата 106—107, 109, 112, 114, 117, 137, 139.
Нючжуан 46, 83—84, 180.

«Общество возрождения Китая» 86, 87, 171.
«Олимпия», крейсер 91.
Опиумные войны 17, 86, 151.
Осака 140.
«Открытых дверей» доктрина 3—6, 38, 119, 125, 128, 132—133, 137, 139, 144—156, 158—165, 168—169, 172—173, 215, 218, 221, 223.

Палембанг 76.
Париж 71.
Парижская Коммуна 12.
Парламент английский 136.
Паровозы 81, 83.
Партии политические в США:
  Демократическая 105, 116, 123, 138.
  Популистская 11.
  Республиканская 105, 116, 123, 138, 162—163.
  Социал-демократическая 123.
  Социалистическая рабочая 123.
Пекин 30, 32, 37—39, 42, 46, 49, 56, 58, 78, 109, 111, 125, 146, 150, 152, 170, 176—177, 180.
«Пекин энд Тяньцзин Таймс» («Peking and Tientsin Times») 31.
Персия 168.
Петербург 22, 31, 46, 49, 57, 78, 111, 143, 148, 157—158.
Петергоф 102.
«Петрел» 25, 91.
Печжилийский залив 118.
Пинсян 189—190, 208.
Пищевые продукты 210—211.
«План Денби» 36—38, 152
Порт-Артур, 29, 57, 84, 104, 107, 113, 131—132.
Порто-франко 161, 216, 219, 221.
Посредничество американское 21, 34, 53.
Посредничество держав коллективное 22, 24.
Посредничество европейских держав 22—26.
Поход безработных в Вашингтон 1894 г. 11.
«Правила горного управления» 40.
Правительственная комиссия для изучения условий торговли в Китае 110, 112.
Правительства:
  американское 22, 24, 107, 109, 112—113, 124, 130, 142, 168.
  английское 22, 33, 129—130, 133, 136.
  германское 109.
  голландское 76.
  китайское 21, 23, 25—26, 28, 38, 40—41, 50, 58, 60—61, 83, 91, 96, 100, 109, 150—151, 166, 181, 221—224.
  русское 73, 143, 222.
  японское 159.

Президентские выборы 1900 г. в США 162—163.
«Пресбитериан бэннер» («Presbitarian banner») 114.
«Пресс» («Press») 104, 106.
Пресса:
американская 18, 25, 28—29, 104, 113, 127, 132, 134, 141, 142, 162—163, 167.
английская 38, 52, 82, 83, 134.
германская 103.
дальневосточная 83.
японская 141.
Промышленность:
американская 6—7, 14—15, 104, 108, 110.
китайская (национальная) 64, 87, 99, 153.
машиностроительная (американская) 81.
машиностроительная (английская) 81.
металлургическая (американская) 7, 80, 82.
металлургическая (английская) 80, 82.
нефтяная (американская) 7—8, 69—71, 74.
нефтяная (на островах Нидерландской Индии) 70, 74—75, 77.
нефтяная (русская) 69—71, 73—75, 77.
обрабатывающая (американская) 7.
текстильная (американская) 80, 108, 114, 140, 164—165, 167.
текстильная (японская) 140.
Профсоюзы американские 11, 12, 123—124.
Пульмановская стачка 11.
Пшеница 210—211.

Рабочее движение в Америке 10, 11, 123, 126.
Рабочий класс американский, его положение 9, 123.
Раздел Китая 4—6, 56, 85, 100, 106, 108, 128, 139, 144—145.
«Ревью оф ревьюз» («Review of Reviews») 80.
«Рейлроуд газет» («Railroad gazette») 108—109, 131—132.
Рейхстаг 101, 103.
Рельсы 80—82.
Реформисты 87, 100.
Рим 145—146.
Россия 5, 16, 17, 22—23, 25, 31—34, 41, 45, 47, 48—50, 54—57, 63, 70, 78—79, 82, 84—85, 101—102, 104—105, 107—108, 110—111, 113, 128—136, 141—144, 156—163, 165, 169, 172, 178—179, 211, 213—216, 219, 221—224.
Румыния 212.

Самоа о-ва 119.
Самса бухта 169.
Самшуй 189—190.
«Сан» («Sun») 132.
Сан Мынь 145.
Сан-Франциско 28, 107, 119.
«Сан-Франциско кроникл» («San Francisco Chronicle») 95, 137, 139.
Сватоу 83, 97.
«Свободы торговли» принцип 103, 109—111, 117, 134, 136, 139, 144, 149.
Северный Китай 44, 80, 82, 84, 98, 111, 118, 178—180.
«Сенчури» («Century») 115.
Сибирь 44—45, 160—161, 178.
Симоносеки 29.
Симоносекская мирная конференция 29, 32, 51.
Симоносекский мирный договор 30—37, 39, 44, 91.
Сиэттл 107.
Собственный Китай 15, 158, 160, 222.
Соглашения о разделе нефтяных рынков мира 1894 и 1895 г. 71, 72.
Соединенные Штаты Америки 3—29, 32—36, 38—39, 41—42, 44—45, 48, 51, 53, 55—56, 58, 60—61, 63—73, 77, 79—85, 89, 91, 95, 97, 99—119, 121—151, 153—165, 167, 169—170, 172—173, 178, 209—223.
Социал-демократия России революционная 167.
Социалистическое движение в США 11, 123.
Социальная революция 12.
Сталь 80, 82, 210.
Стальной трест 8.
Стачки в Америке 10, 11.
«Сто дней реформ» 100.
Суматра о. 70, 75.
«Сунванбао» 92.
Суэцкий канал 45.

«Сферы влияния» в Китае 77, 83—85, 119, 130, 132—133, 139, 144, 148, 151, 155—159, 163, 169, 215—220.
Сычуань 91, 98.
Сянтань 190.

Тайвань о. 19, 31, 92—93.
Тайваньская республика 92.
«Таймс» 118, 124—125, 134—135, 163.
Тайные общества в Китае 87, 93—94, 166.
Тайпинское восстание 97.
Тайчжоу 118.
Таможенные пошлины в Китае 37, 40, 78, 84, 87, 148, 154, 175, 221.
Тампа 126.
«Тариф Дингли» 101, 154, 161, 214.
Тарифы железнодорожные 70, 149, 157—158, 160, 162, 206, 216, 221.
«Тевтонский союз» 130.
Территориальной и административной целостности Китая принцип 150—151, 169, 172, 216.
Территориальный раздел мира 16.
Тихий океан 15, 20, 117, 119, 132, 141—142, 145.
Токио 23, 26—27, 29, 31, 35—36.
Тонкин 16, 108.
Торговля:
  нефтяная (американская) 64, 69—70, 72—73, 77, 85.
  нефтяная (индонезийская) 70, 74—75.
  нефтяная (русская) 69—70, 73, 84.
  текстилем (американская) 64, 79, 82—83, 85, 99, 106, 109, 114.
  текстилем (английская) 79—80, 82—83.
  текстилем (японская) 140—141.
Торговый флот:
  американский 65.
  английский 65, 67.
  японский 65.
Тресты американские 7—8, 10, 121, 125.
Тройственное выступление 23 апреля 1895 г. 31—34, 41, 55, 128.
«Тройственный союз в Азии» 128, 131, 142.
Тутуила о. 173.
Тэнчжу 118.
Тяньцзин 46, 80, 83—84, 118—119.

Уолл-стрит 27, 42, 44, 89, 106, 114.
«Уолл-стрит Джорнал» («Wall Street Journal») 113.
Учан 55, 190.

«Файненшиел рекорд» («Financial record») 114.
Фермерское движение в США 12.
Фермеры американские, их положение 9, 10.
Филадельфия 28, 107, 121.
Филиппинские о-ва 112—119, 123—124, 126, 134, 141—142, 145, 165, 169, 172.
Фирмы торговые в Китае:
  американские 39, 69—78, 82—83, 106, 108—109, 111, 136.
  английские 83, 130, 136.
Формоза о., см. Тайвань.
«Форум» («Forum») 113, 131.
Франция 5, 7, 16, 17, 22, 25, 31—34, 54—56, 63, 91—92, 108, 112—113, 128—130, 134—136, 143—144, 148, 159, 163, 210—211, 221.
Фуцзянь 92—98, 108, 169.
Фучжоу 92—94, 98.

Хайнань о. 75, 98.
Ханькоу 40, 46, 56, 83, 91, 180, 182.
Ханьян 40.
Ханьянский железоделательный завод 53, 54.
Химикалии 154, 210.
Хлопок 40, 214.
Хлопчатобумажные ткани 79, 213.
Хубэй 54, 98, 182, 194.
Хугуан 54.
Хунань 54, 98.
«Хунаньские молодцы» 97.

Центральная Азия 168.
Центральный Китай 62, 82—83, 133.
Цзунли ямынь 23—24, 26, 28, 33, 53, 58, 96, 146, 189, 192—193.
Цзянинфу 98.
Цзянсу 98.
Цзяочжоу 55, 59, 85, 102, 104, 108, 113, 131, 217.
Цинская династия 32, 50, 86, 88, 100, 151, 153, 169, 171.
Циньвандао 169, 172.
Цицикар 46, 180.
Цюньчжоу 75.

Чай 65.
«Чайна мейл» («China Mail») 97—98.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Введение 7

Глава I. Соединенные Штаты и японо-китайская война 1894—1895 гг. 17

Глава II. После японо-китайской войны (1895—1898 гг.) 35

1. Программа американской политики в Китае 35
2. «Битва за концессии» 38
3. Борьба за преобладание в области торговли 64
4. Углубление внутреннего кризиса Китайской империи . 86

Глава III. Накануне провозглашения доктрины «открытых дверей» (1898—1899 гг.) 101

1. Кампания «за Китай» в деловых кругах США 101
2. Захват Филиппин — форпоста на подступах к Китаю. Попытки США получить базу на северном побережьи Китая . 112
3. Движение «антиимпериалистов». Военные возможности Америки 119
4. Расстановка сил капиталистических держав в Китае . 128

Глава IV. Провозглашение доктрины «открытых дверей» и антиимпериалистическое восстание Ихэтуань 1900 г. 145

Заключение 172
Приложения 174
Источники и литература 225
Условные сокращения 233
Именной указатель 234
Предметно-географический указатель 237

Утверждено к печати
Ученым Советом
Института истории АН СССР

*

Редактор Издательства *Г. И. Зикеев*
Технический редактор *Р. Е. Зендель*
Корректор *Н. А. Браиловская*

РИСО АН СССР № 37-74-В. М-27476
Подписано к печати 28/IV 1956 г. Бумага 60×92¹/₁₆. Бум. л. 7³/₄. Печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 15,59+1 вкл. (0,21 уч.-изд. л.). Тираж 4500. Зак. 697.
Цена 10 р. 55 к.

Набрано в типографии № 2 Управления культуры Ленгорисполкома.
Отпечатано с готового набора 1-й типографией Изд-ва АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, дом 12.